

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ ИМЕНИ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

А.А. Скоробогатая

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И
МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

На примере Северной Башкирии

ТЕИС
МОСКВА, 2008

ББК 63.5

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор Н.М. Лебедева
доктор исторических наук, профессор М.Ю. Мартынова

*Издание подготовлено при поддержке Программы
фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация
народов и культур к изменениям природной среды, социальным и
техногенным трансформациям» (проект 4.5) и РГНФ,
грант № 08-06-00702а*

Скоробогатая А.А. Этническая идентичность и межкультурное
взаимодействие в Северной Башкирии. – М.: ТЕИС, 2008. – 190 с.

ISBN 978-5-7218-1051-0

Монография посвящена проблемам взаимной адаптации, формирования этнической идентичности и особенностям межкультурного взаимодействия в поликультурном регионе. В ней представлены результаты комплексного кросс-культурного исследования этнической идентичности и межкультурных установок у представителей башкирского, татарского, удмуртского и русского населения севера Башкирии. Представлены общая характеристика межкультурных отношений и исторический анализ особенностей межкультурного взаимодействия в регионе; исследуются взаимосвязи между характеристиками этнической идентичности и толерантностью / интолерантностью межгрупповых установок.

Предназначается для психологов, этнологов, социологов, историков и всех интересующихся проблемами этнической идентичности, межкультурного взаимодействия, взаимной адаптации народов и культур.

© Скоробогатая А.А., 2008

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2008

© ТЕИС, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую читатель держит в руках, продолжает серию работ, посвященных изучению различных аспектов связи между характеристиками этнической идентичности и особенностями межэтнического взаимодействия в различных регионах России и выполненных на стыке двух научных дисциплин – этнологии и кросс-культурной психологии. Однако среди других работ, написанных в данном ключе, настоящая монография заметно выделяется как по специфике объекта исследования, так и по вытекающим из этой специфики особенностям исследовательских задач.

Во-первых, необходимо отметить, что исследование, на основе которого написана книга, проводилось в полиэтническом и поликультурном регионе, где постоянно взаимодействуют представители нескольких народов, и поэтому в отличие от других исследований, где обычно сравнивались две или три этнические группы, здесь в качестве объекта изучения одновременно выступили представители четырех этнических групп – башкиры, татары, русские и удмурты.

Во-вторых, тюркоязычное население тех районов Башкирии, где проводилось исследование, являясь сравнительно однородным в языковом и этнокультурном отношении, тем не менее, по этнической идентификации дифференцируется на башкир и татар. При этом значительные колебания в численном соотношении представителей этих двух народов то в одну, то в другую сторону, фиксируемые этнической статистикой уже на протяжении полутора столетий, заставляют предположить здесь возможность существования групп населения с двойственной, нечеткой, нестабильной или маргинальной идентичностью. По этой причине возникает еще никем для данной территории не решавшаяся проблема структуры этнической границы между башкирами и татарами, или, иными словами, проблема выявления переходных групп и выяснения их характеристик.

В-третьих, сложность проблемы башкирско-татарского межэтнического взаимодействия обусловлена тем обстоятельством, что при тесной языковой и культурной близости двух тюркоязычных мусульманских народов, являются дискуссионными и представлены различными точками зрения проблемы происхождения башкирского и

татарского населения данной территории, периодизации истории их взаимодействия, идентификации местных диалектов и элементов традиционной культуры и др. При этом в работах ряда историков, этнологов и языковедов Татарстана дается интерпретация исторических процессов, заметно отличающаяся от той, которой придерживаются их коллеги в Башкортостане. Полемика по этим вопросам перестала быть уделом лишь чисто научных споров, она ведется на страницах массовых изданий, используется в своих интересах общественными и политическими деятелями, влияет на межэтнические противоречия в регионе. Таким образом, политизация данной проблемы делает особенно важным проведение объективных научных исследований специалистами, неангажированными теми или иными политическими силами.

Работа начинается с рассмотрения процесса формирования населения Северной Башкирии и анализа особенностей заселения этих районов башкирским, татарским, удмуртским и русским населением, излагаются также сведения по истории возникновения тех населенных пунктов, где проводилось исследование. При этом уделяется большое внимание характеру межэтнического взаимодействия между представителями данных народов, группы которых развивались «параллельно» (как соседи), и той роли, которую играли в этом процессе конфессиональный фактор и сословная неоднородность крестьянства. «Параллельное» развитие этнических групп не исключало ни взаимных культурных заимствований, ни исламизации какой-то части языческого финно-угорского населения, после чего принявшие ислам изменяли идентичность на татарскую. Предварительное описание изучаемого объекта в данном случае фактически переросло в отдельную исследовательскую работу.

Хотелось бы привлечь внимание читателей не столько к понятийному и методическому аппарату социальной и кросс-культурной психологии, используемому автором, и результатам исследования с точки зрения этой научной дисциплины, сколько к значению того вклада, который они вносят в наше знание об исследуемом регионе и о происходящих в нем этнических процессах.

Прежде всего, следует отметить, что этническая идентичность значительной части исследованных башкир оказалась амбивалентной, двойственной, в отличие от идентичности подавляющего большинства представителей остальных этнических групп, включая татар. Более четверти опрошенных башкир

полностью считали себя татарами, и более половины башкир считали себя башкирами лишь отчасти. Чтобы оценить значение этого результата, надо учесть, что до сих пор большинство авторов, писавших об этом регионе, решали вопрос об этнической принадлежности тюркоязычного населения с дихотомической позиции (башкиры они или татары?). Отдельные авторы употребляли термины «татаро-башкиры» или «башкиро-татары», тем самым делая акцент на культурном единстве этого населения и вынося за скобки проблему его этнической самоидентификации. Предлагались и иные подходы. Так, В.Ю. Хотинец на материале тюрков Бардымского района Пермской области, где ситуация имеет немало общих черт с Северной Башкирией, в 1997 г. решала вопрос с позиции существования трех взаимоисключающих вариантов идентичности (башкиры, татары или представители локальной группы). Вопрос о возможности двойственной идентичности не поднимался (*Хотинец, 2000*). Наконец, А.В. Черных и А.А. Плюхин также на материале Бардымского района рассматривают этническую идентичность как позицию на некоем континууме – от чисто башкирской идентичности через смешанную татаро-башкирскую до чисто татарской. Осознание же себя представителем локальной группы рассматривается ими как идентичность иного уровня – не этнического, а этнолокального (*Черных, Плюхин, 2001. С. 140–141*). Тем самым воспроизводится известная по литературе линейная биполярная модель этнической идентичности, когда ослабление самоидентификации с одной этнической группой означает усиление самоидентификации с другой группой (*Стефаненко, 1999. С. 229*).

В отличие от всех этих подходов, в ходе исследования, которое положено в основу настоящей монографии, каждому опрошенному задавался вопрос о том, в какой мере он считает себя представителем каждой из изучаемых групп, то есть воспроизводилась модель нескольких измерений, и в отношении башкир был получен уникальный результат, который можно считать первым шагом к решению проблемы структуры башкиро-татарской этнической границы, о которой говорилось выше.

Нуждается в осмыслении и другой важный вывод работы – о существовании в районе, где проводилось исследование, двух социально-психологических общностей – татаро-башкирской и русско-удмуртской. По поводу первой из этих общностей следует заметить, что, несмотря на отмечавшуюся почти всеми авторами для этих районов близость татар и башкир в языковом и культурном

отношении, татарская и башкирская группы респондентов продемонстрировали известную вариативность в установках относительно друг друга. Так, результаты проведенного автором факторного анализа показали, что для башкир фактор этнической толерантности сформирован переменными, которые являются индикаторами уменьшения социальной дистанции со всеми этническими группами кроме татар. В то же время уменьшение социальной, а также культурной дистанции с татарами вошло в один фактор с желанием выбрать иную национальность, чаще всего татарскую, и ощущением, что опрашиваемым ближе и понятней представители не своего, а другого народа, по-видимому, также татарского. В свою очередь татары «из-за боязни размывания этнокультурных границ отдаляются от башкир», а в качестве народа, с представителями которого опрошенные предпочли бы не общаться, респонденты-татары чаще всего называли башкир. Впрочем, негативные стереотипы татар, отмеченные среди башкир, также как и негативные стереотипы башкир среди татар, составляли явное меньшинство в наборе всех стереотипов, и высказывало их также меньшинство представителей каждой из этих групп. В противном случае речи о татаро-башкирской общности идти не могло.

Что же касается второй из выявленных автором социально-психологических общностей – русско-удмуртской, то ее существование и связанное с этим преобладание русских культурных ориентаций среди удмуртов представляется интересным и достаточно продуктивным с научной точки зрения результатом. Дело в том, что на рубеже XIX-XX вв. в удмуртской среде явно преобладали скорее татарские, чем русские ориентации, о чем свидетельствовали успех мусульманских проповедников среди удмуртов этого региона и ряд других фактов, отмечавшихся в литературе того времени. В современных условиях в сельской удмуртской среде наблюдаются, прежде всего, две этнокультурные тенденции. Первая из них – стремление к сохранению удмуртского языка и этнической культуры, вторая, имеющая место в ситуациях наиболее тесного взаимодействия как с башкирским и татарским населением, традиционно исповедующим ислам, так и с православными кряшенами, связана с частичным переходом на татарский язык. С учетом этих обстоятельств русские культурные ориентации, выявленные в сельской удмуртской среде Северной Башкирии (независимо от того, насколько широко в территориальном отношении они распространены), выглядят достаточно интересным

результатом. Принимая во внимание смену культурной и психологической ориентации с татарской на русскую за прошедший исторический период, возможно, удастся ответить на поставленный некоторыми исследователями вопрос о причинах сохранения удмуртского языка и элементов традиционной культуры удмуртов в Северной Башкирии в татаро-башкирском окружении и прогрессирующей аккультурации близких к ним групп удмуртов в расположенных по соседству южных районах Пермской области в русском окружении.

В целом появление настоящей монографии представляется важным шагом и как еще одно кросс-культурное исследование этнической идентичности и особенностей межэтнического взаимодействия народов России, и как заметный вклад в копилку этнологических знаний об одном из наиболее сложных с точки зрения этнического состава регионов нашей страны.

Вед. науч. сотр. ИЭА РАН,
канд. ист. наук

А.Д. Коростелев

ВВЕДЕНИЕ

Для России XXI в. наряду с множеством проблем социально-экономического характера чрезвычайно актуальными остаются вопросы межэтнического взаимодействия. В связи с этим особое значение приобретает поиск возможностей для сбалансированной интеграции российского общества. Среди ученых и политиков не прекращаются споры о том, какой путь оптимален для достижения согласия и гармонизации общественных отношений – нивелирование этнокультурных различий или сохранение социального и этнического разнообразия при разделяемых всеми единых системных целях. Рассмотрение интеграционных процессов, разворачивающихся в российском обществе, предполагает их анализ на разных уровнях – уровне складывания общероссийской идентичности, ступени формирования региональных общностей, уровне проявлений внутри и межэтнической консолидации и др.

Башкирия является одним из поликультурных регионов, исторически сложившихся на территории современной России. Население республики, особенно ее северных районов, отличается чрезвычайной мозаичностью этнического состава, причем чересполосное проживание представителей разных этнических групп является скорее правилом, чем исключением. Такая картина расселения сформировалась исторически в результате различных процессов: миграции представителей разных народов на территорию края в течение последних четырех столетий, урбанизационных процессов XX в. и др. (*Кузеев, Ганеева, 1989; Кузеев, 1992*). Интенсивность межэтнических контактов в данном регионе очень высока, поэтому важно знать особенности протекания межэтнического взаимодействия и факторы, связанные с межэтническими отношениями.

Вопрос этнической идентичности всегда был актуален для поликультурных регионов, где уровень межэтнических контактов достаточно высок. Особенно важной и недостаточно изученной темой является связь между проявлениями этнической идентичности и установками межэтнического взаимодействия. Данная проблематика находится на стыке интересов этнологии, истории, социологии, социальной и этнической психологии и в последнее время пользуется популярностью у отечественных исследователей (*Толерантность и согласие*, 1997; *Идентичность и толерантность*, 2002; *Этническая толерантность в поликультурных регионах России*, 2002; *Психологические исследования этнической толерантности*, 2003; *Толерантность в межкультурном диалоге*, 2005).

В изучении проблем этнической идентичности и этнической толерантности/интолерантности в поликультурном обществе особенно продуктивным оказывается комплексный междисциплинарный подход. По мнению автора, кросс-культурный анализ подобных явлений с использованием социально-психологических методов позволяет вскрыть невидимые глазу процессы и явления, порождающие различные формы взаимных реакций контактирующих этносов, выявить общие и специфические факторы, влияющие на толерантность/интолерантность межкультурного взаимодействия и взаимовосприятия.

Постановка и осуществление поставленной задачи сделались возможными благодаря накопленным в отечественной науке теоретическим и эмпирическим исследованиям в области этнологии и социальной антропологии (С.А. Абашин, Э.Г. Александренков, С.А. Арутюнов, Ю.В. Бромлей, Б.Е. Винер, Р.Ш. Джарылгасинова, Д.М. Исхаков, В.И. Козлов, А.Д. Коростелев, М.В. Крюков, Р.Г. Кузеев, П.И. Кушнер, В.В. Пименов, С.Е. Рыбаков, Ю.И. Семенов, З.П. Соколова, С.В. Соколовский, В.А. Тишков, С.А. Токарев, Д.А. Функ, Н.Н. Чебоксаров, С.В. Чешко, В.А. Шнирельман), этносоциологии (Ю.В. Арутюнян, М.Н. Губогло, Л.М. Дробужева, Н.Р. Маликова, В.К. Малькова, М.Г. Савва, А.А. Сусоколов), межкультурной коммуникации (М.Ю. Мартынова, С.Г. Тер-Минасова), социальной и этнической психологии (В.С. Агеев, Г.М. Андреева, Н.М. Лебедева, Л.И. Науменко, В.Н. Павленко, Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатова, В.В. Гриценко, В.Ю. Хотинец, П.Н. Шихирев), заложившим основы для реализуемого в этой работе теоретического и эмпирического подхода к исследованию этнической идентичности и этнической толерантности в поликультурном регионе, а также факторов,

влияющих на их формирование. Важное методологическое значение для данного диссертационного исследования имели труды ученых, разрабатывающих проблему особенностей идентичности и культуры населения регионов со сложным этническим составом, «пограничных областей» (П.И. Кушнер, Л.Н. Чижикова, Р.А. Григорьева, Р.Н. Игнатъев, А.С. Мыльников, М.Я. Берзина, Р.Ш. Джарылгасинова).

В последние годы в отечественной социальной и этнической психологии активно ведутся исследования проблем межкультурного взаимодействия и взаимовосприятия (А.Г. Асмолов, Н.М. Лебедева, В.П. Левкович, Л.И. Науменко, Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатова, П.Н. Шихирев, Е.И. Шлягина). Отечественными исследователями также выявлены факторы, способствующие формированию этнической толерантности-интолерантности. Прежде всего, это валентность этнической идентичности, культурная дистанция, разделяющая этнические группы, воспринимаемая дискриминация и уровень религиозной идентичности (Лебедева, 1993, 1997, 2003; Лебедева, Выскочил 2002; Lebedeva, Viskochil, 2002, 2003; Лебедева, Татарко, 2003, 2005).

Изучение проблем этнической идентичности и межэтнического взаимодействия во многом базируется на трудах зарубежных ученых, исследовавших данные феномены в культурном контексте (М. Banks, F. Bart, J.W. Berry, S. Bochner, T.H. Eriksen, D. Gorenburg, W.B. Gudykunst, G. De Vos, H. Tajfel, H.C. Triandis, J.C. Turner). Попытки изучения факторов, влияющих на толерантность-интолерантность межэтнических отношений, предпринимались зарубежными исследователями в области кросс-культурной психологии (Bochner, 1982; Berry, Pleasants, 1984; Brewer, Campbell, 1976; Kalin, Berry, 1980; Moghadam, Taylor, 1987; Taylor, 2002; Stefan, Stefan, 1985, 2000).

На региональном уровне проблемами межэтнического взаимодействия и этнической идентичности в Северной Башкирии занимались в основном этнологи, историки и лингвисты, рассматривая этностатистические, этнолингвистические и этнические аспекты данной проблематики (А.З. Асфандияров, И.М. Габдрафиков, А.Р. Ганеева, Д.М. Исхаков, М.М. Кульшарипов, Р.Г. Кузеев, М.И. Роднов, Ф.Г. Сафин, А.А. Юлдашев, Р.И. Якупов, Р.З. Янгузин).

Эмпирическую базу данного исследования составил опрос с помощью социально-психологического опросника представителей четырех наиболее многочисленных этнических групп, населяющих север Башкирии: башкир, татар, удмуртов и русских. Опрос проводился

в селах Янаульского и Аскинского районов. Села в этих районах преимущественно однородны по этническому составу. Так, Новый Артаул, Кисак-Каин, Янбарисово и Кашка – татаро-башкирские, Зайцево, Черяул и Аскино – русские, Шудек и Вотскую Ураду населяют удмурты.

В данном исследовании использовались историко-архивные материалы и данные этнопсихологического опроса представителей башкирского, татарского, русского и удмуртского населения северной части Башкирии.

Данная монография посвящена анализу социально-психологических факторов, связанных с этнической толерантностью–интолерантностью в исследуемом регионе.

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Исторический анализ особенностей межкультурного взаимодействия в Северной Башкирии

Длительное и интенсивное межкультурное взаимодействие является одной из характерных особенностей исследуемого региона. Северная Башкирия в течение нескольких столетий была зоной интенсивных межэтнических контактов, которые повлияли на национальное самосознание и на все стороны материальной и духовной культуры населяющих его народов – башкир, татар, удмуртов, марийцев, чувашей, русских. Эти контакты носили различный характер. Преимущественно они были мирными, проявлялись во взаимодействии в области хозяйства и материальной культуры, затрагивая нередко языковую сферу и духовную культуру в целом (Кузеев, 1992).

Согласно данным переписи населения 1989 г., население Республики Башкирия имеет следующий этнический состав: башкиры – 21,9% населения республики, русские – 39,3%, татары – 28,4%, чувашаи – 3,0%, марийцы – 2,7%, украинцы – 1,9%, мордва – 0,8%, удмурты – 0,6%, другие национальности – 1,4% (Подсчитано по: Национальный состав населения Башкирской АССР по

результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г.. Уфа, 1990. С. 62-103). На севере Башкирии процентное соотношение этнических групп отличается от соотношения по Башкирии в целом. Так, по той же переписи 1989 г. сельское население Янаульского района состоит на 39,7% из башкир, на 25,1% из татар, на 20,8% из удмуртов, марийцы составляют 10,1%, русские – 3,9%, другие национальности – 0,4%. В Аскинском районе башкиры составляют 42,5%, русские – 29,9%, татары – 26,0%, другие национальности – 1,6%. Особенностью севера Республики является то, что здесь находится основная территория расселения удмуртов и марийцев в Башкирии.

Заселение севера Башкирии было достаточно сложным процессом. На раннем этапе в формировании населения региона участвовали финно-угорские и тюркские народы. Во II–VII вв. на территории северной и северо-западной части Башкирии, в Южной части Пермской области на средней Каме обитали племена бахмутинской культуры. Она сформировалась как культура угорских племен. Кроме того, некоторые исследователи допускают, что в формировании племен бахмутинской культуры V–VII вв. участвовало и пришлое, тюркское, население (*Мажитов*, 1968. С. 75-76; *Мажитов*, 1969. С. 23). Древнее, угорское, население региона, несомненно, принимало участие и в этногенезе северных башкир, что подтверждается и тем, что в VIII–IX вв. в культуре населения края, которое исследователи определяют уже как башкирское, сохранились элементы, восходящие к культуре местных племен V–VII вв. (*Мажитов*, 1969. С. 24-25). Смешение их предков с аборигенным населением отразилось в различных этноисторических преданиях (*Кузеев*, 1971. Т. 4., С. 60-63).

Исторические особенности заселения региона башкирским населением

В конце VIII–IX вв. в Волго-Уральской области появляются древнебашкирские племена. В широком историческом плане их миграция на север была продолжением болгарского движения. На севере Башкирии крупных образований из древнебашкирской родоплеменной группы нет, за исключением, возможно, племен уран и сынрян, переселившихся с Бугульминской возвышенности не ранее XIII–XIV вв. (*Кузеев*, 1974. С. 437). На завершающих этапах башкирского этногенеза (XIII–XIV вв.) в северо-западной Башкирии наиболее четко просматривается важная роль собственно

кыпчакской миграции (канлы, гэрэ, елан, киргиз, каршин, ельдяк, кайпан, казанчи), а также миграционных потоков кыпчакизированных племен тюрко-монгольского происхождения из китайской и табынской групп (балыксы, дуван, таз, уран, ирэкте). И все же до конца XII в. основным районом расселения нынешних северо-западных башкир остается юго-западное Приуралье, к югу от р. Белой. Массовое продвижение башкирских племен на север начинается с конца XII в. и продолжается до XVI в., когда башкиры достигают течений рек Тулва, Сылва, Бисерть, верховий Чусовой (Кузеев, 1974. С. 366-367).

Главным политическим фактором для Башкирии XV – первой половины XVI вв. было ногайское господство. К этой эпохе относятся сведения о дальнейшем постепенном продвижении башкир на север, в область Пермских земель. «Причиной этого продвижения было отношение ногайских ханов и мурз с башкирами, оно базировалось на формуле господства и подчинения. Гнет ногайской знати был настолько тяжелым, что в XV в. наблюдается дальнейший отлив башкирского населения с юго-западного Приуралья на север Башкирии» (Кузеев, 1974. С. 484-485).

До середины XVI в. северо-западная Башкирия в основном была населена башкирами. Р.Г. Кузеев, крупнейший ученый в области изучения истории башкирского народа и истории народов Поволжья и Южного Урала, в своей работе «Историческая этнография башкирского народа» высказывает мнение о том, что «в XV в. процесс формирования башкирской народности еще не завершился. О башкирах, как о сложившемся народе, можно говорить не ранее, чем с середины XVI в., когда башкирские племена в сложной политической обстановке (имеется в виду разгром Казанского ханства) приняли русское подданство, впервые после нескольких столетий политической раздробленности объединив свои земли в составе Русского государства» (Кузеев, 1978. С. 216).

Завоевание Казани Иваном Грозным в 1552 г. явилось не только политическим событием, но и началом мощного культурного воздействия на мусульманское и языческое население бывшего Казанского ханства со стороны Московского государства. Здесь происходило столкновение не только разных традиционных культур, но и мировоззрений: христианского, с одной стороны, мусульманского и языческого – с другой. Сопротивление коренного населения культурной ассимиляции и абсорбции (которая нашла выражение в официальной политике насильственной

христианизации и русификации) протекало в различных формах. Одной из них был уход населения с прежних мест обитания и миграция в восточном направлении (*Якупов, 1992. С. 167-168*).

Со второй половины XVI в. и вплоть до начала XX в. происходило интенсивное заселение исследуемой области различными по культуре и происхождению народами. Это были тюркские (казанские татары, мишари, чувашаи), финно-угорские (удмурты, марийцы, мордва) и восточнославянские (русские, украинцы, белорусы) народы. Миграции способствовало то обстоятельство, что Башкирия, как отмечали многие исследователи (в том числе У.Х. Рахматуллин), располагала в тот период большим количеством доступных и пригодных для земледелия и скотоводства пространств, а так же льготами в землепользовании, предоставляемыми правительством (*Рахматуллин, 1988. С. 32*). В это же время в Башкирию переселялись жители нижневолжских, приволжских, казахских и западносибирских степей: ногайцы, калмыки, казахи, кочевые татары, уйгуры и т.д. В край прибыли также представители народов Средней Азии: каракалпаки, туркмены, узбеки, таджики и др. К переселенцам правительство относилось терпимо и не чинило им каких-либо препятствий и преград. Несмотря на то, что переселенцам из кочевых обществ требовались большие пространства земли, власти охотно принимали таких мигрантов и всячески поощряли поселение их на территории Башкирии. Выходцы из Средней Азии, Западной Сибири и степей Казахстана и Приволжья становились подданными Российского государства лишь после переселения в Башкирию и заведения здесь хозяйства. Таким образом, заселение и хозяйственное освоение Башкирии в это время можно рассматривать как результат некоторого сочетания внутренней колонизации с внешней (*Рахматуллин, 1988. С. 81-82*).

Этническое многообразие в регионе дополнялось пестротой сословных разрядов. Башкиры составляли особую группу вотчинников (асаба), владевших своей землей в качестве полноправных собственников, в их отношении действовало отдельное законодательство (от договоров с Иваном Грозным до «Положения о башкирах» 1863 г.). В период кантонной системы (1798–1865 гг.) башкиры не платили налогов, исполняя военную службу по охране юго-восточных границ Российской империи (от реки Урал до Западной Сибири), участвуя во всех войнах и походах российской армии в качестве иррегулярной конницы, и имели статус, близкий к казачеству (*Роднов, 2002*).

После вхождения башкир в состав России на их земли распространились действовавшие в государстве феодальные земельные отношения, что привело к усилению контроля государства, которое было заинтересовано в увеличении количества зависимого податного населения и поощряло заселение незанятых пространств. Суть государственного управления в Башкирии хорошо изложена У.Х. Рахматуллиным: «В XVII-XVIII вв. как местным, так и пришлым людям, кроме феодалов, не дозволялось жить и вести хозяйство в Башкирии безповинно, без дани за право проживания. Сами башкиры были обложены ясаком, несли военные, подводные и другие повинности. Пришлые люди (чуваши, марийцы, татары, туркмены, калмыки, казахи, узбеки, уйгуры, ногайцы и др.), попавшие в ряды башкир, следовательно, включенные в «башкирское сословие», тоже обязаны были платить ясак и нести повинности наравне с коренными жителями. Не менее жестким был контроль за населением Башкирии вне башкирской волости. Переселенцев записывали в то или иное сословие: в крестьяне, бобыли, тептяри, служилые и прочие, следовательно, на них накладывались соответствующие тягло и повинности. В любом случае государство эффективно осуществляло свою верховную власть на землю и на подданных и право получать ренту-налог за землепользование и за право жить в Башкирии. Вместе с тем за башкирами-вотчинниками закрепились довольно широкие земельные права» (Рахматуллин, 1988. С. 31).

Переселение в регион татарского населения. Мишари и тептяри

Татары и переселенцы из числа других народов Поволжья селились среди башкир, на их родовых землях, которые в то время не могли отчуждаться совсем, а по решению рода передавались как бы в длительную аренду по принципу припуска. Ввиду этого переселенцы превращались в припущенников. Они не имели прав на землю, в отличие от башкир, вотчинные права которых были подтверждены грамотами Ивана Грозного. В исторической литературе припущенниками называют различные группы населения Башкирии XVII-XVIII вв. П.И. Рычков, В.М. Черемшанский, В.И. Витевский, Н.В. Ремезов и др. относят к ним только тептярей и бобылей. Такие авторы, как С.М. Васильев, Н.В. Устюгов, Н.Г. Апполова и др., причисляют к припущенникам более широкие слои пришлого

населения края, включая тептярей и бобылей, служилых татар и мишарей. «В действительности же в разряд припущенников попадал в XVII-XVIII вв. гораздо больший круг жителей Башкирии, чем отмечалось в литературе» (*Рахматуллин*, 1988. С. 127). «Башкиры на свои огромные земельные владения припускали в первую очередь единоверцев-татар, которые, видимо, и составили ядро будущего тептярского сословия, а также язычников – чувашей, марийцев, удмуртов, с которыми издавна находились в культурных контактах» (*Якулов*, 1992. С. 167-168).

Как отмечает Р.Г. Кузеев, особенно многолюдным и интенсивным было движение на восток татар – казанских и касимовских – в первой половине и середине XVIII в. «Основной их поток направлялся в Приуралье, где татары осели на башкирских землях по всей северо-западной и западной Башкирии» (*Кузеев*, 1992. С. 141-142). Другая значительная группа татар направилась на юго-восток (где позднее сложилась оренбургско-каргалинская группа татарского населения) и далее, по Оренбургской линии, на север. В районе водораздела Яика и Уя образовался зауральский очаг расселения татар. Довольно внушительный поток мишарей и казанских татар двинулся по традиционным северным путям на Урал и в Зауралье (*Кузеев*, 1992. С. 141-142).

К концу XVIII в. происходят изменения в этнической карте Башкирии. Бугульминский, Мензелинский, Бирский и Белебеевский уезды, по данным исследователей, «активно осваивались тептярями и татарами», Уфимский уезд – мишарями и русскими, юго-запад, юг, юго-восток (Стерлитамакский и Верхнеуральский уезды) были заселены татарами, и значительно меньше тептярями (*Янгузин*, 1989. С. 58). Характерной особенностью Бирского уезда являлся «сильно смешанный этнический состав населения. Это было типично не только для уезда в целом, но и для каждой деревни в отдельности. Башкиры, особенно вперемежку с припущенниками – тептярями и мишарями, – жили почти во всех волостях уезда: Калнинской, Шемшадинской, Таныпской, Елдятской, Тазларской, Еланской, Караеланской, Гарейской, Каратаныпской, Уфатаныпской, Сунларской и части Булярской и Киргизской» (*Янгузин*, 1989. С. 56-58).

А.З. Асфандияров отмечает, что «лишь с 1739 г. татары получили право на создание собственных деревень» (*Асфандияров*, 1997. С. 153), а до этого времени татары, а также мишари и тептяри, как правило, обосновывались в башкирских населенных пунктах. Об

этом упоминает Р.Г. Кузеев: «Расселялись татары по всей Башкирии, но наиболее густо оседали в ее западных и северных районах. В западной Башкирии татары нередко расселялись в одних и тех же деревнях с башкирами, тептярями, чувашами, мордвой; в северной Башкирии – рядом с удмуртами, марийцами. Тесные контакты татар в западной и северо-западной Башкирии с упомянутыми народами оставили заметный след в их культуре, быте, разговорном языке»; это дало основание Р.Г. Кузееву для выделения татар северо-западной Башкирии в особую *приуральскую подгруппу* (Кузеев, 1992. С. 250-251).

Но не все ученые придерживаются мнения о том, что татары Приуралья являются переселенцами из Среднего Поволжья второй половины XVI–XVIII вв.. Например, А.Х. Халиковым высказывалось мнение, что в северо-западном Приуралье в результате проникновения туда в XIII–XIV вв. болгар начался процесс формирования особой народности «уфимских татар», которая в условиях экономической и политической зависимости от Казанского ханства сблизилась в XV–XVI вв. с казанскими татарами (Халиков, 1971. С. 30-37). Д.М. Исхаков высказывает мнение о том, что ошибочно «относить переселения татар в Приуралье и смешения с «западными башкирами» к периоду после падения Казанского ханства» и «говорить о слабости влияния в Приуралье Казанского ханства при особой роли тут Ногайской орды», а «Ногайскую Орду надо рассматривать как полиэтническое, но татарское государство, в котором господствующие группы состояли из «татар», а подчиненными группами являлись «иштяки» и «башкиры»» (Исхаков, 2000. С. 26-27). Автор приходит к выводу, что этническая ситуация XV–XVI вв. в Приуралье, особенно его северо-западном ареале, остается в целом неясной.

Касаясь вопроса о тюркской части населения Башкирии XVI–XX вв., необходимо упомянуть о «мишарях» и «тептярях». Принято считать, что мишари (или мещеряки) – одна из этнографических групп татарского населения Республики Башкортостан. Они образуют вторую по численности группу татар Волго-Уральского региона и составляют примерно 1/3 их часть (Исхаков, 1993. С. 24). По мнению Д.М. Исхакова устойчивость этнонима «мишар», была связана с незавершенностью консолидации волго-уральских татар, в том числе и из-за полусословного характера группы мишарей в Приуралье, а возможно, и в силу сложности внутреннего состава самих мишарей. Этому способствовали также отличия в языке

(западный диалект татарского языка) и культуре (они не праздновали сабантуи, джиины и т.д.) (*Исхаков*, 1993. С. 25).

К началу XX в. различия между мишарями и татарами практически стерлись, однако некоторые группы мишарского населения, особенно на северо-западе Башкирии, до сих пор сохраняют мишарское самосознание и о себе говорят «мы - мишари» (*Давлетшина*, 2001. С. 38). Часть их относилась к служилым людям, но большинство, как и казанские татары, будучи вольными переселенцами, жили оседло в башкирских и тептярских деревнях на положении бобылей. Позднее значительная часть их обзавелась собственными хозяйствами, получила землю и превратилась в обычных государственных крестьян, а часть окончательно слилась со своими хозяевами - башкирами и тептярями (*Воробьев, Хисамутдинов, Юсупов*, 1962. С. 125). Мишари, как башкиры и русские казаки, находились в 1798–1865 гг. в служилом сословии и входили в башкиро-мещеряцкое войско. После отмены кантонной системы управления мишари, как и башкиры, были приравнены к государственным крестьянам.

Устойчивость этнонима «мишар», сложность внутреннего состава мишарей (темниковские, симбирские или алатырские, пензенские и др.), особенности языка, культуры и быта, видимо, могут свидетельствовать о том, что в начале XX в. у них шло обособление в отдельную народность. Однако этот процесс в силу ряда причин не успел завершиться и, начиная с переписи 1939 г., мишари в большинстве своем стали причисляться к татарам, часть из них вошла в состав башкир (*Давлетшина*, 2001. С. 43-44).

Вопрос о тептярях и их происхождении является одним из дискуссионных в истории Башкирии. «Люди, носившие название «тептяри», известны только в Башкирии. Весьма сложен путь формирования тептярского слоя населения и остались невыясненными социально-экономические условия формирования» (*Рахматуллин*, 1988. С. 160). В исторической литературе существуют три точки зрения на данную проблему: 1) тептяри – полиэтническая сословная группа (*Ахмаров*, 1907. С. 342-345., и др.); 2) тептяри – народность; 3) тептяри – этнографическая группа татар (*Давлетшина*, 2001. С. 50; *Якупов*, 1992. С. 167).

История тептярей локализуется в хронологических рамках второй половины XVI – начала XX вв. (*Якупов*, 2001. С. 57). Большинство источников свидетельствуют о многонациональном составе тептярей. Среди них упоминаются татары, чуваша, удмурты,

марийцы, мордва и даже беглые русские крестьяне (*Рыбаков*, 1897. С. 39). Г.Н. Ахмаров в своей статье «Тептяри и их происхождение», опубликованной в 1907 г. в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», приводит такой эпизод: «Мне случалось видеть и расспрашивать в селениях, которые я проезжал. Тептяри черемисы на вопросы мои отвечали мне много и нескладно; но из всего того, что они мне объясняли, я мог понять, что «они сами себя зовут черемисой, а потому, что они живут здесь, а не на старых своих местах, и выходит, что они тептяри». Объяснение это сделали мне черемисы, обитающие в Бирском уезде» (*Ахмаров*, 1907. С. 344). «Подобное черемисскому, объяснение слова "тептярь" сделали мне и тептяри мухаммедане» (там же, 1907. С. 345).

Н. Катанов в своей работе «Отчет о поездке, совершенной с 20 мая по 20 августа 1888 г. в Белебеевский уезд Уфимской губернии», опубликованной в марте 1901 г., пишет следующее: «Народные предания гласят, что тептяри, благодаря стараниям татар-мусульман принявшие от сих последних религию и язык, и составляющие ныне нечто цельное, сплоченное и в отношении быта и верований, и в отношении языка, прежде, до принятия ислама, жили раздельно и назывались по племенам: вотяками, мордвою, черемисами и чувашами» (*Катанов*, 1901. С. 76).

Как отмечает Р.Г. Кузеев, тептяри, «возникнув как сословное образование, постепенно приобретали признаки этнической общности. Определяющее значение в этом процессе имели, во-первых, формирование тептярской сословной группы на вотчинных землях башкир, во вторых, численное преобладание среди тептярей татар и башкир, в третьих, расселение с определенного исторического момента (видимо, с рубежа XVIII–XIX вв.) большей части тептярей в зонах активного татаро-башкирского этнокультурного взаимодействия в северо-западной, северной и западно-сибирской Башкирии» (*Кузеев*, 1992. С. 267).

В составе тептярского населения большинство составлял татаро-башкирский элемент, однако в период формирования сословия (1730-1740 гг.) его костяк складывался из финно-угорских групп. В последующем происходило постепенное увеличение тюркских элементов. Численность представителей других этносов – казахов и калмыков, – видимо, была незначительной. На рубеже XVIII–XIX вв. соотношение тюрков и финнов в составе тептярей выравнивается, и

в последующем намечается неуклонный численный рост татар в составе тептярей (*Якупов, 1996. С. 55*).

После отмены кантонной системы и роспуска тептярских полков тептяри получают повышенные земельные наделы, с этим связано появление для обозначения тептярей термина «новобашкиры». В переписях XIX – начала XX вв., «новобашкиры» учитываются в составе башкир, что вносит путаницу в этническую статистику.

С одной стороны, относительная общность материальной культуры и языка, особый социальный статус, схожие социально-экономические условия и другие факторы, объединяющие тептярей, свидетельствуют о происходивших среди них консолидационных процессах, прерванных искусственно (*Давлетшина, 2001. С. 55*).

С другой, сложность этнического состава тептярей, переход части тептярей и мишарей в состав «новобашкир» способствовали постепенному размыванию у них этнического самосознания. Разные подходы при определении этнической принадлежности (родной язык или национальность), особая политика при проведении переписей населения страны привели в дальнейшем к тому, что тептяри (особенно на северо-западе и западе Республики Башкирия) в силу своей неоднозначности, неустойчивости самосознания стали причислять себя то к башкирам, то к татарам. Это, в свою очередь, соответствующим образом повлияло на динамику численности татар и башкир в Башкирии (там же, С. 55).

Основные этапы заселения региона удмуртским населением

Переселение удмуртов за Каму на территорию Башкирии, начавшись в XVI в. (после падения Казани), продолжалось с нарастанием до конца XIX в. В XIX в. поток мигрантов-удмуртов был наиболее плотным, о чем свидетельствуют следующие данные: к концу XVIII – началу XIX вв. удмуртов в Башкирии было 3 тыс. человек, в середине XIX в. – 13 тыс., к началу XX в. – около 25 тыс. (*Янгузин, 1987. Т. II. С. 214*). Согласно материалам Всероссийской переписи населения 1970 г., численность удмуртов Башкирии составила 27,9 тыс. человек, а по данным переписей 1979 и 1989 гг. – соответственно 25,9 тыс. и 23,7 тыс. человек.

Переселение было вызвано сокращением на территориях, заселенных удмуртами, свободных пахотных площадей, усилением социального гнета и протестом против навязывания чуждой им христианской религии. Современное население миграцию предков

на эти земли связывает лишь с последней причиной. На новом месте удмурты оказались в иноэтническом окружении, причем среди их соседей, в числе которых были и русские, и марийцы, численно преобладали тюркоязычные татары и башкиры.

Однородность хозяйственно-культурного типа местного населения и удмуртов позволила удмуртам-переселенцам и на новом месте жительства продолжать свое традиционное занятие земледелием и соответственно соблюдать привычные обычаи и обряды как аграрного, так и семейно-родового циклов. Их развитые семейно-родовые и аграрные культы и соответствующая обрядность, служа одним из существенных признаков этнической идентификации, в известной степени как бы законсервировались, длительное время сохраняя архаические черты. Тем не менее, полиэтничное окружение, обособленность и отдаленность от основного этнического массива не могли со временем не отразиться на жизни переселенцев. Более заметным было влияние преобладающего среди соседей тюркоязычного населения, с которым у удмуртов установились дружественные отношения; предпосылкой этому послужила прежде всего однородность хозяйственно-культурного типа (*Христолюбова, Миннихметова, 1992. С. 138-139*).

Удмурты, живущие на территории Башкирии, преимущественно расселены в лесных северных и северо-западных районах, большей частью в Янаульском, Татышлинском, Калтасинском и Бураевском. Они входят в состав приуральских удмуртов, а Р.Г. Кузеев объединяет их в особую *янаульско-татышлинскую группу* «со смешанной этнической структурой» (*Кузеев, 1992. С. 259-260*). Он также отмечает, что некоторые территории удмурты осваивали вместе с русским населением, а на других – жили в тесном соседстве с башкирами. Кроме того, удмуртские деревни оказывались расположенными попеременно с русскими, татарскими и марийскими поселениями.

Вместе с тем, приуральские удмурты чаще расселялись в однонациональных деревнях, хотя были нередки и смешанные поселения – удмурто-татарско-башкирские, удмуртско-башкирско-марийские и т.д. В однонациональных деревнях удмурты устойчиво сохраняли традиции в занятиях, промыслах, семейно-родственных обычаях. Как уже отмечалось, сильным было и тюркское влияние. Так, «у янаульско-татышлинских удмуртов, живущих в окружении

татарского и башкирского населения, антропонимия в середине XIX в. на 90% была тюркского происхождения» (там же, С. 260).

Формирование восточнославянского населения региона

Одновременно с финно-угорской (особенно интенсивно с XVIII в.) проводилась колонизация севера и северо-запада Башкирии русскими крестьянами, которых переводили сюда помещики, а также беглыми из центральных областей страны. Русские беглецы частично приселялись к поселениям башкир и других народов, в большинстве же селились на монастырских землях, а иногда и на свободных (*Воробьев, Хисамутдинов, Юсупов*, 1962. С. 124-130).

Восточнославянское население региона (русское, украинское, белорусское) формировалось в течение длительного периода (вторая половина XVI – начало XX вв.). Важнейшую роль в этом процессе сыграли миграции, интенсивность и масштабы которых были неодинаковы в разное время и определялись социально-экономическими, политическими и другими факторами. Неодинаковым в различные периоды было и влияние, оказываемое восточнославянским населением на этническую и демографическую ситуацию в регионе. Если в XVI в. русское население на Южном Урале представляло собой малочисленную этническую группу, то в дальнейшем в результате массовых переселений этническая территория русских в регионе значительно расширилась и сомкнулась с основной территорией русского этноса. Уже к концу XVIII – началу XIX вв. русские стали одним из самых многочисленных народов на Южном Урале и уступали по численности лишь башкирам (*Ковязин*, 1992. С. 80).

Русские сыграли важную роль в хозяйственном и культурном развитии Башкирии. Их влияние в области традиционно-бытовой культуры представлено большим количеством явлений, углубляющих оседлые, лесные формы хозяйствования татар и других народов региона (*Воробьев*, 1946).

Колонизация шла в двух формах: «сверху», правительственная и «снизу», вольная. Со второй половины XVI в. она носила преимущественно военный характер и преследовала, прежде всего, политические цели. Со второй половины XVIII в. колонизация Башкирии становится преимущественно крестьянской, а интенсивность ее значительно возрастает: 50–60% крестьянских поселений в Уфимском уезде были основаны именно в это время. По

подсчетам Ю.М. Тарасова, на всей территории Оренбургской губернии численность русских составляла: в 1744 г. – около 120 тыс., в 1762 г. – более 259 тыс., в 1795. – около 420 тыс. человек (*Тарасов, 1984. С. 61*). За полвека русское население увеличилось в 3,5 раза.

В первой половине XIX в. переселение русских крестьян в край значительно возросло. Основными его причинами были усиление крепостного гнета в центральных районах России и малоземелье. Заселение шло преимущественно выходцами из центральных и южных русских губерний: Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Курской и др. Основную массу переселенцев составляли государственные крестьяне, имевшие большую свободу переселения. К середине XIX в. в регионе образовался значительный и устойчивый слой русского крестьянского населения.

Особенности межкультурного взаимодействия в Северной Башкирии

Уже во второй половине XVIII в. коренное башкирское население стало составлять меньшинство среди сельских жителей края. На протяжении трех столетий народы разных конфессий, этнических и языковых групп «притирались» друг к другу, учились жить рядом, терпимо относиться к чужим обычаям. После башкирских восстаний 1735–1740 и 1755 гг., проходивших во многом под антирусскими лозунгами, отражавшими христианско-исламское противостояние, вплоть до начала XX в. никаких межэтнических конфликтов Башкирия не знала.

По материалам Первой Всеобщей переписи населения России 1897 г. русские (834,1 тыс. чел.) были вторым по численности народом после башкир (899,9 тыс.) в Уфимской губернии (*Первая Всеобщая перепись..., 1904, С. 40-41*). После буржуазных реформ второй половины XIX в. переселение крестьян в Башкирию заметно активизировалось. Наивысшего подъема оно достигло в годы столыпинской аграрной реформы (1906-1916 гг.).

Во второй половине XIX в. этническая картина в Уфимской губернии еще более усложнилась. Вместе с новым потоком русских переселенцев в край прибыло значительное количество украинцев и белорусов, а также колонисты из «западноевропейских» народов – немцы, латыши, эстонцы.

К началу XX в. в крае сложилась своеобразная система межэтнического взаимодействия. Все группы крестьянства, как правило, жили внутри моноэтнических (одноконфессиональных) общин. Можно сказать, что они жили «рядом», но не «вместе». Межнациональные контакты являлись, так сказать, чисто внешними – на базарах, при экономических сделках, в административных структурах, но внутренний мир каждой сельской общины оставался моноэтническим. В западной Башкирии исключительно редко встречались деревни со смешанным, межконфессиональным населением, например, русско-татарским. Преимущественно в одном селении проживали только родственные (по языку или религии) этносы – русские с украинцами и мордвой, татары с башкирами (*Роднов, 2002*).

Взаимодействие и взаимовлияние различных этнических групп населения друг на друга в культурном и материально-хозяйственном отношении осложнялось конфессиональным фактором. Российское правительство неоднократно предпринимало попытки христианизации инородческого населения Поволжья в XVII-XIX вв. с целью усиления в регионе государственной религии – православия. На это был направлен целый ряд политико-экономических мер. Например, в ноябре 1713 г. был издан указ о запрещении «бусурманам магометанской веры» владеть православными крестьянами (креститься в полгода, иначе отписать поместья и вотчины «на Великого Государя») (*Фирсов, 1869. С. 4*). Такого рода указ уже принимался при Федоре Алексеевиче и отменялся при Софье, тем самым и крепостные-инородцы поощрялись к крещению (там же. С. 5).

Принявших христианство татар было немного, и они составили особую этноконфессиональную группу *кряшены*. Максимальное количество кряшен (7,6% от общей численности татар Поволжья и Приуралья) приходится на середину XVIII в. – период наиболее жестких правительственных мер по обращению в православие нерусских народов Поволжья (*Исхаков, 1980. С. 25-39*). Важным последствием оформления кряшен как этноконфессиональной общности явилось формирование особого самосознания ее представителей. В нем находит свое выражение определенная обособленность крестившихся татар и от татар-мусульман, и от близких по вере русских. С другой стороны, татарская знать активно противодействовала отходу татар от ислама, что впоследствии способствовало успеху консолидации татар Поволжья.

Распространение ислама в Урало-Поволжье началось, по мнению исследователей, значительно раньше официального принятия мусульманской веры Волжской Булгарией (X в.). Оно в наибольшей мере касалось зажиточного и городского населения, в то время как сельское население прочно в течение многих веков сохраняло языческие традиции. По мнению Н.И. Воробьева, утверждение ислама на бытовом уровне в сельской среде произошло в XVII в., когда «татарская феодально-буржуазная верхушка, желая использовать стремление трудовых масс отстоять свою национальную культуру от посягательств обрусителей-колонизаторов, начала усиленно насаждать в народе исламистские обычаи и бытовые формы, чтобы этим резче отделить татар от соседей, особенно от русских, изолировать татарскую массу и сохранить свое преимущественное влияние на нее» (*Воробьев*, 1946. С. 83).

О том, что распространение ислама в Башкирии, по сравнению с христианством, носило более успешный характер, свидетельствуют многие исследователи. В частности, С.В. Чичерина в статье «Положение просвещения у поволжских инородцев», опубликованной в 1906 г. в «Известиях Императорского Русского географического общества», пишет о том, что «даже беглые наблюдения убеждают каждого, что мы почти ничего не сделали для того, чтобы сблизить с собой даже те инородческие племена, которые находятся под нашею властью более 300 лет» (*Чичерина*, 1906. С. 642). Ситуацию, сложившуюся в Бирском уезде, она описывает так: «Бирский уезд менее безнадежен, чем Белебей (*Белебеевский уезд – А.С.*), но и там спасти от ислама можно лишь поддержанием язычества» (там же, 1906. С. 636). Также автор обращает внимание на то, что не только ислам мешает христианизации инородческого населения – «мордва не склонна к мусульманству, но очень склонна к расколу и другим сектам: молоканству, хлыстовству, и проч.» (там же, С. 637).

С. Рыбаков в работе под названием «Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии» пишет следующее: «это есть та губерния, где ислам с особым успехом культурно борется с нами, и где наша просветительная деятельность до сих пор мало плодотворна и ничтожна, если не плачевна» (*Рыбаков*, 1900. С. 3). Автор приводит такие цифры по Уфимской губернии: православных церквей 349, мечетей 1555, православных священников 360, мулл 4665, медресе и мектебе 6220, церковных школ 231 (там же, С. 7-8).

«Еще в начале 70-х годов и раньше было известно о распространении мусульманства и среди Уфимских инородцев; так, было известно, что в Бирском уезде до 40 тысяч черемис, большею частью язычники, подвергались отатариванию. Мужчины между собой говорят исключительно по-татарски; употребление же черемисского (*марийского* – А.С.) языка между мужчинами считается признаком отсталости» (там же, С. 8). Даже языческие моления осуществлялись на татарском языке. «В настоящее время отличительными чертами характера черемисского населения почти во всей Уфимской губернии являются: скрытность, подозрительность, лукавство и враждебное отношение ко всему русскому. Влияние магометан на вотяков (*удмуртов* – А.С.) отразилось в Уфимской губернии еще более, чем на черемисах. Есть деревни, где вотяки совсем отатарились и построили мечети» (там же, С. 13). С. Рыбаков особо отмечает «характерное явление, что все обращающиеся в магометанство инородцы называют себя и слынут под именем татар», при этом он также подчеркивает «равнодушие русского населения к религиозно-просветительным интересам в среде окружающих инородцев» (там же, С. 14).

Во многих русских деревнях оседали единичные семьи мусульман, главным образом наемные рабочие – батраки, многие из которых со временем крестились, ассимилировались русской средой. В мусульманских селах жили также единичные семьи русских предпринимателей (торговцы, мельники, ремесленники). Эти русские в свою очередь подвергались аккультурации в мусульманской среде. З. Валидов вспоминал: «Русские, поселившиеся среди нас (*мусульман* – А.С.) как лавочники или кузнецы, очень быстро усваивали наш язык, а их дети впоследствии долго пребывали под воздействием ислама» (*Заки Валиди Тогаң*, 1994. С. 16).

Тем не менее, русский язык действительно был средством межнационального общения, среди других народов им владела значительная часть мужского населения, но в весьма сжатом объеме, достаточном лишь для внешнего (на базаре и т. д.) общения. Однако в начале XX в. среди русского крестьянства Башкирии знание основ татарского (башкирского) языка было более распространено, чем столетие спустя. Фактически, языки народов края развивались независимо, параллельно. Этому способствовала государственная политика в области территориального устройства. Несмотря на большую этническую пестроту, власти старались

соблюдать однонациональный состав населения низшей административной единицы – волости. Например, в Бирском уезде рядом располагались Байкибашевская волость, где доля всех групп мусульман доходила до 92% всех жителей, и Байкинская волость, на 96% состоявшая из русских (*Роднов, 1997. С. 105, 109*).

В целом, в начале XX в. в Уфимской губернии у нерусских этносов продолжалось естественное развитие родных языков (у тюркских народов было книгопечатание и периодика), имелись самостоятельные структуры низовой администрации (община, волость) со своими хозяйственно-административными элитами, действовали собственные религиозные системы (ислам, язычество), официально признанные властью, и, что наиболее важно, своя экономическая структура в виде традиционных крестьянских общин и формировавшегося из числа представителей этих народов предпринимательства.

Ни источники, ни научная литература не сообщают сколько-нибудь существенных фактов межэтнических конфликтов в Уфимской губернии на рубеже XIX–XX вв. Даже в постперестроечной литературе, когда многие авторы в Республике Башкортостан говорят о русском (русской империи, самодержавия и т. д.) угнетении, порабощении башкир и других народов, никаких примеров конфликтов на национальной почве в литературе нет, мусульманское движение рассматривается только как столкновение с царской администрацией (*Калмантаев, 2000. С. 67-68*).

Между тем в конце XIX – начале XX вв. крестьянство Уфимской губернии прошло настоящую проверку на прочность межнациональных отношений. В крае проводилось размежевание, то есть измерение, определение и фиксация юридически точных границ, земель сначала (примерно до 1900 г.) между башкирами-вотчинниками и всеми их соседями (припущенники, государственные, удельные крестьяне), а затем единые родоплеменные башкирские дачи делились на владения отдельных деревень (*Усманов, 1981. С. 35-53*).

Отсутствие четких границ крестьянских общин, практиковавшееся ранее захватное землепользование, противоречивые царские указы XVIII–XIX вв. породили сотни и сотни судебных исков. Общины разных национальностей спорили со своими соседями, причем основная линия противостояния проходила между башкирами-вотчинниками и припущенниками – татарами, русскими, мари и другими народами. Мирное, ненасильственное разрешение

сложнейшей земельной проблемы в Приуралье резко контрастировало с ситуацией на Северном Кавказе, где борьба русских казаков с горскими народами вылилась в перманентное кровавое противостояние (*Роднов, 2002*).

Замкнутые мусульманские общины, традиционно настороженно воспринимавшие любое воздействие извне, со стороны русского государства, являли собой особый мир, но индустриальное общество, разрушая общинную замкнутость, неизбежно создавало обилие межэтнических, межконфессиональных контактов. Например, на юге Уфимской губернии большие масштабы с конца XIX в. принял лечебный отдых на кумысе. Тысячи больных туберкулезом, иными легочными заболеваниями или просто отдыхающие со всех концов России съезжались летними месяцами в башкирские и татарские деревни – местные кумысолечебные санатории могли принять не более 20% из примерно 5 тысяч прибывавших в Уфимскую губернию перед Первой мировой войной (*Станкевич, 1912. С. 4*).

Внутримусульманские (среди башкир и татар) процессы сохраняли, с одной стороны, традиционное единство, общность языка, культуры и религии, но, с другой стороны, в начале XX в. происходило нарастание противоречий вотчинников (башкир) и припущенников (главным образом татар) из-за растущего малоземелья последних. Одновременно наблюдалось становление башкирской интеллигенции, прослойки предпринимателей (среднего класса), началось создание чисто башкирских структур сначала в сфере просвещения (периодическая печать, литература и т. д.), а затем и политики, все более отдаляя башкир от общемусульманского единства, фактически означавшего примат татарского этноса.

В целом толерантными были отношения к языческому населению (удмурты, чуваш, мари). Никаких ограничений для приверженцев древних культов (вплоть до волостного уровня) не существовало, нет свидетельств ни о каких конфликтах.

Ярким примером толерантного подхода к язычникам служит визит великой княгини Елизаветы Феодоровны (сестры жены Николая II, впоследствии причисленной к лику святых). В июле 1910 г., посетив знаменитую церковь в селе Николо-Березовка Бирского уезда, что на берегу р. Камы, княгиня решила осмотреть окрестные селения. По пути в марийских деревнях царственную гостью встречали крестьяне в национальных костюмах, что, без сомнения, было

согласовано с губернской администрацией. Более того, Елизавета Феодоровна посетила священную рощу язычников. Дождавшиеся ее крестьяне–мари «просили откушать чаю в устроенном шатре и тем почтить их “старинное чистое черемисское место”» (*Роднов, Васильева, 1997. С. 156-157*).

Британский историк Эдвард Карр в работе, посвященной Башкирии в период революции 1917 г., гражданской войны и в 1920-е гг., и изданной в 1957 г., уделил некоторое внимание характеру различий между башкирско-русскими и башкирско-татарскими отношениями. Он высказал мнение, что осознание русскими и башкирами отличий друг от друга «по своей сути было больше религиозным, чем расовым или национальным. Тем не менее, в Башкирии <..> социальные различия между русскими и башкирскими крестьянами, основанные на разнице в образе жизни и уровне культуры, играли важную роль» (*Карр, 1997*). Еще одним важнейшим фактором, определявшим характер русско-башкирских отношений, были, по его мнению, конкуренция и трения, связанные с борьбой за землю. Что же касается башкирско-татарских отношений, то Э. Карр отмечает, что «через постоянно менявшиеся и непрочные границы башкиры в течение длительного времени испытывали сильное воздействие со стороны намного более многочисленного народа, близкого к башкирам по происхождению и традициям, тогдашний уровень экономического и культурного развития которого был значительно выше, чем у башкир. Татарское влияние шло как через проникновение, так и через ассимиляцию <..> Процесс постепенного поглощения башкир татарами был все же приостановлен двумя факторами. Во-первых, башкиры, в отличие от татар, считались хорошими солдатами и при царизме постоянно рекрутировались для военной службы, образуя свои собственные воинские части. В обмен на это они получали особые права в сфере землевладения <..> Во-вторых, начало двадцатого века дало появление немногочисленной образованной башкирской интеллигенции, которая была связана с классом состоятельных башкирских землевладельцев и проявляла зачаточные националистические тенденции, мечтая о некой будущей автономии башкир в составе Российской империи, и пыталась утверждать свою независимость как от русского, так и от татарского языков и культур. Башкирские националисты, казалось, уже тогда ненавидели и боялись татар больше, чем русских» (*Карр, 1997. С. 39-40*).

Этническая терпимость, глубоко проникшая в крестьянскую среду, не допустила возникновения в суровые времена революции 1917 г. и гражданской войны каких-либо межнациональных конфликтов в крае. Эта традиция продолжилась впоследствии и явилась основанием для мирного решения проблем в национальных республиках Урало-Поволжья, представлявших на рубеже XX–XXI вв. очаг спокойствия на постсоветском пространстве (*Роднов, 2002*).

Башкирия не раз подвергалась изменениям территориально-административного деления. Н.Н. Томашевская обращает внимание на то, что «понятие «Башкирия» в территориальном смысле в разные периоды истории башкирского народа было неодинаковым. «Этническая территория» башкир менялась под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. В их ряду главными были: освоение своей «этнической территории» формирующейся башкирской народностью, заселение края пришлым населением в период, когда башкирская народность уже сложилась. Иногда исследователи, например, И.Г. Акманов, оперируют понятиями «историческая Башкирия», «исторический Башкортостан», под которым имеется в виду не только собственно современная Башкирия, но и части территорий соседних Оренбургской, Челябинской, Курганской, Свердловской, Пермской, Самарской, Саратовской областей, а также Удмуртии и Татарстана, на которых в прошлом проживали или проживают в настоящее время башкиры» (*Томашевская, 2002. С. 5*).

Историческая ретроспектива возникновения исследуемых деревень Янаульского и Аскинского районов

Исследуемые деревни Янаульского и Аскинского районов до начала XX в. принадлежали к Байгузинской, Черкауловской и Аскинской волостям Бирского уезда. По описанию М.И. Роднова, «среди шести уездов Уфимской губернии самым большим являлся Бирский. Ныне на землях бывшего Бирского уезда расположены целиком, в основном или частично владения пятнадцати районов республики Башкортостан, а также Чернушкинского и Октябрьского районов Пермской области» (*Роднов, 1997. С. 12-13*). При относительно слабой заселенности плотность населения в начале XX в. составляла 22,7 чел. на 1 кв. версту. Тем не менее, в силу своих размеров Бирский уезд находился на первом месте в Уфимской

губернии по числу жителей – 21% от всего количества к 1 января 1916 г. (там же, С. 12-13).

По историческим источникам первыми на территории нынешнего Янаульского района фиксируются башкиры – на большей части «башкиры Уранской волости», на юго-востоке этой территории – «башкиры Урман-Гарейской волости». У.Х. Рахматуллин со ссылкой на М.К. Любавского утверждает, что до пересмотра размера ясака в 1632 г. по всей Уранской волости в ясачной книге числилось 10 башкирских дворов, а с этого времени всего лишь 32 двора (*Рахматуллин, 1988. С. 7*).

Территория Уранской волости была быстро колонизируемым регионом Башкортостана (*Асфандияров, 1994. С. 43*). К середине XVII в. в этой волости насчитывалось более 40 деревень татарских, удмуртских, марийских и русских крестьян, прибывших из Казанского уезда (*Рахматуллин, 1988. С. 103*).

Самым ранним появлением удмуртов на этой территории, если судить по имеющимся актам, следует считать основание нескольких деревень по жалованной грамоте от 14 сентября 1627 г. на юго-востоке нынешнего Янаульского района на территории урман-гарейцев. Целый ряд удмуртских деревень на территории Уранской волости (в том числе деревня Шудек) возник по жалованной грамоте от 5 декабря 1683 г. Некоторые появились в начале XIX в. (*Асфандияров, 1994. С. 86-92*).

Наибольшая трудность связана с датировкой появления на данной территории татарских деревень. Самая ранняя из тех, по которым имеются точные документальные данные, – Байгузино. Она появилась по жалованной грамоте 7 февраля 1653 г. Проблема состоит в том, что по значительной части татарских деревень вообще нет никаких документов относительно времени их основания. В «Ведомостях земских исправников о числе тептярей и бобылей» в графе о правах жителей таких деревень на землю значится: по допуску башкир-вотчинников такой-то волости без актов. По тем же татарским деревням, по которым эти акты имеются, большинство их относится к XVIII столетию и только по двум, включая упомянутое Байгузино – к XVII (*Давлетбаев, 1986. С. 78-158; Асфандияров, 1994. С. 76-86*).

Первые русские поселения появляются на этой территории только во второй половине XVIII в. (в том числе и исследованные Зайцево и Чераул). Все они находятся на юге Янаульского района (*Асфандияров, 1994. С. 97-98*).

Поселок Прогресс возник в 1950-е гг. в связи со строительством Кармановского водохранилища на реке Буй. Позже в этот поселок были переселены также жители тех деревень, которые попали в зону затопления, население в основном смешанное – татаро-башкирское.

Часть нынешнего Янаульского района, расположенная к северу от реки Буй, относилась до 1920-х гг. не к Уфимской, а к Пермской губернии, однако по крайней мере часть находящихся там деревень основана выходцами с «основной» территории Янаульского района. Деревня Новый Артаул основана в 1847 г. жителями башкирской деревни Старый Артаул (*Асфандияров*, 1994. С. 63).

Удмуртская деревня Вотская Урада, по-видимому, возникла во второй половине XIX или в начале XX вв. В списках населенных мест Пермской губернии, составленных по данным 1870 г., данная деревня не значится (*Списки населенных мест Российской империи...*, 1875), а в момент передачи этой территории в состав Башкирской АССР в середине 1920-х гг. деревня уже существовала (*Населенные пункты Башкортостана*. Ч. III. Башреспублика, 1926. 2002. С. 272).

Как административная единица Янаульский район был образован 20 августа 1930 г. Сегодня здесь проживает 50 тыс. человек (*Асфандияров*, 1994. С. 43).

В Сборнике статистических сведений по Уфимской губернии за 1897 г. в томе, посвященном Бирскому уезду, приведены следующие оценочно-статистические материалы по Аскинской волости: «Находится в северо-восточном углу уезда, примыкая к Пермской губернии. Преобладающим населением волости являются русские, преимущественно переселенцы, поселившиеся на покупных и арендованных лесных участках. Население вообще обеспечено достаточно и случаи прикупки хлеба не часты. Кроме хлебопашества, составляющего главный род занятий населения, оно занимается еще выделкой сох-косуль, веялок, мебели (простой для крестьянского обихода) и деревянной посуды. В свободное от полевых работ время население работает у местных землевладельцев по найму на сельхозработы» (*Сборник статистических сведений по Уфимской губернии*. Т. 5. 1899. С. 16-17). Там же о самом селе Аскино сказано, что оно «расположено от г. Бирска в 110 в., от станции «Сулея», в равнине, при селении речка Бурма, по участку также протекает р. Аскин. Население – русское, бывшие государственные крестьяне. Надел получили от

казны по владенной записи в 1876 г. В селении 432 двора, с 651 ревизскими душами, занимающими под усадьбами 232 дес. Всего за селением числится удобной земли 6225 дес. и неудобной 643 дес., а всего 6868 дес. Треть населения арендует пахотную землю у соседних башкир землевладельцев, а покосы арендуются всем населением» (там же, С. 17-18).

Только изредка встречаются участки, этнический состав которых однороден, а по большей части разные народы живут чересполосно, нередко даже в одних и тех же деревнях. Данные тенденции отмечают многие исследователи (*Руденко*, 1955. С. 339 и др.). По подсчетам А.З. Асфандиярова, в начале XIX в. в Белебеевском уезде из 186 деревень 103 являлись многонациональными, в Бирском – 65 из 183, Уфимском – 27 из 84 (*Асфандияров*, 1997. С. 153). «Подобное расселение и совместная длительная жизнь привели к сближению между собой всех групп татар; удмурты, мордва и чуваша сильно отатарились, особенно по языку. В свою очередь, многие татары, особенно тептяри, также сблизались в бытовом отношении с башкирами, однако в большинстве сохранили свой язык и даже привили его коренным башкирам данной территории. Несмотря на такое сближение отдельные народы, в том числе и татары, продолжают сохранять свои говоры и некоторые бытовые черты, присущие им до переселения в Башкирию» (*Воробьев, Хисамутдинов, Юсупов*, 1962. С. 125).

Таким образом, были сформулированы следующие выводы, касающиеся формирования специфики межэтнического взаимодействия в северной части Башкирии:

Население края формировалось в течение нескольких веков, начиная с середины XVI в., на основе массового переселения в край представителей разных этнических групп, производившегося фактически одновременно. Именно этими социально-историческими обстоятельствами был задан мощный потенциал для культурного и социально-психологического сближения взаимодействующих этнических групп и, как следствие, формирования надэтнической общности в регионе.

Этническое многообразие дополнялось пестротой сословных разрядов. Башкиры составляли особую группу вотчинников, владевших своей землей в качестве полноправных собственников; в их отношении действовало отдельное законодательство (от договоров с Иваном Грозным до «Положения о башкирах» 1863 г.). Многочисленные переселенцы из Среднего Поволжья образовали

группу так называемых припущенников, обосновавшихся на башкирских землях на различных условиях от временной или постоянной аренды земли за оброк до фактического вхождения в состав башкирских общин и участия в выплате ясака и несения других повинностей, возложенных на башкир государством. Заселение края русскими было связано с государственной, помещичьей, монастырской и вольной крестьянской колонизацией (*Васильев, 1958; Кузеев, 1992; Рахматуллин, 1988; Роднов, 2002*).

Политика российского государства, направленная на закрепление башкирских земель за Российским государством, всячески способствовала колонизации территорий, стимулировала в башкирском пограничье рост числа переселенцев, причем различных по культуре и происхождению. Это были тюркские (казанские татары, мишари, чувашаи), финно-угорские (удмурты, марийцы и мордва) и восточнославянские (русские, украинцы, белорусы) народы, а также выходцы из Средней Азии, Западной Сибири и степей Казахстана и Приволжья. Таким образом, заселение и хозяйственное освоение Башкирии в это время можно рассматривать как результат некоторого сочетания внутренней колонизации с внешней (*Рахматуллин, 1988, С. 81-82*).

Христианизаторская политика в крае не имела особого успеха в отношении мусульманского (башкиры и татары) и языческого (удмурты) населения, стремившегося сохранить свою веру, а что касается татар, то и обратить в нее другие народы края. Этнокультурное взаимодействие и взаимовлияние народов, населяющих регион, в основном осуществлялось на уровне заимствования приемов хозяйствования, предметов быта и т.п. Существенным барьером на пути к сближению в духовной сфере были различия в конфессиональной и лингвистической принадлежности, ставшие как основной причиной высокого уровня дистанцированности этих народов, так и важнейшим фактором сохранения этнической идентичности.

Одной из особенностей этнической культуры народов, населяющих башкирское пограничье, является интенсивное межэтническое взаимодействие. Межэтнические контакты башкир, татар, удмуртов, марийцев, чувашей, русских с соседними народами, несомненно, повлияли на национальное самосознание и на все стороны их материальной и духовной культуры (*Кузеев, 1992*).

Этническая толерантность, глубоко проникшая в крестьянскую среду, не допустила возникновения в суровые времена революции

1917 г. и гражданской войны каких либо межнациональных конфликтов в крае. Эта традиция продолжилась впоследствии и явилась основанием для мирного решения проблем в национальных республиках Урало-Поволжья, представлявших на рубеже XX–XXI вв. очаг спокойствия на постсоветском пространстве (*Роднов, 2002*).

Русский язык был средством межнационального общения, среди других народов им владела значительная часть мужского населения, но в весьма сжатом объеме, достаточном лишь для внешнего (на базаре и т. д.) общения. Анализ архивных и литературных источников позволяет утверждать, что среди русского крестьянства Башкирии начала XX в. знание основ татарского (башкирского) языка было более распространено, чем столетие спустя. Фактически языки народов края развивались независимо, параллельно. Этому способствовала государственная политика в области территориального устройства (*Роднов, 1997, С. 105, 109*).

На уровне исторического анализа особенностей межэтнического взаимодействия башкир, татар, русских и удмуртов, населяющих север Республики Башкирия, очевидным является то, что особенности колонизации и расселения в этой части Башкирии, естественно, способствовали взаимодействию и взаимовлиянию различных этнических групп населения друг на друга в культурном, материально-хозяйственном и конфессиональном плане. Наличие устойчивой, существовавшей веками системы «параллельного» (можно сказать соседского) развития разных в культурном и религиозном плане этносов, не конкурировавших между собой, явилось основой для высокой степени толерантного сосуществования; безусловно, это повлияло на специфику межэтнического взаимодействия в данном регионе. В контексте сравнительно-исторического анализа этнических процессов на территории Северной Башкирии можно заключить, что главной причиной этнической толерантности выступала однотипность социально-экономического развития всех этнических групп, населяющих данный регион. Особенно ярко это проявлялось в тюрко-мусульманской среде. В отличие, например, от Кавказа с засильем консервативных тенденций в религиозной сфере, в Поволжье к началу XX в. получило распространение исламское реформаторское движение (*Роднов, 2002*). Так, выдающийся мусульманский богослов, муфтий Ризаитдин Фахретдинов (1859–1936) призывал соотечественников развивать предпринимательство,

торговать, осваивать достижения европейской цивилизации, стремиться к научным знаниям (*Баишев, 1996*).

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА БАШКИРИИ

«Северо-западная область, отличающаяся особым типом башкир, занимает северную часть Башкирии, севернее параллели г. Уфы и к западу от Уральского хребта» (*Руденко, 1955. С. 338*).

В этом параграфе рассматриваются исторические, социально-экономические и политические факторы, повлиявшие на особенности формирования этнической идентичности населения региона.

Динамика численности населения севера Башкирии

Север Башкирии является одним из самых сложных районов республики по этническому составу. Вопрос об этнической идентичности населения, проживающего в этом регионе, в последнее время получил не только научную, но и политическую окраску.

Как уже было отмечено в предыдущем параграфе, до середины XVI в. территория севера и северо-запада Башкирии в основном была населена башкирами. Со второй половины XVI и вплоть до начала XX в. шло интенсивное заселение этой области тюркскими (казанские татары, мишари, чуваша), финно-угорскими (удмурты, марийцы и мордва) и восточнославянскими (русские, украинцы, белорусы) народами, различными по культуре и происхождению. В результате за последние три-четыре столетия этническая картина данной территории изменилась полностью и уже в прошлом веке динамика численности населения выглядела иначе.

Из данных Табл. 1 видно, что численность русского и удмуртского населения в регионе со временем уменьшается, а такие группы населения, как мусульмане (имеется в виду самоназвание, а не

просто религиозная принадлежность), тептяри и мишари вообще исчезают. Динамика численности башкир и татар имеет разнонаправленные тенденции – численность то уменьшается, то увеличивается практически в равных пропорциях: если татарское население численно увеличивается, то башкирское уменьшается, и наоборот. Это позволяет предположить, что численные изменения в этнических группах башкир и татар происходят за счет перехода части населения из одной этнической группы в другую. Исследователи отмечают такого рода изменения и до 1917 г., в XIX в.: «резкий спад численности татар и, напротив, повышение численности башкир с 1857 по 1897 г.»; в составе башкир специалистами было учтено «около 350–450 тыс. мишарей и тептярей» (Кузеев, 1992. С. 163), а затем произошел «обратный отлив значительной части «новобашкир» в соответствующие национальности» (Кузеев, Моисеева, Бабенко, 1987. С. 27).

Таблица 1. Динамика численности населения севера Башкирии по основным национальностям за 1917-1989 гг.*

№	Население региона	1917 г.		1926 г.		1979 г.		1989 г.	
		Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
1.	Башкиры	208579	31,1	177812	33,2	213572	38,9	150718	27,8
2.	Татары	12507	1,9	71574	13,4	120688	22,0	183223	33,7
3.	Русские	170239	25,4	148536	27,7	108869	19,8	107215	19,8
4.	Удмурты	29277	4,4	21903	4,1	22442	4,1	20258	3,7
5.	Мишари	63945	9,5	41085	7,7	—	—	—	—
6.	Тептяри	81815	12,2	8579	1,6	—	—	—	—
7.	Мусульмане	14812	2,2	—	—	—	—	—	—
8.	Другие	88858	13,3	66157	12,3	83256	15,2	81622	15,0
9.	Всего	670032	100,0	535646	100,0	548827	100,0	543036	100,0

* Таблица составлена по следующим источникам: Роднов М.И. Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997, С. 119-120; Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928, Т. 4 С. 334-337; Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года. Уфа, 1990. С. 62-103. Численность населения северо-западной Башкирии дается на 1917 г. в границах Бирского уезда Уфимской губернии, на 1926 г. – в границах Бирского кантона Башкирской АССР, на 1979 и 1989 гг. – по районам, территория которых полностью или большей частью ранее входила в Бирский кантон (Аскинский, Балтачевский, Бирский, Бураевский, Дюртюлинский, Илишевский, Калтасинский, Караидельский, Краснокамский, Мишкинский, Татышлинский, Янаульский районы, г. Нефтекамск).

Такого рода этнические процессы имеют исторические корни, и в разное время наблюдались разные тенденции в изменении этнической идентичности населения региона. «Уклоняясь от платежа, многие тептяри из христиан принимали магометанство и, вопреки запрещению, стали зваться – Башкирами, между тем как Башкиры – землевладельцы были хорошо известны правительству, – о них воеводы должны были ежегодно подавать списки в Кабинет и Сенат» (*Памятная книжка Уфимской губернии*. 1873. Ч. III. С. 6). Впоследствии отмена кантонной системы в 1863-1864 гг. и тем самым упразднение как такового сословия тептярей способствовали восприятию самоназвания «башкиры» тюркским крестьянством северо-западной части Уфимской губернии. Название «башкир» так же вытеснило конкурирующее название «мишар», «мещеряк». В значительной мере этому способствовало происходившее размежевание земель между вотчинниками и всеми остальными крестьянами.

«Земельные и сословные привилегии башкир, сохранившиеся и после перевода их в общее гражданское состояние, память об историческом прошлом – среди всех народов Урала и Среднего Поволжья только они в феодальной России не попали в податное население, сберегли немалую внутреннюю автономию – также оказали воздействие» (*Роднов*, 1996. С. 126). По мнению М.И. Роднова «вопросы национальной, социальной психологии здесь сыграли особую роль» (там же, С. 126).

Одновременно нарастали противоположные процессы, которые резко активизировались в начале XX в. М.И. Роднов считает, что «за прошедшие полвека самоназвание "башкиры", давно утратившее всякий административный, сословный, практический смысл, стало выглядеть как архаичное напоминание о днях минувших» (*Роднов*, 1996. С. 126). Для новых поколений крестьян – потомков бывших «припущенников» – оно уже ничего не значило. Резкое ускорение общественного развития в эпоху буржуазных преобразований, рост национального самосознания, вызванный прогрессом в деле народного просвещения, распространение грамотности, все нарастающий поток в деревню книг и газет, формирование кадров национальной интеллигенции неминуемо должны были положить конец подобному неопределенному положению. Кроме того, примерно к 1900 г. в Уфимской губернии завершилось размежевание земли между вотчинниками и «припущенниками», были определены и юридически закреплены точные границы земельных владений деревень (общин). Для первой стадии

капитализма в России была характерна тенденция утраты реального значения сословной принадлежности в гражданской жизни, что, вероятно, в определенной степени также повлияло на «разбашкирование» крестьянства. Что и зафиксировали переписи XX в. – как уже отмечалось, численность башкир падает (см. Табл. 1). Это был общий для Уфимской губернии процесс (*Кузеев, Моисеева, Бабенко, 1987. С. 27*).

Противоположная тенденция – «отток» из башкир или отказ от самоназвания «башкиры» в среде тюркского крестьянства Уфимской губернии приобрела своеобразные формы. Необходимо иметь в виду, что татарское этническое самосознание сложилось довольно поздно. Даже на территории нынешнего Татарстана татары долго не принимали этого этнонима, данного им русскими, и предпочитали называть себя мусульманами, булгарами, «казанлы» (казанские). Лишь в течение XVIII-XIX вв. термин «татар» стал для этого народа общепринятым самоназванием (*Халиков, 1989. С. 36-37*). Сказанное особенно верно для периферии татарского этнического ареала, где этот этноним распространился еще позже. Если даже в Казанском Поволжье крестьянство с трудом воспринимало этноним «татары», то в глухих, удаленных от основных экономических и культурных центров татарского народа сельских районах Уфимской губернии самоназвание «татары» тем более не получило широкого распространения. В своих исследованиях М.И. Роднов приходит к выводу, что в этом отношении наиболее показательна перепись 1917 г., в которой весьма часто национальность у отдельных пришлых, недавно поселившихся посторонних крестьян-татар в подворных карточках записывалась не просто «татары», а с добавлением территориально-земляческой принадлежности – «казанские татары». Подчеркивалось нездешнее происхождение крестьянина.

Когда исследователи, как татарские, так и башкирские, пишут о миграциях татар на территорию северо-западной и западной Башкирии, начавшихся не позднее XVI в. и продолжившихся в последующие столетия (*Кузеев, Бабенко, Моисеева, 1987. С. 19*), они имеют в виду группы населения с татарским языком и татарской культурой, которое, скорее всего, еще не было татарским по самосознанию. До конца 1920-х годов этническая статистика фиксировала наличие в крае еще двух тюркоязычных этнических групп – мишарей и тептярей, – которые затем влились в состав местных групп татар и башкир (*Коростелев, 1994. С. 84-85*).

По мнению А.Х. Халикова, С.Х. Алишева и других историков, к моменту покорения русскими Казанского ханства в середине XVI в. местное тюркское население называло себя казанцами, мусульманами или булгарами. Определение «татарин» было непопулярно. Современник отмечал, что «если их называют турками (татарами), они недовольны и считают это как бы бесчинством. Название же бессермяне (мусульмане) их радует» (*Роднов*, 1996. С. 123). Этноним (экзоэтноним) «татары» постепенно утверждался под влиянием русских, которые так называли всех тюркоязычных жителей империи. В XIX в. татарская национальная буржуазия, интеллигенция, духовенство в своем стремлении к самоутверждению, сплочению перед русско-христианским миром, изучению собственного исторического прошлого, обращаясь к эпохам Чингисхана и Золотой Орды, также воспринимает этноним «татары» не как «воры», «бусурмане», а как нечто значительное. В народные массы, в особенности в сельское население, этноним «татары» проникал тяжело. Так, в 80-е годы XIX в. Ш. Марджани ругал татар за то, что они не принимают названия «татары», а называют себя мусульманами и казанцами. В татарской печати шла оживленная дискуссия о названии народа, агитация за новый этноним. Но еще в конце XIX в., по свидетельству Г. Ибрагимова, «на человека, который называл казанского мусульманина татарин, нападали с кулаками, считая такое название оскорбительным» (*Роднов*, 1996. С. 123-124).

Академик В.В. Бартольд констатировал: «Перед революцией 1917 г. поволжские тюрки после нескольких споров приняли название "татары". Татарская этническая общность имеет сложную внутреннюю структуру, которая в полной мере еще не проанализирована. Объясняется такое положение несколькими причинами. Известно, что в России и в Западной Европе длительное время татарами называли практически все тюркские (иногда и не тюркские) народы (за исключением турок), что создало историографическую традицию расширительного применения термина "татары"» (*Татары*, 2001). Утверждение этнонима «татары» повлияло на динамику численности татарского населения, что связано с фиксацией в различных статистических документах нового самоназвания представителей данной этнической группы, прежде записанных башкирами (по языку или сословию). Идеи пантюркизма и панисламизма, звучавшие в период этнической консолидации и

самоопределения татар, выражались в стремлении этноса к национально-культурной автономии (*Исхаков, 1993*).

М.И. Роднов, анализируя данные переписей 1912-1913 гг. и 1917 г., делает следующий вывод: «отказ от самоназвания “башкиры” не привел (и не мог привести) к массовому распространению этнонима “татары”. Более того, перепись 1917 г. по всем трем уездам (*Бирскому, Белебеевскому и Стерлитамакскому – А.С.*) дает даже сокращение численности татар в сравнении с переписью 1912-1913 гг. Сопоставление данных двух этих переписей показывает нередкие примеры вытеснения названия “татары”» (*Роднов, 1996. С. 126*). По его мнению, «смена самоназвания у крестьянства северо-западной части Уфимской губернии имела несколько вариантов. Во-первых, произошел естественный возврат к прежним этническим наименованиям (мишари, мари-черемисы). Следует отметить устойчивое состояние этнонима «мишар» в начале XX в., к которому вернулась основная часть «мещеряков». Во-вторых, принципиально новым явлением, зафиксированным переписью 1917 г., стало появление самоназвания «мусульмане (магометане)». Другим вариантом отказа от самоназвания «башкиры» явилась, говоря условно, «тептяризация». Среди большого числа бывших поволжских тюрков, забывших, утративших свои прежние «племенные» наименования, а также среди отатарившихся угрофинов и башкир широкое распространение получает вновь возродившийся, но уже в качестве этнического, а не сословного самоназвания термин «тептярь». При слабом проникновении этнонима «татары» и отсутствии иных наименований именно слово «тептярь» становится в начале XX в. самоназванием татар северо-западной части Уфимской губернии и отатарившихся групп населения. Вообще для тюркоязычных припущенников начала XX в. характерна неустойчивость этнических самоназваний. Перепись 1917 г. зафиксировала достаточно широкое распространение двойных (тептяри-татары), а то и тройных (башкир-тептярь-магометанин) самоназваний. Отсутствие единого общепризнанного устойчивого названия вело к частым изменениям самоназваний» (*Роднов, 1996. С. 126-129*).

Этот регион, начиная примерно со второй половины XVI в., является зоной активных контактов местного башкирского населения с близкими к ним по языку и культуре татарами. Процесс миграции татар в силу исторических, хозяйственных и других причин с этого времени и до XIX в. был направлен в эти районы. По

оценке Р.Г. Кузеева, в северо-западной Башкирии башкиры и татары расселены преимущественно на одних и тех же территориях, но отдельными деревнями, в западной Башкирии – часто в одних и тех же деревнях «концами». Смешанность башкирского и татарского населения в указанных районах высокая; нередко в одних и тех же семьях родные братья и сестры имеют разную этническую принадлежность, «относят себя к башкирам и татарам» (Кузеев, Ганиева, 1989; Ганиева, 1992).

Как отмечает А.З. Асфандияров, «царское правительство, боясь сближения и совместной борьбы народов против феодального гнета, всячески вмешивалось в личную жизнь своих подданных: запрещали национально смешанные браки (указы от 11 февраля 1736 г., 4 марта 1737 г., 1830 г.). Однако запреты правительства не всегда достигали цели, напротив, взаимодействия между западными башкирами и татарами-переселенцами из года в год усиливались в различных областях жизни» (Асфандияров, 1994. С. 163).

Анализируя источники XIX в., С.И. Руденко в своей работе «Башкиры. Историко-этнографические очерки» на вопрос «Существовала ли у башкир при экзогамии в отношении рода и эндогамия, т.е. обязательно ли башкир должен был жениться на башкирке?» отвечает следующим образом: «Разумеется, башкиры брали в жены главным образом башкирок, но эндогамии, как правила, в указанном смысле, по-видимому, никогда не было. Известны факты, когда башкиры неоднократно во время былых набегов на казахов уводили к себе их жен. С падением Казанского царства и усилением миграции татар в страну башкир последние охотно роднились с ними. Насколько значительно было смешение башкир с татарами, можно видеть хотя бы по тому, что из опасения влияния татар на башкир, последним было запрещено указом от 11 февраля 1736 г. сватовство с казанскими татарами без челобития и без разрешения Казанского губернатора. За разрешение такого брака взыскивалось в казну по драгунской лошади с каждой свадьбы, с женившегося без разрешения бралось по три лошади, а за повторную вину нарушитель указа ссылался. В начале XX в. башкиры вступали в перекрестные браки, особенно на окраинах Башкирии, со своими соседями, исповедовавшими ислам: татарами, мишарями, тептярями» (Руденко, 1955. С. 260-261).

С XVII по XIX в. башкирами, в особенности в приуральской Башкирии и на севере ее, было ассимилировано значительное количество татар и мишарей, в меньшем числе мари и удмуртов, что

не могло не отразиться как на местных отличиях физического типа, так и на бытовых особенностях башкир. Прежде всего, автор отмечает, что не может быть речи о едином типе, характерном для всех башкир. Этот народ образовался в результате смешения разнородных, как европеоидных, так и монголоидных племен. Взаимные перекрестные браки между башкирскими родами в пределах сравнительно ограниченных территорий, с одной стороны, содействовали сложению относительно единого физического их типа, а с другой стороны, в результате заведомой примеси иноплеменных элементов выявились и местные особенности физического типа этого народа. В результате произведенного исследования представилась возможность выделить три области, с отдельными внутри их районами, с населением, отличающимся своими особыми антропологическими признаками (там же, С. 330).

«Нигде в Башкирии нет такого этнически пестрого состава населения, как в северо-западной области» пишет С.И. Руденко. «Там между башкирскими деревнями, помимо русских селений, повсюду встречаются деревни тептярей, татар, мишарей, чувашей, мари, удмуртов. В этой области среди исследованных башкир особенно большой процент таких, матери которых не башкирки, а главным образом татарки, мишарки и тептярки» (там же, С. 339).

А.Р. Ганеева охарактеризовала эту ситуацию таким образом: «В этническом составе северо-западных башкир отложились компоненты различных эпох, свидетельства более чем тысячелетней истории. Сложившийся синтез культур трудно поддается анализу, хронологической и этнической дифференциации. Исследования осложняются и тем, что этнокультурные различия между татарами и башкирами в северо-западной Башкирии в целом ряде случаев четко не улавливаются» (Ганеева, 1992. Ч. 2. С. 58). «Суть проблемы заключается в том, что взаимодействие и взаимовлияние на протяжении длительного времени близкородственных по языку и культуре народов – башкир и татар – привело к сложению северо-западной этнографической группы башкир и уфимской (приуральской) группы татар» (там же, С. 59). По мнению А.Р. Ганеевой, «компоненты общности» в материальной и духовной культуре башкир и татар северо-западной Башкирии делают невозможным в ряде районов «проведение четких этнокультурных границ между татарами и башкирами. Высокий процент межнациональных башкирско-татарских браков зачастую вообще снимает вопрос об этнической принадлежности, который в глазах

населения приобретает сугубо ретроспективно-историческое значение. В западных районах Башкирии татары и башкиры склонны не различать друг друга, хотя татароязычность обуславливает совершенно определенные отношения родителей к языку обучения их детей в школе» (там же, С. 65).

На размытость этнических границ между башкирами и татарами в начале XVII в. в этом районе уже указывает Д.М. Исхаков (*Исхаков, 2000*). При комплексном анализе этнокультурной ситуации в Приуралье обнаружилось серьезные трудности этнокультурной (в т.ч. и языковой) дифференциации татарского и башкирского населения северо-запада Приуралья. Общий вывод заключается в том, что ни в культурно-бытовом, ни в языковом отношениях между татарским и башкирским населением данной зоны различий нет; этническое самосознание также нечеткое (*Исхаков, 1993*). В то же время М.И. Роднов отмечает, что в начале XX в. отношения между православными этносами отличались близкими контактами, совместным проживанием и началом ассимиляции (аккультурации) мордвы, украинцев, белорусов. Внутримусульманские (у башкир и татар) процессы сохраняли, с одной стороны, традиционное единство, общность языка, культуры и религии, но, с другой стороны, в начале XX в. происходило нарастание противоречий вотчинников (башкир) и припущенников (главным образом татар) из-за растущего малоземелья последних. Одновременно наблюдалось становление башкирской интеллигенции, прослойки предпринимателей (среднего класса), началось создание чисто башкирских структур сначала в сфере просвещения (периодическая печать, литература и т. д.), а затем и политики, все более отдаляя башкир от общемусульманского единства, фактически означавшего примат татарского этноса (*Роднов, 2002*). Эти данные позволяют предположить наличие амбивалентной (двойственной) этнической идентичности у некоторых этнических групп Башкирии.

В настоящее время мнения по поводу самосознания, прежде всего башкир, населяющих северо-западную Башкирию, разделились. Д.М. Исхаков полагает, что «родоплеменное образование "башкир" Восточного Закамья восходит, по меньшей мере, к XVI-XVII вв., и что эти "башкиры" даже к концу XIX в. не имели башкирского этнического самосознания, и поэтому их можно считать принадлежавшими к татарскому этносу» (*Исхаков, 1985*). Противоположную точку зрения занимает М.М. Кульшарипов. Он считает, что «западные башкиры всегда устойчиво сохраняли свое

национальное самосознание, т.е. четко осознавали свою принадлежность именно к башкирскому этносу» (*Кульшарипов, 2002*).

Р.Г. Кузеев отмечает, что «этническое самосознание всех этих образований было достаточно четким, что зафиксировано переписями конца XIX – начала XX вв. Самосознание является главным ориентиром при этнической идентификации и поэтому сегодняшние попытки усмотреть в Западной Башкирии под названием «башкиры», «татары», «тептяри» только единую общность, а именно татар, является научным анахронизмом» (*Кузеев, 1990. С. 39*).

По статистическим данным в исследуемом регионе отсутствует достаточно четкое этническое самосознание, что характерно для значительных групп населения некоторых районов Башкортостана. На протяжении последних 150 лет зафиксированы массовые случаи изменения этнической принадлежности, когда часть татар при проведении очередной переписи записывалась башкирами, и наоборот, часть башкир – татарами (на северо-западе и западе Башкортостана) (*Роднов, 1996; Коростелев, 1999*).

А.Д. Коростелев в работе «Динамика этнического состава сельских поселений Башкортостана (К проблеме татаро-башкирской межэтнической напряженности)» на основе сопоставления данных по сельским поселениям за 1870, 1913-1920, 1959, 1979 и 1989 гг. и компьютерной их обработки осуществил диахронный пространственный анализ. В качестве базового списка поселений был выбран перечень, насчитывающий около 5 тыс. поселений, расположенных в 24 административных районах западной и северо-западной Башкирии. Очертания этой территории относительно близки к границам Бирского и Белебеевского уездов Уфимской губернии по дореволюционному административному делению (Бирского и Белебеевского кантонов БАССР по делению 1920-х годов). По мнению автора, «ввиду невысокой мобильности сельского населения такие колебания в национальном составе населения, по всей видимости, связаны в большей степени с изменением этнической принадлежности постоянных жителей, чем с притоком мигрантов – представителей других этносов. В то же время следует иметь в виду, что фиксируемая статистическими органами этничность может отличаться от реального этнического самосознания некоторой части населения» (*Коростелев, 1994. С. 72*).

Формирование этнической идентичности населения севера Башкирии

Наиболее интенсивными были процессы взаимодействия башкир с другими тюркско-мусульманскими группами, которые обычно фиксировались в источниках в соответствии с их сословной принадлежностью – тептярями, служилыми мещеряками, ясачными татарами. При этом необходимо заметить, что и само название «башкиры» одновременно имело два значения: сословное и этническое. По мнению Р.Г. Кузеева, этот процесс, по сути дела еще далекий от завершения, протекал настолько специфично, что его содержание и последствия требуют специального изучения (*Кузеев, 1978. С. 204*).

«В западных и северо-западных районах Башкирии, где расселялись преимущественно тюркоязычные переселенцы, они численно стали преобладать над башкирами. Это придало этническим процессам здесь определенную направленность: башкиры постепенно стали воспринимать язык и культуру пришлых родственных им этнических групп, хотя, с другой стороны, пришлое население (прежде всего тептяри) испытывали этнокультурное воздействие башкир. Своеобразие процесса заключалось в том, что эти изменения в языке и культуре не только не сопровождалось разрушением национального самосознания башкир, но, наоборот, часть пришельцев – тептярей и мишарей – стала называть себя башкирами. Очевидно, объяснение этой особенности надо искать в условиях социально-экономической жизни общества. Башкиры, будучи служилым сословием, обладали в кантонный период некоторыми привилегиями: неся военную службу, они не платили подушной подати и кроме того имели традиционные вотчинные права на земли» (там же, С. 232-233).

Сложность проблемы обусловлена тесной языковой близостью двух тюркоязычных народов. Кроме того, существует обширная этнокультурная и языковая переходная зона (на северо-западе и западе Башкирии). На протяжении, по крайней мере, последних полутора столетий статистика фиксировала массовые случаи изменения этнической принадлежности, когда часть татар при проведении очередной переписи записывалась башкирами, и наоборот, часть башкир – татарами. Так, по данным переписи 1989 г., в некоторых районах Башкортостана существенно снизилась

численность башкир и соответственно возросло число татар, тогда как предыдущая перепись 1979 г. отмечала обратные явления.

Статистические материалы показывают, что, начиная с переписи 1926 г., большинство башкир, живущих в тех районах, где фиксировались эти колебания, называют своим родным языком татарский (*Ганеева*, 1992. С. 66). В этих же районах сосредоточена значительная часть татарского населения Башкортостана. При этом этническое развитие тех и других отклоняется от магистрального направления развития своих основных этнических массивов (там же, С. 58), то есть этническая история татар Башкортостана существенно отличается от этнической истории татар Татарстана и также башкир западных от восточных.

Группы с неустойчивым самосознанием появились уже к середине XIX в., чему помимо языкового и культурного сближения способствовали и некоторые административные реформы, менявшие содержание терминов «башкир», «тептяр» и т.д. (*Кузеев*, 1978. С. 235). Однако, если в то время наиболее привлекательным был переход в состав башкир, то в начале XX в., в условиях массового обезземеливания, затронувшего различные категории населения, термин «башкир» утратил престижное сословное значение, и часть тептярей и мишарей, ранее перешедших в состав башкир, снова возвращается к прежней идентификации (там же, С. 252-253). В то же время увеличивается влияние татарской буржуазии и татарской профессиональной культуры (там же, С. 244).

Вопрос об этнической и языковой идентичности населения западного и северо-западного районов Башкортостана в конце 1980-х и в 1990-е годы стал одним из ключевых в национальных татаро-башкирских отношениях. Особую актуальность вопрос о национальной принадлежности «северо-западных башкир» приобретает накануне предстоящих переписей (*Губогло, Сафин*, 2000).

Также учеными предпринимались попытки комплексного изучения этнических и этноязыковых процессов в северо-западной Башкирии (например, *Сафин*, 2000).

В 1926 г. в Башкирской АССР из 625845 башкир считали татарский язык родным около 280 тыс. башкир, в 1939 г. из 671188 – около 306 тыс., в 1959 г. из 737711 – около 309 тыс., в 1979 г. из 935880 – около 300 тыс., в 1989 г. из 863808 – около 216 тыс. человек (*Гарипов*, 1972. С. 38-39). Заметное сокращение численности башкир в БАССР по переписи 1989 г. сопровождалось пропорциональным ростом

татарского населения в одних и тех же районах. Если подобная тенденция сохранится, то по следующей переписи численность западных башкир может сократиться, по мнению Р.Г. Кузеева, «еще примерно на 100 тыс. человек или эта древняя этнографическая группа башкирской нации вовсе исчезнет, влившись в состав татарского этноса» (Кузеев, 1990. С. 39). Следовательно, в ситуациях, когда языковая и этническая принадлежность не совпадают, было бы неверно абсолютизировать лингвистические данные. В этногенетических построениях это может привести к искаженной картине этнических процессов, а в национальной политике – к дисгармонизации межнациональных отношений. Представляется совершенно правильным заключение Н.В. Бикбулатова, который пишет: «От того, что разговорный язык северо-западных башкир в силу определенных обстоятельств стал отличаться от литературного языка, они никак не могли утратить единства со своим народом, связей со своими предками, исконными обычаями и традициями. Все это образует чувство национальности, национальное самосознание» (Бикбулатов, 1989).

Вместе с тем вопрос о разговорном языке северо-западных башкир остается проблемным, требует тщательной разработки и обсуждения. Сами западные и северо-западные башкиры называют свой язык татарским. Исследования Т.Г. Баишева в 50-х гг. привели его к заключению, что язык данной группы – самостоятельный западный диалект башкирского языка (Баишев, 1955). К этому мнению присоединились многие языковеды. С.Ф. Миржанова в своих работах по языку северо-западных и западных башкир пришла к выводу, что «данная языковая зона состоит из группы говоров (*ею выделены караидельский, таныпский, нижнебельско-икский и гайнинский – А.С.*), которые в своих исторических истоках взаимосвязаны с говорами восточных и южных диалектов башкирского языка и территориально составляют неразрывный единый лингвистический ареал» (Миржанова, 1976; Миржанова, 1979). Такой же точки зрения придерживался А.А. Юлдашев, который, однако, отмечал, что этот диалект «все больше сближается с татарским литературным языком» (Юлдашев, 1959. С. 118), что «все наиболее значительные особенности северо-западного диалекта объединяют его с территориально близкими к нему говорами среднего диалекта татарского языка, а отличаются они лишь частностями» (Юлдашев, 1959. С. 118-119). Дж. Г. Киекбаев, напротив, считал, что разговорный язык западных башкир к XIX в.

полностью татаризовался; башкирским его можно назвать лишь условно, в историческом плане (*Ганеева*, 1992. С. 62). Татарские языковеды, в частности, А.Ш. Афлетунов, Л.Т. Махмутова, Д.Б. Рамазанова считают, что в разговорном языке северо-западных башкир черты башкирского языка исчезли (*Афлетунов*, 1960; *Махмутова*, 1962; *Рамазанова*, 1986). Все его звуковые, грамматические, фонетические и другие характеристики те же, что и у говоров среднего диалекта татарского языка: бардымского, гайнинского, бирского, мензелинского, байкибашевского. В то же время в недавнем исследовании М.З. Закиева говорится, что говоры башкир западной и северо-западной Башкирии, обладающие признаками и башкирского, и татарского языков, с одинаковым основанием могут быть отнесены как к башкирскому, так и татарскому языкам (*Закиев*, 1986). Т.М. Гарипов писал о «смешанном, переходном характере» языка западных и северо-западных башкир (*Гарипов*, 1959).

Вопрос о схожести языков тюркских этносов, населяющих Башкирию, интересовал исследователей начиная с XIX в. Н. Катанов в своей работе «Отчет о поездке, совершенной с 20 мая по 20 августа 1888 г. в Белебеевский уезд Уфимской губернии» делает следующие выводы: «Из приведенных примеров, характеризующих наречия казанских татар, уфимских татар, тептярей, мещеряков и башкир, можно видеть, что наречия первых трех племен во всех почти отношениях сходны друг с другом, что наречие мещеряков от первых трех отличается лишь в отношении фонетики, что морфология первых четырех наречий за немногими исключениями одна и та же и что башкирское наречие восточной части Уфимской и северной части Оренбургской губернии морфологически более сходно с киргизским (*казахским* – А.С.) наречием, нежели с наречиями уфимско-татарским, казанско-татарским и тептярским. В дополнение к сему выводу нужно заметить, что башкиры западной части Уфимской губернии в отношении языка почти вполне ассимилировались с тептярями и татарами, и потому их наречие резких особенностей не представляет» (*Катанов*, 1901. С. 75).

В подтверждение этой точки зрения можно привести цитату из издания под названием «Башкирский краеведческий сборник. Материалы Общества по изучению Башкирии», вышедшего в г. Уфа в 1926 году под редакцией Ш.Х. Сюнчелей: «Языки башкирский, татарский, мещеряцкий и кряшенский настолько близки друг к другу, что являются в настоящее время лишь наречиями одного и

того же языка. Недаром человек иного племени (*например, русский – Г.И. Комиссаров*) любит называть всех их более известным ему именем "татары"» (*Башкирский краеведческий сборник, 1926. С. 18*). В то же время все эти группы мусульман, в «отличие от прочих народностей (чуваш, черемис, вотяков и мордвы), называются и татарами» (*Ахмаров, 1907, С. 349*).

Нужно отметить, что процессам «татаризации» были подвергнуты не только башкиры. В 1895 г. в «Этнографическом обозрении» была опубликована статья автора из г. Бирска П. Ерусланова «Родственный союз по понятиям восточных черемис», в которой он так характеризует ситуацию, сложившуюся на тот момент "<..> для черемисского языка, с одной стороны, и народности, с другой, – представляется большая опасность быть поглощенными татарским языком и народностью, как это случилось в Уфимской губернии с башкирами, совершенно слившимися с татарами-магометанами в один смешанный тип уфимских татар, и вотяками, наполовину уже омагометанившимся" (*Ерусланов, 1895. С. 35*).

С. Рыбаков в своей работе «Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии» отмечает следующее: «Еще в начале 70-х годов (*XIX в. – А.С.*) и раньше было известно о распространении мусульманства и среди Уфимских инородцев; так, было известно, что в Бирском уезде до 40 тысяч черемис, большею частью язычники, подвергались отатарению. То же самое явление оказалось и в других уездах Уфимской губернии <..> Мужчины между собой говорят исключительно по-татарски; употребление же черемисского языка между мужчинами считается признаком отсталости <..> Влияние магометан на вотяков отразилось в Уфимской губернии еще более, чем на черемисах. Есть деревни, где вотяки совсем отатарились и построили мечети<..> Следует отметить то характерное явление, что все обращающиеся в магометанство инородцы называют себя и сливаются под именем татар» (*Рыбаков, 1900. С. 8-14*). Автор отмечает «равнодушие русского населения к религиозно-просветительным интересам в среде окружающих инородцев» и предлагает: «Для устранения влияния магометан на норкинских черемисов было бы очень целесообразно образовать из черемисских селений и таких же селений соседних волостей особую волость. Тогда должностные лица могли бы быть избираемы из черемис-язычников, и дела в волостном суде решались бы на основании обычного права, а не по

шариату, как это делается в настоящее время. Кстати сказать здесь о неравномерности прав магометанского и православного духовенства: первое имеет право решать дела о наследствах, а второе не имеет такого права» (там же, С. 28).

Многочисленные работы конца XIX – начала XX вв., анализирующие состояние просвещения инородцев, позволяют говорить о борьбе за влияние на них между христианским и исламским миром, соответственно русским и татарским влиянием.

В XIX–XX вв. проходил процесс стирания локальных особенностей, формирования единых традиций. Среди различных групп этот процесс протекал неравномерно. С одной стороны, у части населения достаточно быстро происходило нивелирование традиций; с другой стороны, отдельные группы, наоборот, «консервировали» традиции мест выхода и противопоставляли себя соседям. Одной из особенностей башкирского пограничья были межэтнические взаимоотношения с соседями. Контакты с соседними народами повлияли на национальное самосознание и на все стороны материальной и духовной культуры (*Черных*, 1997. С. 22-23).

Проследить динамику численности башкирского и татарского населения сложно еще и потому, что в XIX в. все тюркское население (кроме чувашей) зачастую подсчитывалось вместе. Например, в Сборнике статистических сведений по Уфимской губернии, в V томе, посвященном Бирскому уезду и составленном на основе оценочно-статистических материалов по данным местным исследований 1897 г., заведующий статистическим отделением Уфимской земской управы С.Н. Велецкий пишет, что «первое по численности место в Бирском уезде занимает группа слившихся в настоящее время народностей: башкир, мещеряков и татар: эта группа составляет свыше половины населения уезда. Благодаря своей многочисленности и присутствию в этой группе исконных владельцев всех земель уезда – вотчинников, представители этих народностей встречаются в большинстве волостей уезда (в 26 из 36), и во многих из волостей (в 15) они составляют подавляющее большинство населения. Русское население, занимающее по численности 2-е место, составляет 26,4% всего населения уезда. Вотяки (*удмурты – А.С.*) составляют 4,6% всего населения уезда» (*Сборник статистических сведений по Уфимской губернии*. Т. 5. Гл. II. 1899. С. 65).

Еще одна проблема заключается в том, что в переписях этническая дифференциация проводилась не на единой основе. В

Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., показавшей резкое численное преобладание башкир над татарами, этническая дифференциация проводилась на основе «родного языка», поэтому часть исследователей считает результаты переписи неточными (См., например, *Габдрафиков, 1994*). Самой точной из переписей, по мнению М.И. Роднова, является перепись 1917 г. Тогда национальная принадлежность определялась на основе этнического самосознания населения, и было отмечено наибольшее количество этнических и субэтнических групп: так, в этой переписи было зафиксировано достаточно широкое распространение двойных (тептяри-удмурты, тептяри-татары), а подчас и тройных (башкиро-тептяр-магометанин) самоназваний (*Роднов, 1997*).

Всесоюзная перепись населения 1926 г. учитывала народность, родной язык, возраст, грамотность. «При учете так называемых «тептярей», представляющих неточное наименование народности» (*Всесоюзная перепись населения 1926 года...*, 1928. С. 410), ЦСУ СССР дало четкую инструкцию для счетчиков, в которой по данному вопросу было сказано: «Особенное внимание необходимо обратить на регистрацию татаро-башкирской части населения. Здесь нужно твердо отграничить башкир от татар, мещеряков и тептярей. При этом нужно иметь в виду, что тептяри не являются народностью, а представляют из себя группу, образовавшуюся из смешения разных народностей. Поэтому когда опрашиваемый называет себя тептярем, счетчик задает ему дополнительные вопросы, выясняя не является ли он башкиром, татаринном, мещеряком, чувашинном, марийцем, мордвой, вотяком. При получении определенного ответа в листке делается двойная запись: «тептярь-башкирин», «тептярь-вотяк» и т.д. В случае же полной невозможности получить ответ, что может быть при полном отрыве от той народности, из которой происходит данное лицо, в листке делается только одна отметка – «тептярь»» (там же, С. 410).

В соответствующих таблицах по Башкирской АССР в графе «тептяри» значится только та часть обозначивших свою народность наименованием «тептярь», которая не была разнесена по рубрикам точных наименований народности на основании добавочного определения.

В научной литературе данный факт получил различную оценку. Так, если Д.М. Исхаков, оценивая этот факт с точки зрения его роли в консолидации татарского этноса, считает требования инструкции в отношении тептярей совершенно правильными (*Исхаков, 1979. С. 35*),

то, по мнению Р.И. Якупова, в 1920-1930-е гг. был прерван развивавшийся процесс консолидации тептярей в этнос (Якупов, 1992. С. 167).

Нужно также отметить, что на востоке Башкирии взаимодействие представителей двух народов зачастую носило совершенно иной характер. Исторические источники свидетельствуют об острых татаро-башкирских противоречиях, приводивших порой к конфликтным ситуациям. Мирсаид Султан-Галеев в одной из статей, опубликованной в декабре 1921 г., отмечает: «Как известно, избиение татарских мулл и учителей в башкирских деревнях одно время приняло хронический характер» (Султан-Галеев, 1998. С. 372). П.Н. Мостовенко, особоуполномоченный ВЦИКа и представитель ЦК при Башкирском правительстве, писал: «Лично я жила раньше на Урале; хотя и немного, но был осведомлен в кое-каких специфических сторонах жизни Башкирии, а кое-что восполнил из литературных источников, – и все-таки до того времени представлял себе существование в Башкирии только русского и башкирского вопроса, бессознательно относя за скобку последнего все магометанское население. Так, в сущности, дело обстояло и в отношении других наших товарищей. Если не ошибаюсь, в один из первых же дней работы съезда (*I Всебашкирский съезд Советов в августе 1920 г. в Стерлитамаке. – А.С.*), один из немногих оставшихся на работе с нами башкир, т. Гирей Карамышев, отличнейший парень и подлинное “дитя народа”, – обратился ко мне с недоуменным вопросом: “Почему Вы не управляете нами сами, а действуете через татар – ведь отношения между башкирами и татарами куда хуже, чем между нами и русскими; к вам-то, как к власти, население издавна уже, по крайней мере, привыкло”».

Так оно и было в действительности. И не могло быть иначе, так как население татарских деревень коренным образом отличалось от башкир не только по национальности, но и по экономическим признакам, по формам хозяйствования, по культурным и всяким другим навыкам; по психологии своей, связанной, главным образом, опять-таки с земельными отношениями, оно куда ближе примыкало к русскому крестьянству и во всяком случае имело с башкирами свои не только не изжитые, но практикой старого режима достаточно запутанные счеты. Понятно поэтому, что и наш круг работников, борясь с башкирским национализмом, объективно, независимо от воли и сознания представлял собой по существу не менее

националистически искривленный блок русских и татар» (*Мостовенко, 1928, С. 103-137*).

Р.М. Раимов, отмечая резкое отличие западной Башкирии от восточной по уровню социально-экономических отношений, объяснял это различие следующим образом: «Один район – это в основном Уфимская губерния – западная Башкирия, где башкирское население было сравнительно давно оседлым, где переход к земледелию совершился к началу XX в., где были сильнее развиты капиталистические отношения и, следовательно, более высокая дифференциация крестьянства. На развитие экономики, культуры и общественного движения среди башкир этого района огромное влияние оказывали русские (да и татары), давно поселившиеся здесь. Другой район – это в основном Оренбургская губ., ее северо-западные волости, населенные башкирами. Это горно-лесная восточная Башкирия, где только завершалось оседание, где еще к 1920 г. хлебопашеством занималась очень небольшая часть степных башкир, а основным занятием являлись скотоводство и лесные промыслы. Здесь еще держалось общинно-родовое землевладение, и байские элементы использовали родовую общину для порабощения масс, были слабее развиты капиталистические отношения, слабее и классовая дифференциация. Заводов было меньше, чем в западной Башкирии, если не считать не вошедший в территорию Башкирии Златоустовский округ. Имевшиеся небольшие заводы были разбросаны по различным горным районам, причем русские рабочие поселения при них представляли лишь незначительные очаги культуры.

У башкирского населения этого района еще были свежи в памяти земельные захваты, совершавшиеся русскими кулацко-переселенческими элементами; поэтому в рассматриваемый период еще сильно давали себя знать национальные противоречия. Этим и объясняется, что в восточной Башкирии, по сравнению с западной, идеи башкирских буржуазных националистов нашли относительно благоприятную почву. Эти особенности районов Башкирии наложили существенный отпечаток на ход борьбы за землю и национальное самоопределение Башкирии» (*Раимов, 1952. С. 63-64*).

Сравнивая размах крестьянского движения в 1917 г. в западной и восточной Башкирии, Р.М. Раимов отмечает, что в неземледельческом (горно-лесном, скотоводческом) районе движение было в несколько раз слабее (там же, С. 91). «При этом движение башкирских крестьян в земледельческих районах по характеру почти не отличается от

движения крестьян других национальностей». «В горно-лесных, скотоводческих районах, т.е. в восточной Башкирии, движение крестьян носило несколько иной характер». Например, в лесной зоне «башкиры нападали на лесные стражи казенных и частных дач, объявляли эти леса собственностью башкирских волостных общин» (там же, С. 92). Кроме того, это движение «было направлено против крестьян других национальностей» (там же, С. 93).

Английский историк Эдвард Карр, упоминая о взглядах двух других западных историков – Ричарда Пайпса и Гейхарда фон Менде – на вопросы татарско-башкирских отношений, отмечает, что они оба пренебрегают «двумя важными факторами: во-первых, традиционной враждебностью крестьян к торговцу и ростовщику (из которых типичными представителями в этом регионе были татары) и, во-вторых, столкновением русских переселенцев, упорно сопротивлявшихся башкирской автономии, с центральными властями в Москве, которые к этой автономии благоволили» (Карр, 1997. С. 61).

«Часть мусульманского населения Уфимской, Оренбургской и других восточных уральских губерний даже колебалась при выборе своей национальности, иногда называя себя башкирами, а иногда татарами» (Зеньковский, 1997. С. 113). «Антагонизм между башкирами и татарами имел главным образом социальную и культурную основы, а именно – давнюю напряженность в отношениях кочевников и крестьян. Татары считали башкир всего лишь одним из кочевых и отсталых племен, что крайне оскорбляло башкирских политиков и вождей» (там же, С. 113).

Фридрих Бергдольт, немецкий исследователь биографии лидера башкирского национального движения Ахметзаки Валиди, даже приходит к выводу о том, что «объединение двух народов или интеграцию даже с частью татарского населения башкиры не могли не только осуществить, но и представить» (Бергдольт, 1997. С. 195). По-видимому, этот категоричный вывод относится к определенному историческому периоду, и по прошествии почти столетия ситуация в значительной степени сгладилась. Однако взаимовосприятие представителей двух народов на востоке и прежде всего на юго-востоке Башкирии все же значительно отличается от того, которое имеет место на западе этой республики, хотя бы в силу языкового и культурного различия татар и восточных башкир.

Выше уже шла речь о том, что С.И. Руденко при рассмотрении пространственной вариативности антропологического и культурного

типов башкир выделил три области, в том числе северо-западную. Кроме того, он подразделил эту область на два района – западный и восточный. Как явствует из приведенной им «Карты разделения башкир на области по физическому типу» (Руденко, 1955), западный район включает Бирский уезд, больше половины территории Белебеевского уезда, а также некоторые местности Уфимского уезда (центральная часть Башкирии), Татарстана и Пермской области. Восточный район охватывает северо-восток Башкирии (Златоустовский уезд), некоторые местности Уфимского уезда к северо-востоку и востоку от Уфы, часть территории нынешнего Белорецкого района и отдельные местности Свердловской области. При этом западный район северо-западной области по Руденко, не говоря уже обо всей северо-западной области, занимает значительно более обширную территорию, чем упомянутые 12 районов (см. примеч. к Табл. 1) северо-запада Башкортостана (бывший Бирский уезд).

Двойственная этническая идентичность как характерная особенность исследуемого региона

Двойственная этническая идентичность среди башкир наблюдается исследователями не только на севере и северо-западе Башкирии, но и, например, в Бардымском районе Пермской области. Бардымский район Пермской области расположен в ее южной части недалеко от северной границы с Башкортостаном, однако непосредственно с ним не граничит. Селения района расположены вдоль среднего течения реки Тулва (приток Камы) и ее притоков (Коростелев, 2005). По переписи 1989 г. 83,5% от числа всех сельских башкир Пермской области проживали в Бардымском районе. При этом башкиры составляли 85,1% населения района, русские – 8,3%, татары – 5,0%, другие – 1,6% (Дубова, Комарова, Ямсков, 1998. С. 230). Башкиры Бардымского района говорят на местном диалекте татарского языка, 98,2% из них владеют татарским. Хорошо знают они и русский язык – это отметили 61,7% местных башкир (Дубова, Комарова, Ямсков, 1995. С. 14).

Официальная статистика фиксировала большинство населения Бардымского района как башкир с татарским родным языком, однако в настоящее время по крайней мере среди части их существует тенденция смены самоидентификации на татарскую. Жители района, идентифицирующие себя как башкиры и как татары, как правило, не

различают друг друга на бытовом уровне по этническому признаку (по крайней мере, местные уроженцы). Двойственность этнического самосознания, с одной стороны, является характерной этнокультурной особенностью группы, а с другой, – свидетельствует о незавершенности интеграционных и консолидационных процессов. Среди исследователей также нет единого мнения относительно принадлежности бардымцев к башкирам или татарам. Некоторые авторы называют их «татаро-башкирами» (*Велецкий*, 1889. С. 79; *Вишневецкий*, 1960. С. 253).

Пермские исследователи А.В. Черных и А.А. Плюхин татар и башкир Бардымского района предлагают называть «*тулвинскими татарами и башкирами*» (*Черных, Плюхин*, 2004. С. 5) и характеризуют этническое самосознание тулвинских башкир и татар как двойственное и многоуровневое. Они отмечают как наличие крайних позиций («мы – башкиры» или «мы – татары»), так и случаи осознания принадлежности к обоим народам (*Черных, Плюхин*, 2001. С. 140-141). У бардымцев также «сохраняется осознание своей принадлежности к особой этнокультурной группе, отличной от других этнографических групп татар и башкир» (там же, С. 140-141).

«В настоящее время двойственное этническое самосознание у тулвинских татар и башкир представляет собой структуру с двумя полюсами самоидентичности: татарским и башкирским, и целым спектром промежуточных определений. Примером полюсной самоидентификации могут служить такие ответы на вопрос о национальном определении: «Национальность написана башкиры, мы на башкир совсем не похожи, башкиры разговаривают по-другому, не знаю, зачем нас записали башкирами!?» (Татарский полюс); или «Мы башкиры, тут и до Башкирии ближе, чем до Татарии, и в паспорте мы записаны башкирами. По паспорту я башкир. Пишут башкир, потому что Башкирия ближе» (Башкирский полюс). При этом, главным фактором татарского самоопределения выступает язык, а башкирского – осознание исторической традиции и географической близости Башкирии.

Но реально этническое самосознание тулвинских татар и башкир находится между двумя полюсами и характеризуется двойственностью: осознание принадлежности и к башкирскому, и татарскому этносу. Наглядно сложную ситуацию этнической идентификации раскрывают многочисленные примеры. «Я по паспорту башкирка, отец тоже башкир. Я сама живу и не знаю: может

татарка, может башкирка. По нашему, и татары – татары и башкиры – татары». «Считаем себя татарами, хотя в паспорте записаны башкирами. Раз по-татарски говорим, значит, татары». «По паспорту башкирка. По языку – татарка...». «В документах башкиры записаны, а так чистые татары». «Мы по национальности башкиры, может быть татары». «Мы – башкиры, в паспорте татары». «Я башкирский татарин». «Я башкирка, а старшая сестра татаркой записана»» (Черных, Плюхин, 2001. С. 140-141).

Приведенные авторами примеры очень хорошо иллюстрируют строки об этническом самосознании населения северо-запада Башкирии, где «часто в одних и тех же семьях родные братья и сестры относят себя к башкирам или татарам» (Кузеев, Ганеева, 1989. С. 171) и совпадают с полевым материалом, собранным на территории северо-запада Башкирии автором данного исследования, результаты которого помещены в следующей главе.

Население Бардымского района представляет интерес помимо всего прочего еще и потому, что оно находится вне сферы юрисдикции властей Татарстана и Башкортостана, и, следовательно, на его этническое развитие не влияет непосредственно этническая политика, проводимая в этих республиках. В действительности процессы, которые происходят в республиках, особенно в Татарстане, все же оказывают какое-то влияние на ситуацию в Бардымском районе, но это влияние осуществляется по неформальным каналам, что существенно отличается от непосредственного управления местными процессами с помощью эффективно действующих «властных вертикалей» (Коростелев, 2005).

В качестве варианта развития этнических процессов населения с двойственной этнической идентичностью хотелось бы привести такой исторический факт, зафиксированный статистикой в переписях начала прошлого века. В начале 1920 г. в ходе нового административного деления, связанного с образованием социалистических республик, Татарской АССР отходит Мензелинский уезд, до этого входивший в состав Уфимской губернии. При прежнем административном делении этот уезд находился на западе Уфимской губернии и граничил с Бирским и Белебеевским уездами, в которых и по сей день проживает население с двойственной этнической идентичностью. Мензелинский уезд тоже был регионом, в котором проживали башкиры, в основном татароязычные. По переписи от 28 августа 1920 г. в Мензелинском кантоне Татарской АССР башкир

насчитывается 121 343 чел. (26,4%), при этом татары составили 139 192 чел. (30,2%) (*Шибяев*, 1930. С. 202-203). А уже по переписи от 17 декабря 1926 г., через шесть лет в Татарской АССР по народности башкир насчитывалось 1574 чел., а по языку 34 чел. (*Шибяев*, 1930. С. 260-261).

Возможно, в данном случае мы сталкиваемся с одной и той же группой населения, с так называемыми «татаро-башкирами», населяющими ареал, который в начале прошлого века был подвергнут новому административному делению. В результате этого население данной переходной зоны оказалось под влиянием разных административных субъектов (Татарстана, Башкирии, Пермской области), что и повлияло в дальнейшем на направление этнических процессов и, как следствие, на этническую идентичность населения.

Таким образом, можно сделать следующие основные выводы, касающиеся проблем этнической идентичности населения севера и северо-запада Республики Башкирия.

Начиная со второй половины XVI в. и вплоть до начала XX в. шло интенсивное заселение этой области тюркскими, финно-угорскими и восточнославянскими народами, различными по культуре и происхождению. Соответственно, начиная примерно со второй половины XVI в., этот регион является зоной активных контактов местного башкирского населения с близкими к ним в языковом, культурном и религиозном плане татарами.

В первой половине XIX в. в связи с некоторыми специфическими для Башкирии моментами социально-экономического и политического развития, процесс этнического смешения башкир и тептярей стал протекать в активных формах, следствием которых явилось постепенное исчезновение к середине XIX в. отчетливых этнокультурных различий между некоторыми, преимущественно северо-западными, группами татар и башкир. Стирание этнических границ привело к появлению у части башкирского и тептярского населения неустойчивости в определении своей национальности. В этих условиях сословно-административная принадлежность приобретает существенное значение при определении этнической принадлежности (*Кузеев*, 1978. С. 233).

Сложность проблемы обусловлена тесной языковой близостью двух тюркоязычных народов. Среди множества факторов, воздействовавших на направленность и характер процессов идентификации, очень важное место принадлежит тем, которые

связаны с языковыми аспектами сложившейся ситуации. Произошедшее в XVIII-XIX вв. стирание языковых различий на большей части рассматриваемой территории привело к тому, что язык татар и башкир в переходной зоне не различается. Башкирский язык лингвисты относят к кипчакской группе тюркских языков, среди которых ближе всех других к нему стоит татарский. Издавна в силу определенных исторических условий обучение детей в башкирском мектебе велось сначала на языке «тюрки», а затем на татарском, и распространение литературы на этом языке вели к приобретению ими основных черт татарской культуры.

Существует обширная этнокультурная и языковая переходная зона (на северо-западе и на западе Башкортостана). Для значительных групп населения этой зоны характерно отсутствие достаточно четкого этнического самосознания. На протяжении по крайней мере последних полутора столетий статистика фиксировала массовые случаи изменения этнической принадлежности, когда часть татар при проведении очередной переписи записывалась башкирами, и наоборот, часть башкир – татарами. Так, по данным переписи 1989 г. в некоторых районах Башкортостана существенно снизилась численность башкир и соответственно возросло число татар, тогда как предыдущая перепись 1979 г. отмечала обратные явления (*Коростелев, 1994*).

Сложность четкого разграничения башкир и татар в этой части Башкирии явилась причиной появления термина «татаро-башкиры», который в конце 1910-х – начале 1920-х гг. употребляли некоторые авторы, причем в двух различных значениях: как общее название татар и башкир и как обозначение той части населения, отнесение которой к тем или другим варьирует в статистических источниках, научных работах и публицистике (*Велецкий 1899; Коростелев, 1994, 2005* и др.).

Также многие источники свидетельствуют о том, что русское население на бытовом уровне зачастую не различало исповедующих мусульманство, близких друг к другу по языку и культуре башкир и татар. «Недаром человек иного племени (*например, русский – Г.И. Комиссаров*) любит называть всех их более известным ему именем "татары"» (*Комиссаров, 1926; Роднов, 2002*).

В XIX–XX вв. в регионе проходил процесс стирания локальных особенностей, формирования единых традиций. Среди различных групп населения этот процесс протекал неравномерно. С одной стороны, у части населения достаточно быстро происходило

нивелирование традиций; с другой стороны, отдельные группы, наоборот, «консервировали» традиции мест выхода и противопоставляли себя соседям. Одной из особенностей этнической культуры населения башкирского пограничья были интенсивное межкультурное взаимодействие, контакты с соседними народами повлияли на национальное самосознание и на все стороны материальной и духовной культуры.

Специфика этнического состава западных и северо-западных районов Башкирии состоит в том, что там сосредоточена большая часть проживающих в Башкирии татар. Большинство башкир в этих районах считает своим родным языком татарский: «Сами западные и северо-западные башкиры называют свой язык татарским» (*Ганеева*, 1992. С. 62). В основном живущие там татары и башкиры неотличимы ни по культуре, ни по языку. Их отличает лишь этническая идентичность. Однако имеется немало людей с двойственной, маргинальной, нечеткой или нестабильной идентичностью (*Коростелев*, 2002).

Многие исследователи конца XIX в. и начала XX в. отмечали протатарскую культурную и религиозную ориентацию у марийского и удмуртского населения в это время (*Ерусланов*, 1895; *Рыбаков*, 1900). Данный процесс выражался в переходе на татарский язык, а также в принятии мусульманства и получил название «татаризации» у исследователей того времени.

Анализ основных особенностей межэтнического взаимодействия, как в северной части Башкирии, так и в республике в целом показывает, что основа толерантного межэтнического взаимодействия в республике носит, безусловно, исторический характер и существует в виде близости культурных традиций населяющих ее этносов и межэтнической комплементарности. В то же время наличие групп населения с нечеткой и, возможно, негативной этнической идентичностью, потенциально несет угрозу этнической толерантности.

Вопрос об этнической и языковой идентичности населения северной и северо-западной Башкирии в конце XX – начале XXI в. стал одним из ключевых в национальных вообще, и татаро-башкирских отношениях, в частности. Попытки лидеров и активистов башкирского национального движения, а вслед за ними и руководства республики привить населению этих северо-западных районов башкирское самосознание и перевести на башкирский язык обслуживания встречает упорное сопротивление со стороны

последних. Эта проблема сегодня стала краеугольным камнем в межэтнических отношениях в республике; для ее решения, видимо, потребуется много времени, так как местное население (татары и башкиры), несмотря на разные этнические ориентации, является татароязычным, хотя в последнее время башкирскими учеными язык местных жителей считается северо-западным диалектом, обладающим общностью с другими говорами и диалектами башкирского литературного языка (*Ганеева*, 1992). С другой стороны, процесс изменения этнической идентичности продолжает развиваться, в основном, в одном определенном направлении; в литературе уже ставился вопрос о возможности полного исчезновения группы татароязычных башкир в случае, если все они перейдут в состав татарского этноса (*Кузеев*, 1990, С. 44). Близость западных башкир к татарам в языковом, культурном, социально-экономическом отношениях, одинаковое вероисповедание, численное преобладание татар, перемещение последних в башкирскую среду, нарушение эндогамии из-за роста смешанных браков не могли не ускорить данный процесс.

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ – ЭТНИЧНОСТЬ – ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Проблема соотношения понятий «этническое самосознание», «этничность», «этническая идентичность» в гуманитарных науках

В отечественной этнологической науке одним из основных предметов теоретических и эмпирических исследований долгое время было понятие «**национальное самосознание**». Это было связано с тем, что, во-первых, в традициях отечественной науки в основном использовалось понятие «нация» в значении этнонации – этнической общности; во-вторых, во многом оно определялось объектом внимания: в поле зрения исследователей были главным образом титульные народы республик – союзных, реже автономных; и, в-третьих, большей, чем в современных условиях, дифференциацией наук, их разобщенностью и отдаленностью от международного сообщества (*Арутюнян, Дробижева, Сусоколов*, 1999. С. 163).

В 1951 г. вышла работа П.И. Кушнера (Кнышева) «Этнические территории и этнические границы», в которой он впервые поднимает проблему характерных признаков этнической общности и указывает в качестве таковых, прежде всего, на язык и материальную культуру. Рассуждая о том, какое значение для определения этнической принадлежности может иметь психологический фактор, автор отмечает, что «в некоторых случаях он имеет решающее значение, ибо лежит в основе так называемого *национального сознания*» (Кушнер, 1951. С. 8).

Важным рубежом в теоретическом осмыслении проблем этнического самосознания являются 60-е годы. Начало этому положили две работы выдающихся отечественных этнографов С.А. Токарева и Н.Н. Чебоксарова, в которых впервые речь шла не только о национальном самосознании, но и шире – об **«ЭТНИЧЕСКОМ САМОСОЗНАНИИ»** (Токарев, 1964. № 11). В их трактовке этническое самосознание представляет собой некоторую результативную совокупность основных признаков этнической общности (Чебоксаров, 1967. № 4.). Эти публикации открыли целый ряд научных дискуссий о месте этнического самосознания в теории этноса.

Следующий этап разработки этнической теории связан с работами В.И. Козлова, предложившего собственную концепцию этнической общности в статье «О понятии этнической общности». В этой работе автор, давая определение этнической общности, по сути, впервые выделил этническое самосознание в числе основных ее признаков (Козлов, 1974). Позже вышла статья «Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса», в которой В.И. Козлов обозначил этническое самосознание «как осознание людьми своей этнической (национальной) принадлежности» (Козлов, 1974. С. 84). «Этническое самосознание возникает и развивается вместе с самой этнической общностью, проходя различные исторические стадии – от племенной до национальной, – и проявляется у разных групп людей с разной степенью: от слабо осознанной принадлежности к своему народу, нередко отнесенного на задний план чувством принадлежности к другим общностям (религиозной, соседско-территориальной и т.д.), до сильно развитого национального чувства, заставляющего членов нации связывать свои личные судьбы с судьбой нации, подчинять свои частные интересы общим национальным интересам и даже жертвовать жизнью во имя этих интересов» (там же, С. 87).

Своего рода теоретико-методологическим итогом, резюмирующим результаты работы советских этнографов в течение как минимум трех десятилетий, можно считать вышедшую в 1983 г. книгу Ю.В. Бромлей «Очерки теории этноса». В этой работе этническому самосознанию уделяется одно из первостепенных мест. Ю.В. Бромлей, помимо национальной идентификации и автостереотипов, выделяет в качестве основных компонентов этнического самосознания этноним (самоназвание), который выполняет не только функцию отделения «Мы» от «Они», но и некоторые идеологические функции, «служба подчас лозунгом, знаменем» (Бромлей, 1983. С. 180) представления об общности исторического прошлого народа, о территориальной общности, о государственной общности при определенных конкретно-исторических условиях. По выражению Бромлей, общность происхождения «на уровне обыденного сознания» может интерпретироваться «как отдаленное, но все же кровное родство». Важным компонентом такого представления является идея об «определенной общности исторических судеб членов этноса на протяжении многих поколений». Бромлей заключает, что «представление об общности происхождения членов этноса и своеобразное отражение его объективных свойств, будучи двумя важнейшими составляющими этнического самосознания, находятся в тесном взаимодействии, контролируя и дополняя друг друга» (Бромлей, 1983. С. 103-105).

Ю.В. Бромлей говорил о возможности более узкой и более широкой трактовки понятия «*этническое самосознание*». В узком смысле оно относится к идентификации человека с определенной этнической общностью, причем наглядным выражением самосознания выступает этноним. В широком смысле понятие «*этническое самосознание*» дополнительно включает весь комплекс представлений этнофоров о своей этнической общности (ее языке, культуре, историческом прошлом, территории и др.) и, отчасти, о других этнических группах, об этнических ценностях и интересах, а также содержит эмоциональный компонент (стереотипы, чувства и др.) (Рыбаков, 2001. С. 86). При этом различалось этническое самосознание личности и самосознание этнической общности. Некоторые авторы выделяют и другие составляющие структуры этнического самосознания.

В дальнейшем многие исследователи, проводящие эмпирические исследования этнического самосознания и этнической идентичности,

следовали именно широкому пониманию «*этнического самосознания*». Трактовка этого понятия Л.М. Дробижевой «отличалась от того, которое давал Ю.В. Бромлей, тем, что включала в него, кроме выделенных им компонентов, также интересы, осознаваемые людьми как этнические» (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1999. С. 166-167). Условно говоря, в ней воплощается «образ мы» и осознание интересов народа.

Ю.В. Бромлей и В.И. Козлов, придавая этническому самосознанию практически важнейшее значение в функционировании этноса, исходили из теории этноса; этот подход теперь нередко называют **примордиалистским**. Согласно теории этноса и ее подходам, этническое самосознание – субъективный фактор, отражающий объективно функционирующую реальность (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1999. С. 164). В рамках этого подхода работали такие выдающиеся ученые, как С.П. Толстов, С.А. Токарев, Н.Н. Чебоксаров, С.А. Арутюнов, Ю.И. Семенов.

Кроме этого, в западной этнологии, а теперь и в отечественной, существует так называемый **конструктивистский** подход. Как правило, конструктивисты отождествляют этничность с этнической идентичностью. Причем индивидуальная идентичность видится при этом непостоянной, текучей, ситуативной, произвольно конструируемой характеристикой (Рыбаков, 2001. С. 83). Одним из наиболее влиятельных теоретиков конструктивизма является норвежский ученый Фредрик Барт. По Барту «этничность – это форма социальной организации культурных различий». В отечественной этнологии конструктивизм в основном ассоциируется с именем В.А. Тишкова. Он предлагает «этническую идентичность рассматривать больше как форму социальной организации, чем выражение определенного культурного комплекса» (Тишков, 1997. С. 6), а «групповую этническую идентичность как операцию социального конструирования «воображаемых общностей», основанных на вере, что они связаны естественными и даже природными связями» (Тишков, 1997. С. 13). В рамках конструктивистского подхода условно выделяют три подхода: **когнитивизм**, **релятивизм** и **инструментализм** (Рыбаков, 2001. С. 90).

В 1994 г. на страницах журнала «Этнографическое обозрение» была опубликована статья С.В. Чешко «Человек и этничность», которая открыла дискуссию по проблемам сущности понятия «этничность». Автор предпринял попытку анализа «этничности», подчеркивая, однако, то, что «явление, которое обозначается

термином «этничность», едва ли можно, по крайней мере, на современном этапе развития науки, выразить посредством какой-то точной дефиниции» (Чешко, 1994. №6. С. 40). «Я определяю для себя этничность; <..> как групповую идентичность, производную от имманентного человечеству социального инстинкта коллективности и «легитимизируемую» посредством представлений об общем происхождении и специфичности своей культуры. Соответственно этнос выступает как носитель такой идентичности» (там же, С. 41.), а этничность в качестве группового феномена «формируется как коллективная традиция, которая передается из поколения в поколение, служит важным идеологическим средством социализации индивида в рамках группы его происхождения» (там же, С. 45).

Среди этнологов и представителей смежных дисциплин сложились разные мнения как о содержании и соотношении терминов «*этническое самосознание*», «*этничность*» и «*этническая идентичность*», так и о перспективах их использования (Коростелев, 2002. С. 88).

Довольно часто понятия этническое самосознание и этническая идентичность рассматриваются как синонимы. Например, Э.Г. Александренков в статье «"Этническое самосознание" или "этническая идентичность"?» (Александренков, 1996. С. 13-23) анализирует историю появления и использования в отечественной науке понятий «*национальное самосознание*» и «*этническое самосознание*», постепенное изменение и уточнение содержания этих терминов, а также определения понятия «*этническая идентичность*» в различных англоязычных терминологических словарях и приходит к выводу, что эти два понятия фактически тождественны, и потому нет серьезных оснований вводить в русский язык термин «*этническая идентичность*».

В статье Б.Е. Винера «Этничность: в поисках парадигмы изучения» (1998) проведен анализ соотношения терминов «*этническая идентичность*», «*этническая идентификация*» и «*этническое самосознание*». Автор приходит к выводу, что русский термин «*этническое самосознание в широком смысле*» соответствует английскому «*этническая идентичность*», а «*этническое самосознание в узком смысле*» во многом соответствует английскому «*этническая самоидентификация*» (Винер, 1998. С.17).

В своей монографии «Философия этноса» (2001) С.Е. Рыбаков дает анализ современных философских и специально-научных взглядов на этническое. Автор предлагает применить философско-

антропологический подход к исследованию этничности, этноса и нации, предусматривающий существование в составе личности объективно обусловленных этнических структур. С его точки зрения, такие сущностные личностные структуры порождают этничность, которая рассматривается как характеристика человека, имеющая сложную бессознательно-сознательную природу и поддающаяся адекватному исследованию и научному моделированию лишь с помощью инструментария философской антропологии. В свою очередь, этнос представлен как социокультурный результат развертывания индивидуального этнического вовне. Также в этой работе рассматривается вопрос соотношения терминов «этничность» и «этническая идентичность», причем автор настаивает на том, что «определить этничность – только как «этническую идентичность» значит сказать о ней слишком мало» (Рыбаков, 2001. С. 84). «Термин «идентичность» является весьма сложным и многоплановым. «Идентичность» («identity») – это вовсе не «идентификация» («identification», или по-иному «самоидентификация» – «self-identification»), не просто «принадлежность», «отождествление». Точно так же, как и любая другая идентичность не тождественна идентификации, *этническая идентичность* не может быть равнозначна просто лишь этнической идентификации – отождествлению индивида с определенным этносом (там же). Автор приходит к выводу, что «этническая (само)идентификация», «этническая идентичность» и «этническое самосознание» – это все же в большей степени психические феномены, а обозначающие их термины относятся к области психологии, в то время как этничность – это сложносоставное социальное качество личности, которое на языке психологии уже не может быть удовлетворительно описано (там же, С. 87).

В кандидатской диссертации Е.М. Галкиной, посвященной этнической идентичности подростков из национально-смешанных семей (Галкина, 1993), автор приходит к мнению, что использование термина «этническая идентичность» более перспективно. Е.М. Галкина делает вывод о том, что термины «*этническое самосознание*» и «*этническая идентичность*» не являются взаимозаменяемыми, так как некоторые аспекты этнического могут являться предметом осознания в меньшей степени или же существовать на бессознательном уровне, и в силу этого не могут входить в содержание понятия «*этнического самосознания*». В.Ю. Хотинец рассматривает этническую

идентичность как уровень (наиболее зрелый) этнического самосознания или как форму его конечного, наиболее развитого состояния (Хотинец, 2000).

По мнению Г.У. Солдатовой, этническая идентичность, с одной стороны, уже этнического самосознания, так как представляет собой его когнитивно-мотивационное, а с другой стороны шире, поскольку содержит в себе слой бессознательного. На основании этого объяснения Г.У. Солдатова считает, что этническая идентичность должна изучаться в двух ипостасях – как концентрированная форма и главная характеристика этнического самосознания и как его «изнанка» – этническое бессознательное (Солдатова, 1998. С. 43). Кроме того, механизмами интериоризации (перевода из внешнего во внутренний план) установок, норм, схем поведения данной группы являются эмоционально-когнитивные и ценностные процессы этнической идентификации и межэтнической дифференциации. Эти динамические адаптивные механизмы работают на протяжении всей жизни человека. На их основе субъект осознает свое место в системе внутриэтнических и межэтнических отношений и усваивает способы внутригруппового поведения, а этническая идентичность – это не только принятие определенных групповых представлений и готовность к сходному образу мыслей. Это также построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях (Дробижева, Аклаев, Коротеева, Солдатова, 1996. С. 296).

Очень важными являются работы Т.Г. Стефаненко. Ее докторская диссертация под названием «Социальная психология этнической идентичности» (Стефаненко, 1999.) представляет глубокий анализ существующих подходов в современной отечественной и западной науке к изучению этнической идентичности. В этой работе автор рассматривает этническую идентичность как один из ключевых социальных конструктов, возникающих в процессе субъективного отражения и активного построения индивидом социальной реальности и приходит к выводу, что «этническая идентичность активно конструируется индивидом на основе аскриптивной, предписываемой обществом этничности, но не сводится и может не совпадать с ней. Этническая идентичность является результатом эмоционально окрашенного процесса идентификации/дифференциации, переживания отношений Я и этнической среды» (там же, С. 8). Также автор, давая определение этнической идентичности, отмечает, что она является частью социальной идентичности личности, психологической категорией,

которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности. В первую очередь, этническая идентичность – это результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенная степень отождествления себя с ним и обособления от других этносов.

При этом Т.Г. Стефаненко обращает внимание на то, что, во-первых, необходимо разводить понятия этнической идентичности и этничности – социологической категории, относящейся к определению этнической принадлежности по ряду объективных признаков – этнической принадлежности родителей, месту рождения, языку, культуре, – и иметь в виду, что в реальной жизни этническая идентичность не всегда совпадает с официальной этничностью. Во-вторых, следует помнить, что этническая идентичность не сводится и может не совпадать с **декларируемой идентичностью** (причислением себя к этнической общности), которая проявляется в самосознании (*Стефаненко, 2000. С. 10*).

Структура и виды этнической идентичности в поликультурном обществе

В структуре этнической идентичности принято выделять два основных компонента – когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков) и аффективный (чувство принадлежности к группе, оценка ее качеств, отношение к членству в ней) (*Стефаненко, 2000. С. 211*). Некоторые авторы выделяют еще и ее поведенческий компонент, понимая его как реальный механизм не только осознания, но и проявления себя членом определенной группы, как «построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях» (*Дробижева, Аклаев, Коротева, Солдатова, 1996. С. 296*).

В 2002 г. была опубликована статья А.Д. Коростелева «Парадоксы этнической идентичности» (*Коростелев, 2002*). В ней было выдвинуто положение, согласно которому термины "этническая идентичность" и "этническое самосознание" не всегда являются синонимами, и рассмотрен ряд ситуаций, подтверждающих эту точку зрения; обоснована идея существования разных срезов этнической идентичности (внутренней, декларируемой, приписываемой другими, официально фиксируемой идентичности), которые находятся во взаимосвязи и подвержены динамическому

взаимовлиянию; рассмотрены проблемы, связанные с возможным несовпадением этнической самоидентификации и идентификации людей другими, причем вопрос о механизме возникновения такого несовпадения включил рассмотрение трех отдельных вопросов:

1) Кто именно осуществляет конкретный акт приписывания индивиду определенной этнической принадлежности?

2) На основании каких критериев он это делает?

3) Насколько возможные результаты различных приписываний воспринимаются как взаимно несовместимые?

Показано, что множественная идентичность может создаваться, кроме всего прочего, и разнообразным сочетанием внешних приписываний. Автором отмечено существование ситуаций, когда самосознание одних представителей групп, считающихся субэтническими, «подтверждает» идею иерархичности этнических общностей, тогда как самосознание других «опровергает» ее. Такое явление, когда одна этническая общность частично входит в другую в качестве «субэтнуса», а частично не входит в нее, предлагается называть «полуиерархичностью». Автором также выдвинута идея отказа от представления о жесткой принадлежности или непринадлежности индивида к этнической общности, связанного с классической логикой; обращено внимание на возможность использования в этнологии некоторых идей теории нечетких множеств, связанных с тем, что этнические образования, в том числе и этнос, нередко имеют нечеткий характер, причем эта нечеткость обусловлена самой сущностью изучаемых явлений (Коростелев, 2002. С. 109-110).

Для тех случаев, когда человек имеет возможность манипулировать своей этнической принадлежностью, выступать в разных ситуациях как представитель различных этнических групп, проблема множественной идентичности нередко формулируется как проблема ситуационизма (situationalism). В частности, среди зарубежных авторов заметное внимание этой теме уделили Харалд Эйдхейм (*Eidheim*, 1969), Джудит Нагата (*Nagata*, 1974), Кэтрин Вердери (*Verdery*, 1988) и др. Так, К. Вердери, обратив внимание на то, что факты ситуационизма обычно приводятся в работах, написанных на материалах азиатских и африканских стран, но их гораздо меньше в работах о Европе или Латинской Америке, пришла к выводу, что существование или отсутствие этого феномена исторически обусловлены и ограничены, и сформулировала

проблему выяснения условий, определяющих возможность ситуационизма (*Verdery*, 1988. P. 36).

А.Д. Коростелев обращает внимание на то, что еще Ю.В. Бромлей «указывал, по крайней мере, на три причины формирования множественной идентичности: различная этническая принадлежность родителей, недавно произведенная смена этнической принадлежности и проявление иерархичности этнической структуры. В качестве же основной причины выбора той или иной этнической принадлежности обладателем множественной идентичности Ю.В. Бромлей называл “уровень” межэтнических контактов» (*Коростелев*, 2003. С. 319).

В то же время Ю.В. Бромлей отмечал, что даже в таких ситуациях этническая принадлежность выбирается отнюдь не произвольно. Например, человек, который в одном случае относит себя к украинцам, в другом – к русским, ни к какому третьему этносу (скажем, к турецкому, французскому, японскому и т.п.) никогда себя не причислит (*Бромлей*, 1983. С. 196).

Еще один вопрос, который затрагивал Ю.В. Бромлей, – это несовпадение этнической самоидентификации некоторой группы и идентификация ее другими. Фредрик Барт, понимая принадлежность к этнической группе как результат приписывания и самоприписывания (*ascription/self-ascription*), не придавал особого значения тому обстоятельству, что в каких-то случаях направленность этих двух действий и их результат могут и не совпадать. Между тем Бромлей писал о том, что «изредка этническая принадлежность одной той же группы людей может по-разному определяться представителями “своего” и “чужого” этноса» (Цит. по: *Коростелев*, 2003. С. 320).

Формирование этнической идентичности – как на массовом, так и на личностном уровне – процесс, в который включены многие социальные институты и среды, в том числе такие в высокой степени автономные от государства, как семья и ближайшее социальное окружение. Однако если раньше исследователи, уделяя первостепенное внимание «естественному» развитию массовых процессов, не всегда учитывали конструирующую роль государства и национальных движений в появлении одних и исчезновении других этнических общностей, то в последнее время наметилась обратная тенденция. При рассмотрении вопроса о восприятии результатов приписывания как несовместимых необходимо учитывать несколько аспектов. Прежде всего, следует различать два случая множественной идентичности. Во-первых, множественная

идентичность может быть внутренней, сформировавшейся в силу определенных обстоятельств (принадлежность родителей к разным этническим группам и др.) как двойное или даже тройное самосознание. Во-вторых, множественная идентичность может возникнуть в результате несовпадения приписываний другими (как неофициальных, так и официальных), что в принципе может оказывать обратное влияние на внутреннюю идентичность, но может и не оказывать (там же, С. 320).

С.А. Арутюнов, кроме того, замечает, что «разные круги самосознания перекрывают друг друга». Он показывает на примере франко-итальянского пограничья возможность переходной зоны, жители которой для французов кажутся итальянцами, а для итальянцев – французами (Арутюнов, 1989. С. 24.). Аналогичным образом Брэккет Уильямс подчеркивает, что этнические группы в обществе – не изоморфные, структурно подобные друг другу образования, а перекрывающие друг друга множества, соседствующие и взаимодействующие между собой (Williams, 1989).

Проблематика идентичности является одной из наиболее разрабатываемых в антропологии, социологии и психологии. Считая этническую идентичность составной частью социальной идентичности, современные исследователи в то же время предпринимают попытки выделить присущие только ей особенности. Американский этнолог Дж. де Вос рассматривает этническую идентичность как форму идентичности, воплощенную в культурной традиции и обращенную в прошлое в отличие от других форм, ориентированных на настоящее и будущее (de Vos, 1982). Этническая идентичность у него – это одна из трех ориентаций Я-образа, ориентация на прошлое. Помимо нее он выделяет ориентации на настоящее, например, как гражданина государства, и на будущее – как последователя какой-либо идеологии в светской или религиозной форме. Практически де Вос связывает этническую специфику, социальный статус и идеологию в единую систему, в которой этничность, как бы исходящая из прошлого, существует в качестве органической и неотъемлемой части настоящего и будущего индивида (Белик, 1993. С. 143-169).

Вопрос об идентификационном аспекте этничности на протяжении длительного времени со скепсисом воспринимался социальными антропологами, поскольку социальная антропология исследует процессы, происходящие между людьми, а идентичность есть внутреннее состояние индивида. Однако в последнее время

антропологическое изучение идентичности значительно продвинулось вперед. В частности, было показано, что многие характеристики личности, которые традиционно рассматриваются как неизменные и относящиеся исключительно к ее внутренней структуре, могут успешно изучаться как символические стороны социальных процессов. Другими словами, то, что выглядело лишь приватным и постоянным, оказалось на самом деле социальным и меняющимся по своей природе (*Скворцов*, 1996. С. 93). Например, кросс-культурные исследования эмоций свидетельствуют о том, что последние принадлежат не только внутреннему миру человека, но и социально конструируются (*Rosaldo*, 1984). Подобным же образом исследования этничности продемонстрировали взаимосвязь между социальными процессами и личностными (*Epstein*, 1978).

В рамках настоящего исследования особенно важным является представление данной проблемы в русле когнитивистского направления (по классификации *В.С. Агеева – А.С.*; см. *Агеев*, 1990. С. 19-30), результат ее теоретического осмысления – теория социальной идентичности (ТСИ) (Social Identity Theory, SIT), разработанная А. Тэшфелом (*Tajfel*, 1978), и теория самокатегоризации (ТСК) (Self-Categorization Theory, SCT), предложенная Дж. Тернером (*Turner*, 1978).

Основная идея когнитивистского направления состоит в том, что впечатления о мире организуются в связанные интерпретации – идеи, установки, стереотипы, ожидания, которые выступают как регуляторы социального поведения. Здесь идентичность не только была переведена на межгрупповой уровень, но и особое внимание было уделено внутренней когнитивной структуре этого психического образования. В соответствии с этой концепцией качество и значение идентичности определяется посредством логических операций сравнения своей группы с внешними группами по ряду значимых параметров. В ситуациях, когда групповое различие становится особенно заметным, индивид начинает реагировать с позиции своего группового членства, а не с позиции отдельной личности. А. Тэшфел подчеркивает эмоциональную значимость группового членства. Он делает вывод, что индивид, рассматривая себя как члена какой-нибудь социальной группы, стремится оценить ее положительно, поднимая, таким образом, свое самоуважение. Стремление к позитивной идентичности определяет более позитивную оценку собственной группы по сравнению с другими (*Tajfel*, 1978).

В качестве основных элементов ТСИ, позволяющих описать и объяснить процесс формирования группы и особенности межгрупповых отношений, А. Тэшфел использовал такие понятия, как «социальная категоризация», «социальное сравнение», «Я-концепция», «социальная структура».

Социальная категоризация представляет собой процесс распределения социальных объектов или событий по группам, которые эквивалентны по отношению к действию, намерениям и системам установок индивида. В межгрупповых отношениях социальная категоризация является частным случаем классификации индивидом окружающей действительности (*Tajfel, 1978*). *Социальное сравнение* – это процесс соотнесения качественных признаков социальных групп друг с другом, результатом которого является установление различий между ними, т.е. межгрупповая дифференциация. Социальное сравнение диктуется фундаментальной потребностью индивида – иметь позитивную «Я-концепцию» или самооценку. Также было показано, что социальное сравнение и социальная категоризация достаточны для возникновения ингруппового фаворитизма и межгрупповой дифференциации. Авторы ТСИ считали, что снизить межгрупповой конфликт можно путем уменьшения различий между группами или развития общей, надгрупповой идентичности.

Впоследствии А. Тэшфел и Дж. Тернер перенесли акценты на процесс социальной идентификации и на результат его – *социальную идентичность*, понимаемую ими как результат множественной системы социальных идентификаций, сделав ее главным объяснительным принципом социального поведения и межгруппового взаимодействия. Причины межгрупповой дифференциации в теории социальной идентичности объясняются тем, что у индивида есть потребность быть включенным в социальную группу, в результате чего у него формируется мнение о себе как о представителе данной группы. Индивиду необходимо, чтобы его группа оценивалась позитивно и его идентичность имела определенную ценность. С этой целью он прибегает к социальному сравнению, которое заключается в дифференциации собственной группы от чужой, и оценке своей группы по определенным критериям относительно другой. При этом сравнение осуществляется в пользу собственной группы, то есть собственная группа ставится в субъективной иерархии выше. В результате этого индивид начинает позитивно оценивать собственную группу, а его идентификация с собственной группой повышает

позитивность и ценность собственной социальной идентичности (*Tajfel & Turner, 1986*).

Таким образом, социальное сравнение является важным когнитивным вопросом, который актуализирует социальную идентичность. На этом основании А. Тэшфел делает следующий вывод: **поскольку членство в группах связано с позитивной или негативной социальной оценкой, то и сама социальная идентичность индивида может быть позитивной или негативной** (*Tajfel, 1982*).

А. Тэшфелом дано классическое определение социальной идентичности – «часть Я-концепции индивида, возникающая из осознания своей принадлежности к социальной группе (или группам) вместе с оценкой и эмоциональным отношением к этому групповому членству» (*Tajfel, 1978*).

Вслед за многими исследователями автор монографии полагает, что этническая идентичность является частью социальной идентичности, поэтому в качестве одного из концептуальных оснований данной работы была выбрана **теория социальной идентичности**.

Когда социальная идентичность представителей какой-либо группы негативна, они предпринимают индивидуальные или групповые действия по изменению ситуации межгруппового воздействия в свою пользу, чтобы обрести позитивную социальную идентичность. Но индивиды могут попытаться изменить свою групповую принадлежность и идентифицироваться с группой, имеющей высокий статус (*Handbook of Cross-cultural Psychology, 1997*).

Этническая идентичность – это не только принятие определенных групповых представлений и готовность к сходному образу мыслей. Это также построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях. Чем больше членов этнической группы разделяют общую идентичность, тем больше вероятность совместных действий в ее защиту. Устойчивость идентичности и позитивная идентичность – центральные моменты для ощущения группой психологической безопасности и стабильности. Индивиды стремятся повышать свою позитивную идентичность и защищать ее. Именно поэтому этническая идентичность выступает психологической основой этнополитической мобилизации, которая рассматривается как готовность людей, объединенных по этническому признаку, к групповым действиям по

реализации национальных интересов. В критических социальных ситуациях, связанных с изменением характера межэтнических отношений, этническая идентичность может принимать кризисные формы. В условиях глобальных изменений в обществе поиски или трансформации этнической идентичности – это не просто философская или психологическая проблема. Это жизненно важный вопрос определения субъектом своей позиции в системе человеческих отношений в целом (*Дробижева, Аклаев, Коротева, Солдатова*, 1996. С. 296).

В кросс-культурной психологии существует две основные модели измерения этнической идентичности. В линейной биполярной модели развитие идентичности предполагается как движение в направлении одного из двух полюсов: идентификация со своей группой (поддержание позитивной или принятие негативной этнической идентичности) и идентификация с доминантной группой (ложная идентичность, встречающаяся у маленьких детей, и измененная в результате свободного выбора идентичность) соответствуют полюсам при рассмотрении идентичности на основе **линейной биполярной модели** (рис. 1).

Вслед за Т.Г. Стефаненко хотелось бы отметить, что в реальности человек имеет больше вариантов выбора, чем полная идентификация с одной из этнических общностей. Индивид может одновременно идентифицировать себя с двумя (а иногда и более) релевантными группами. Такую идентичность могут иметь не только выходцы из смешанных браков, но и люди, живущие в полиэтничном обществе (*Стефаненко*, 1999. С. 229).

А **В**

Рис. 1. Линейная биполярная модель этнической идентичности:
А – высокий уровень идентификации со своей этнической группой (позитивная или негативная идентичность);
В – высокий уровень идентификации с чужой этнической группой (измененная или ложная идентичность).

Учитывая возможность подобных ситуаций, канадский кросс-культурный психолог Джон Берри предложил **модель двух**

измерений этнической идентичности (рис. 2). Она включает четыре типа этнической идентичности, при которых связи с двумя группами могут сосуществовать относительно независимо друг от друга (*Berry, Poortinga, Segall, Dasen, 1992*).

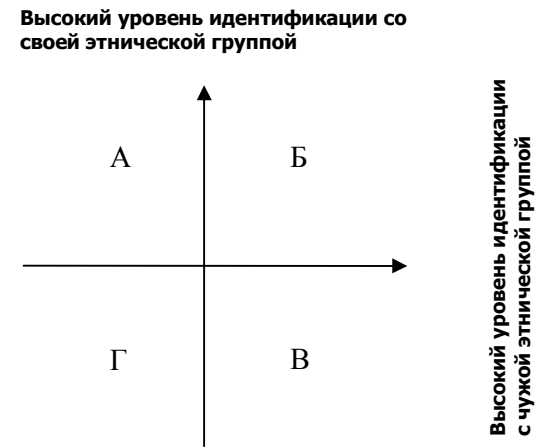

Рис. 2. Модель двух измерений этнической идентичности:

А – моноэтническая идентичность со своей этнической группой;

Б – биэтническая идентичность;

В – моноэтническая идентичность с чужой этнической группой;

Г – маргинальная этническая идентичность.

В рамках этой модели рассматриваются четыре основных типа идентичности:

– *моноэтническая идентичность*, совпадающая с официальной этнопринадлежностью;

– *моноэтническая идентичность с чужой этнической группой* (измененная этническая идентичность), как уже отмечалось, возможна в случаях, когда в полиэтническом обществе чужая группа расценивается как имеющая более высокий экономический, социальной и другие статусы, чем своя;

– *биэтническая идентичность*, подразумевающая сильную, хотя и разного уровня идентификацию с двумя группами;

– *маргинальная этническая идентичность*, характерная для индивидов, которые балансируют между двумя культурами, не овладевая в должной мере нормами и ценностями ни одной из них.

Исследователи отмечают возможность относительно независимого существования идентификации со своей и чужой этническими группами. Сильная идентификация со своей группой в сочетании с неприятием иных этнических культур связана с тенденцией к сепаратизму; идентификация только с чужой группой ведет к ассимиляции, вплоть до полного растворения в чужой группе; отсутствие четко выраженной идентификации с обеими группами приводит к маргинализации личности; сильная идентификация с обеими группами свидетельствует о тенденции к интеграции и бикультурализму (*Berry, Pleasants, 1984*). В полиэтничном обществе наиболее благоприятна для человека биэтническая идентичность, т.к. она «позволяет органично сочетать разные ракурсы восприятия мира, овладевать богатствами еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной» (*Стефаненко, 1999. С. 232*).

В отечественной науке существует множество классификаций типов этнической идентичности, в основу которых положены разные критерии.

Так, М.А. Козлова в своей диссертационной работе «Взаимосвязь этнической идентичности, толерантности и личностной зрелости (на примере молодежных групп обских угров и русских)», защищенной в Институте этнологии и антропологии РАН в 2004 г., приводит следующую классификацию типов этнической идентичности согласно критериям отношения к своей этнической группе, характера самоидентификации с ней и толерантности к чужим этническим группам (*Козлова, 2004*; также см.: *Солдатова, 1995*; *Дробижева, 1994*; *Науменко, 1994*; *Рыжова, 1995*):

1. Нормальная идентичность («позитивная этническая идентичность» по Г.У. Солдатовой), при ней формируется положительный образ своего народа в сочетании с толерантными установками на общение с другими народами.

2. Этноцентрическая идентичность, акцентуированная на значимости этничности. При таком типе идентичности присутствуют элементы направленного (на тот или иной вид контактов), но не агрессивного этноизоляционизма, замкнутости. В эмоциональной сфере формирование этноцентрической идентичности сопровождается развитием страха, беспокойства, напряженности.

3. Этнодоминирующая идентичность предполагает такое состояние самосознания и стиль поведения человека, при котором, во-первых, этническая идентичность становится первостепенной среди других видов идентичностей (семейной, профессиональной и т.д.) и, во-вторых, как безусловно доминирующая ценность начинает восприниматься достижение целей, интересов народа. Такая идентичность обычно сопровождается признанием большей важности «прав народа» по сравнению с «правами человека», представлениями о превосходстве своего народа, дискриминационными установками в отношении других этнических групп.

4. Этнический фанатизм – представляет собой крайнюю форму агрессивной идентичности, при которой абсолютное доминирование этнических интересов и целей, часто ложно, иррационально понимаемых, сопровождается готовностью идти во имя них на любые жертвы и действия.

5. Этническая индифферентность, предполагающая равнодушное отношение к проблемам этничности, этнических ценностей, интересов и этнических отношений. На поведение людей, обладающих данным типом идентичности, никак не влияют ни их собственная этническая принадлежность, ни этничность других.

6. Этнонигилизм в форме космополитизма, проявляющийся в отрицании этничности и этнокультурных ценностей, в декларировании свободы от всего, связанного с этническим феноменом, в демонстрации себя как «человека мира». Однако, и важно это подчеркнуть, внутренним содержанием этнонигилизма может являться «этноущемленная идентичность». Обычно она возникает в связи с осознанием низкого статуса своей этнической группы, признанием ее ущербности в сравнении с другими. Отсюда – избегание демонстрации своей этнической принадлежности и вообще отрицание всякой этничности.

7. Амбивалентная, невыраженная, а иногда «сдвоенная» или даже «строенная» идентичность. Этот тип этнической идентичности особенно распространен в этнически смешанной среде.

Л.И. Науменко, исследующая проблемы трансформаций этнической идентичности в постсоветский период, в результате анализа согласованности представлений респондентов об их этнической принадлежности (официальной, «паспортной» и реально осознаваемой) выделила такие **типы этнической идентичности**,

как «целостная», «альтернативная», «двойственная или множественная» и «утраченная» (Науменко, 1994; Науменко, 1997).

1. Тип *целостной этнической идентичности* характеризуется согласованностью представлений респондентов о собственной этнопринадлежности (фактически осознаваемой, реальной и официальной), отсутствием проблем в этническом самоопределении.

2. Тип *альтернативной этнической идентичности* фиксирует расхождения между осознаваемой и официальной этнопринадлежностью.

3. Тип *двойственной или множественной этнической идентичности* – самоидентификация с двумя или более этносами.

4. Тип *утраченной или космополитической идентичности* предполагает сознательный отказ от любого этнического самоотождествления, факт этнической принадлежности полностью отрицается, либо отмечается причисление себя к более широким наднациональным общностям (Науменко, 1997. С. 84).

При этом характерны возможные проявления как выраженной *позитивной, амбивалентной, так и негативной этнической идентичности*, когда собственная этническая принадлежность оценивается и переживается человеком соответствующим образом.

В качестве примера проявления трансформаций самой этнической идентичности стоит назвать **кризисные формы этнической идентичности**. К ним относятся как крайние – *этнонегативизм* и *гиперэтническая идентичность*, так и их промежуточные формы, отражающие разную меру личностной включенности в этничность. Они характеризуют диапазон изменений и основные направления трансформации этнической идентичности по типу *этнической индифферентности, этнонегативизма, гипоидентичности* (этнонигилизма) и *гиперидентичности* (Рыжова 1997, Солдатова, 1995).

При этом под *этнонегативизмом* понимается осознание человеком своей этнопринадлежности, сопряженное с чувствами неполноценности, неудовлетворенности, стыда, тенденцией к отрицанию своего этнического статуса. В свою очередь, *гиперэтническая идентичность* характеризуется не только доминированием этнической идентичности в иерархии социальных идентичностей человека, но и ее влиянием на изменения личности в сторону этнической нетерпимости в результате приобретения ею ведущих смыслообразующих функций (Рыжова, 1997). По мнению Г.У. Солдатовой, гиперидентичность, являясь проявлением этнического

нарциссизма, может развиваться в диапазоне от лояльного этноэгоизма через этноизоляционизм к крайним выражениям национального фанатизма (*Солдатова, 1998*).

И если «гиперэтничность в своих крайних и нереализованных формах ведет человека к потере собственного "я"», то «этнонегативизм же в чистой форме заканчивается тем, что человек теряет связи со своей культурной средой. Активное неприятие традиционных ценностей, которые, как правило, будучи этнокультурными по форме, во многом являются общечеловеческими этическими ориентирами и играют роль своеобразного "стабилизатора" психики, может привести к маргинализации личности» (*Рыжова, 1997*). Психологический портрет последней характеризуется внутрличностными конфликтами, двойственностью самосознания, установок, неустойчивостью и противоречивостью мнений и действий, психической неуравновешенностью, комплексами неполноценности или превосходства (*Стоунквист, 1979*).

Обозначенные выше кризисные формы этнической идентичности отражают, как уже отмечалось, лишь самые крайние варианты проявлений ее изменений. Вместе с этим следует назвать и другие, характеризующие ее трансформации в направлениях идентификации с собственной и чужими этническими группами.

При исследовании сложности понятия этнической идентичности представляется существенным учитывать следующие принципиальные моменты:

1) Несводимость декларируемой или приписываемой этнической принадлежности к истинной этнической идентичности. Особое внимание Л.И. Науменко обращает на тот факт, что зачастую психологический термин «этническая идентичность» используется обществоведами в качестве синонима широко распространенных понятий «этничность» и «этническая принадлежность». При этом утрачивается его исконное значение, предполагающее наряду с осознанием человеком своей этнической принадлежности, причислением себя к представителям своего этноса, прежде всего, глубоко лично значимое переживание данной принадлежности.

2) Необходимость разделять и отличать, с одной стороны, естественные процессы ассимиляции, маргинализации, этнической конверсации (смены самоназвания, этнонима) и др. последствия аккультурации, сопровождающиеся изменениями, сменой или утратой этнической идентичности, и, с другой стороны, –

трансформации последней, обусловленные влиянием социальных кризисов.

Утрата или вытеснение такого важного аспекта психосоциальной идентичности как этническая идентичность приводит к весьма печальным для личности итогам. С одной стороны, «Я-концепция» становится фрагментарной, теряет свою целостность, с другой – потеря связей с древней и устойчивой социальной группой – этнической – лишает человека поддержки, оставляя чувство покинутости, неприкаянности, одиночества.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Теоретический анализ факторов, влияющих на межкультурное взаимодействие в поликультурном регионе

Многие современные исследователи в своих работах подразумевают под поликультурными обществами такие, в которых существует множество (больше двух) этнических групп с выраженной численностью, вне зависимости от того, как долго они проживают на данной территории, являются ли «коренными» или мигрантами, «титутельными» или «нетитутельными». Предполагается, что данные этнические группы имеют равные права и в равной мере являются гражданами государства (*Лебедева, 2002*). Регион, рассматриваемый в данном исследовании, является одним из исторически сложившихся поликультурных регионов на территории современной России. Специфическая, так называемая чересполосная картина расселения на севере и северо-западе Башкирии сформировалась исторически в результате различных процессов: миграции представителей разных народов на территорию края в течение последних четырех столетий, урбанизационных процессов XX в. и др. (*Кузеев, Ганеева, 1989; Кузеев, 1992; Коростелев, 1994*). Интенсивность межэтнических контактов в данном регионе очень высока, поэтому важно знать факторы, влияющие на особенности межэтнического взаимодействия и отражение этого взаимодействия в восприятии представителей разных этнических групп.

В современном мире практически любое государство является поликультурным, поэтому необходимы новые подходы к решению межэтнических проблем. Одним из наиболее перспективным является подход, основанный на принципе равенства всех этнических групп в поликультурных обществах, базирующийся на идеологии мультикультурализма, в основе которой лежит принцип интеграции.

Интеграция – это такой принцип совместимости, при котором разные группы сохраняют свои, присущие им культурные индивидуальности, но в то же время объединяются в единое общество на другом, равно значимом для них основании. Примером такой интеграции являются полиэтнические общества, проводящие политику мультикультурализма, где разные по этническому и культурному составу группы населения сохраняют свои культурные идентичности внутри государства, которое объединяет их вместе, а закон при этом обеспечивает равные возможности для развития (*Ber-gu, 1999; Лебедева, 2002*).

Человечество только подходит к признанию права различных культурных групп сохранять свою индивидуальность и к возможности научиться воспринимать данный факт без чувства личной ущемленности, что в современном мире достаточно часто присутствует в межэтнических контактах, поэтому примеры интеграции в изложенном выше понимании достаточно редки (*Лебедева, 1999*).

Для объяснения проблем межкультурной интеграции в этнической и социальной психологии в основном используются такие термины, как «межгрупповое взаимодействие» (*Агеев, 1990*), «межгрупповые отношения» (*Стефаненко, 2000; Шихирев, 2000*), «межгрупповое общение» (*Лебедева, 1999*), «взаимоотношения групп» (*Сушков, 2002*), «межэтническое восприятие» (*Павленко, 1997*). Все эти термины употребляются практически как равнозначные. Т.Г. Стефаненко приходит к выводу о том, что «из всех близких по значению понятий наиболее широкий термин – «межгрупповые отношения» – не только отношения между группами», но и «отношения к группам, которые проявляются в представлениях о них – от позитивных образов до предрассудков» (*Стефаненко, 2000. С. 203*). Термин «межгрупповое взаимодействие» подразумевает наблюдаемый компонент межгрупповых отношений и, по мнению автора, «не включает психологические процессы и явления, которые непосредственно не

наблюдаются, но играют важную роль в жизнедеятельности индивидов и групп. Например, предубеждения – негативные социальные установки (аттитюды) – не обязательно сопровождаются дискриминационным поведением» (там же, С. 202-203). В данном исследовании используется понятие «установки межэтнического взаимодействия», так И.Р. Сушков считает, что «термин "установка", сложившийся в отечественной науке – наиболее подходящее обозначение для описания одного из компонентов поведенческой стороны. Это явление, если его представить упрощенно и образно, служит той границей, за которой начинаются реальные групповые действия» (Сушков, 1999. С. 206).

Понятие межгруппового взаимодействия (в том числе межэтнического) находится в непосредственной и глубокой связи с понятием социальной структуры полиэтнической общности. Структура выступает в качестве интегрирующего фактора, посредством которого происходит объединение частей в определенный тип целостности. Структурированность проявляется в статусных отношениях, функционировании признаваемых всеми членами группы нормах поведения, групповых целях и ценностях (Савва, 1997).

Основным предметом исследований при изучении межэтнических отношений являются межгрупповые установки. Так, в недавнем прошлом исследование этнических установок в поликультурных обществах в основном сводилось к исследованию установок этнического большинства (или всего общества) по отношению к этническим меньшинствам. Исследования этнических предубеждений проводились в основном в США, и представляли собой установки белого большинства европейского происхождения по отношению к чернокожим, евреям и другим меньшинствам (Duckitt, 1994).

В поликультурных обществах более приемлемым является применение множественного сравнительного подхода, когда анализируются взаимные установки (аттитюды) представителей разных групп населения (Berry, 1984).

Более редкими являются исследования, в которых изучаются установки меньшинств по отношению к этническому большинству и взаимные установки разных этнических групп по отношению друг к другу. Например, исследование Бревер и Кемпбелла, которые изучали взаимные аттитюды нескольких этнокультурных групп в Южной Африке (Brewer, Campbell, 1976), а также исследование

Берри и Калина, изучавших взаимные установки пяти наиболее многочисленных групп в Канаде (*Berry, Kalin, 1979*). Оба исследования фокусируются на таких проблемах, как этноцентризм, иерархия статусов этнических групп, согласованность межгрупповых установок, взаимность оценок между многочисленными этническими группами в поликультурных обществах ЮАР и Канады, и опираются на теоретические идеи, выраженные в работе Ле Вайна и Кемпбелла «Этноцентризм: теории конфликта, установок и группового поведения» ((1972) цит. по: *Лебедева, 2002*).

В отечественной этносоциологии и этнопсихологии межэтнического взаимодействия и взаимовосприятия в поликультурных обществах в основном исследуются такие категории, как *этнические границы, социальная и культурная дистанция, психологические сходства и различия культур* по ряду измерений (индивидуализм-коллективизм, маскулинность-фемининность, ценностные ориентации и др.), *этнический статус* и др. (*Лебедева, 2002; Гриценко, 2002; Дробижева, 1994, 1997; Науменко, 1997; Павленко, 1997; Рыжова, 1995; Солдатова, 1998*).

О понятии граница в этнокультурном значении писали в отечественной науке П.И. Кушнер и М.М. Бахтин. В мировой науке оно стало широко известным благодаря работам норвежского ученого Ф. Барта. П.И. Кушнер первый поднял эту проблему в отечественной науке. **Этнические границы**, согласно П.И. Кушнеру, являются результатом сложных исторических процессов, а также результатом собственно межнациональных отношений. Линии их неустойчивы, постоянно меняются, поэтому говорить об этнической границе между этническими группами можно только применительно к определенной исторической или современной дате (*Кушнер, 1951. С. 18*). Также П.И. Кушнер впервые поставил важнейший методологический вопрос о роли национального самосознания и родного языка, об их этноопределяющей функции в ситуации непосредственного межэтнического контакта вдоль «этнической границы» компактно проживающих и взаимодействующих между собой этнических групп.

М.М. Бахтин считал, что понятие границы должно быть основным принципом исследования культур: «Культура вся расположена на границах, границы проходят повсюду через каждый момент ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах; в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет

почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» (Бахтин, 1975. С. 25).

По Барту, этническая граница определяет группу, при этом первичную значимость имеют те культурные характеристики, которым группой придается маркирующее значение. Границы рассматриваются им через этничность, которая в его понимании выступает формой социальной организации культурных отличий (Barth, 1994). Он пишет о том, что культурное многообразие современного общества продолжает существовать, несмотря на всеобъемлющие контакты и обмен информацией, охватившие весь цивилизованный мир. Явные этнические различия существуют, несмотря на потоки людей, пересекающих этнические границы, и изменения людьми членства в различных социальных и даже этнических категориях. Наличие этнических различий в современном мире не поглощается единой согласованной социальной системой, во многом они существуют вопреки реальным основаниям, на которых строится социальная система. Культурное единство этнической группы, с точки зрения Барта, следует рассматривать не как первичную и определяющую характеристику группы, а как результат и даже смысл существования этнической группы. Этнические границы особым образом организуют социальную жизнь, диктуя сложную структуру поведения и социальных отношений, обусловленных фактом взаимной этнической категоризации. Этническая категоризация, в свою очередь, возможна только в том случае, когда поведение наделяется значимыми, различающимися характеристиками, в том числе культурными особенностями. Этот процесс и обеспечивает сохранность этнических групп: структурирование процесса межэтнического взаимодействия строится на существовании культурных различий.

Этническая граница понимается Бартом не в значении территориального расселения народов, а как субъективно осознаваемая и переживаемая дистанция, рассматриваемая в контексте межэтнических отношений. Отечественные исследования этнических и культурных границ, осуществляемые этносоциологами, подтверждают идеи Барта: в работе Л.М. Дробижевой и Ю.В. Арутюняна было выявлено, что культурные различия имеют тенденцию к снижению в условиях интенсивного межэтнического контакта, построенного без учета «этнического фактора» (т.е. без опоры на этничность) – в сфере трудовой деятельности, при этом в

других сферах, где этничность невозможно элиминировать (досуг, семейно-ролевые и бытовые формы поведения), культурная отличительность растет (*Арутюнян, Дробижева, 1992*).

В отечественной этнологии и этносоциологии плодотворные исследования этнических и культурных границ в современной России осуществлялись учеными Института этнологии и антропологии РАН (*Тишков, 1997; Дробижева, 1994*). Общим постулатом как теоретических, так и эмпирических исследований этнических границ является положение, что выраженность этнической границы связана со снижением этнической толерантности, что накладывает ограничения на межэтническое взаимодействие. С понятием этнической границы тесно связано понятие о социальной и культурной дистанции (*Лебедева, 2002, 2003*).

Социальная дистанция считается одним из центральных понятий, характеризующих степень близости или отдаленности социальных групп. С помощью измерения социальной дистанции определяется статус, потенциал социальных групп, а в этнически дифференцированном обществе – и социальные позиции этнических групп. Жесткость и размерность социальной дистанции, взаимопроникновение характеристик групп могут служить показателями межгруппового взаимодействия, а также индикаторами социальной и этнической толерантности (*Лебедева, 2002*). Первым инструментом, позволяющим измерить доминирующую установку индивида по отношению к определенной этнической группе, была «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса, созданная в 1925 г. (*Бороноев, Павленко, 1994*).

Понятие социальной дистанции используется в широком значении как мера сходства или различия не только в социальных позициях, но и в макросистемных социальных и социально-политических ориентациях этнических групп.

Понятие **культурной дистанции** было введено английскими психологами А. Фэрнхемом и С. Бочнером, которые использовали идею классификации культур по степени их различий (*Лебедева, 1993*). Культурная дистанция – это осознание различия культур по некоторым параметрам. В этнической и кросс-культурной психологии осуществлялись попытки найти оси измерения культурного разнообразия. Благодаря исследованиям Г. Триандиса и Г. Хофстеда был предложен ряд так называемых «культурных

синдромов» (*Triandis, 1994*) или «измерений культур» (*Hofstede, 1984*).

В отечественной этнопсихологии детальное изучение феномена культурной дистанции было предпринято Н.М. Лебедевой в процессе этнокультурной адаптации русских старожилов в Закавказье (*Лебедева, 1993*) и аккультурации русских в новых независимых государствах после распада СССР (*Лебедева, 1997*). Автором было доказано, что воспринимаемая культурная дистанция может влиять на процесс формирования негативного социально-перцептивного образа соседней культуры.

В исследованиях Н.М. Лебедевой были осуществлены также теоретическая проработка понятия культурной дистанции и создание батареи методик для ее определения. Автор констатирует, что «социальная перцепция культурной дистанции – это субъективный образ и, значит, он подвержен всевозможным трансформациям как любой субъективный образ». Этот образ «является как отражением объективной разности взаимодействующих этнических культур, так и отражением реальности межгрупповых отношений и внутригруппового состояния» (*Лебедева, 1993. С. 71-72*). В связи с этим автор приходит к выводу, что далеко не всегда далекая культурная дистанция ведет к наибольшей этнической интолерантности, когда группа испытывает угрозу позитивной этнической идентичности, средняя культурная дистанция наиболее чревата появлением этнического негативизма (*Лебедева, 1993*).

В более поздних исследованиях русских ближнего зарубежья Н.М. Лебедева установила, что механизм социальной перцепции культурной дистанции (сближения-отдаления с русскими России или с «титовыми» этносами в сознании русских жителей республики) может выступать в новой роли – построения новых идентичностей, адекватных новой этнокультурной и социально-политической реальности. Как пишет автор, это – абсолютно новая функция социально-перцептивного образа культурной дистанции, не отмечаемая в более ранних исследованиях аккультурации и адаптации мигрантов (например, *Furnham, Bochner, 1986*), а именно – функция конструирования новых самоидентификаций в процессе адаптации к быстро идущим изменениям этнокультурного контекста (*Лебедева, 1997*).

Для целей данного исследования важны такие измерения, как индивидуализм–коллективизм и традиционализм–модернизм. Также

выявляются сходства и различия культур в сфере ценностных ориентаций или отношений к общечеловеческим проблемам, которые анализируются с позиций теории Клакхона и Стротбека (*Klakhohn, Strodtbeck, 1961*).

Одним из ключевых измерений культурной вариативности, выделяемых теоретиками разных дисциплин, является **индивидуализм-коллективизм**. Индивидуалистической может быть названа культура, в которой индивидуальные цели ее членов не менее, если не более, важны, чем групповые. Коллективистская культура, наоборот, характеризуется тем, что в ней групповые цели превалируют над индивидуальными.

В индивидуалистических культурах личная, или Я-идентичность, превалирует над групповой, или Мы-идентичностью, которая является определяющей для личностного поведения в коллективистских культурах. В индивидуалистических культурах поведение личности определяется ее мотивацией к достижению, а в коллективистских – принадлежностью к группе.

Представителям коллективистского типа культур свойственны частные системы ценностей: при оценке членов ин-группы – одни, при оценке членов аут-группы – другие, которые могут весьма сильно различаться, как и поведение по отношению к «своим» и «чужим».

Г. Триандис считает, что ин-группа в коллективистских культурах имеет большое значение и оказывает сильное влияние на жизнь индивида, в то время как индивидуалистическим культурам это не свойственно (*Triandis, 1994*).

Коллективистские культуры ставят цели, потребности и взгляды ин-группы над индивидуальными; социальные нормы ин-группы ставятся выше, чем личная воля каждого; господствующие в группе убеждения выше, чем верования и убеждения отдельного индивида; ценность корпорации в ин-группе выше, чем самореализация индивида.

Ин-группа становится особенно значимой, когда ее члены воспринимаются индивидом как имеющие общую судьбу. Своя группа – это совокупность людей, сходных в важнейших особенностях: верованиях, убеждениях, установках, моделях поведения, воспринимающих друг друга близкими и едиными, особенно в ситуации внешней угрозы. Ситуация опасности выявляет «общность судьбы» и делает принадлежность к данной группе регулятором поведения (*Лебедева, 1998*).

Проблема **этнического статуса** признается в западной психологии чрезвычайно актуальной. «Страх перед этническим доминированием и подавлением – это главная сила для достижения власти. К власти стремятся также ради подтверждения этнического статуса <..> Конфликты из-за потребностей или интересов имеют подчиненное значение перед конфликтами по поводу группового статуса и правил разрешения конфликтов» (*Horowitz, 1985. С. 187*). К. Оффе рассматривает этнос как один из инструментов статуса (*Оффе, 1996*). Американские исследователи Р. Льюис, Р. Роуланд и Р. Клем рассматривали феномен этнического статуса на примере Советского Союза (*Lewis, Rowland, Clem; 1975*).

В отечественной научной литературе до настоящего времени понятие «этнический (национальный) статус» употреблялось крайне редко. Некоторые отечественные этнологи и социологи писали о различных аспектах этнического статуса, не определяя самого термина (*Дробижева, 1994; Соколовский, 1994* и др.). Б.А. Хагба, исследовавший факторы этнополитической стабильности на Кавказе, говорит об этнической стратификации как одной из разновидностей социальной несправедливости (*Хагба, 1995*).

Этнический статус в полиэтнических регионах является важнейшей составляющей социального самочувствия человека. Низкий статус тесно связан с чувством национальной ущемленности. Этносоциолог М.В. Савва выделяет два важнейших субъективных элемента этнического статуса – внутреннюю сплоченность группы и степень сохранности ее этнической культуры, в частности, языка (*Савва, 1997. С. 28*). Проблема преемственности этнической культуры не может рассматриваться без учета языкового фактора, в том числе и в статусном аспекте. При этом, чем больше разделена общность по социальным критериям, чем больше раздрается внутренними противоречиями, тем большее значение она может придавать языку как объединяющему фактору (*Страда, 1990. С. 7*).

Т.Г. Стефаненко в статье «Язык, этническая идентичность и межэтническое взаимодействие» (2003), анализируя эмпирические и теоретические исследования отечественных и зарубежных авторов по изучению взаимосвязи языка и этнической идентичности, отмечает тот факт, что несомненный приоритет в изучении этой тематики принадлежит зарубежным исследователям. Теория этнолингвистической идентичности Г. Джайлза и П. Джонсон и ее развитие в работах социальных психологов из Испании, Канады, США, Финляндии и других стран представляет собой наиболее

динамичную концепцию связи между языком и этнической идентичностью. Т.Г. Стефаненко обращает внимание на то, что более интегративный подход к проблеме взаимосвязи языка и этнической идентичности возможен только при самом широком понимании социального контекста, в рамках которого эта связь осуществляется (*Стефаненко, 2003*).

Все рассмотренные аспекты необходимо учитывать при исследовании факторов, влияющих на этническую толерантность в поликультурном регионе. Также представляется необходимым уделить внимание основным особенностям взаимосвязи этнической идентичности и этнической толерантности в межкультурном взаимодействии.

Взаимосвязь этнической идентичности и толерантности в межкультурном взаимодействии

Этническая идентичность детерминирована (обусловлена) реальными межгрупповыми взаимоотношениями, поэтому в этом параграфе рассматривается проблема взаимосвязи этнической идентичности и этнической толерантности.

Термин «этническая толерантность» восходит к общегуманитарной трактовке явления толерантности, хотя в настоящее время достаточно очевиден универсальный характер этой проблемы для науки в целом. Надо признать, что не существует согласованного определения термина «толерантность» на теоретическом уровне, нет согласованных форм и пределов толерантности. Содержание научных конференций, посвященных проблемам толерантности, также показывает, сколь широка интерпретация этого понятия – от медицинских и экономических до социально-политических и духовных (*Титова, Козлов, 2003*).

Поэтому имеет смысл остановиться более подробно на раскрытии понятия этнической толерантности в данном исследовании. **Этническая толерантность (терпимость)** как явление социальной перцепции понимается в данном исследовании как отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее - наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной. Это значит, что этническая толерантность не является следствием ассимиляции как отказа от собственной культуры, а является характеристикой межэтнической интеграции, для которой характерно «принятие» или

позитивное отношение к своей этнической культуре и к этническим культурам групп, с которыми данная группа вступает в контакт. Такое понимание адекватности группового восприятия базируется на постулате ценностного равенства этнических культур и отсутствия в этом плане преимущества одной культуры перед другой (Лебедева, 1993). В данном исследовании этническая толерантность-интолерантность понимается как континуум, на одном полюсе которого можно расположить позитивное восприятие представителей иной культуры (толерантность), на другом – их негативное восприятие (интолерантность).

Этническая толерантность – это терпимость к иной культуре, системе ценностей, принятие иных логик существования и иных способов мировосприятия. Можно сказать, что толерантность во взаимодействии между этносами отражает уровень культуры межнационального согласия, урегулирования межнациональных конфликтов и снижения межэтнической напряженности (Малхозова, 1999). Конечная цель этнической толерантности – объединение общества, достижение межнационального примирения политическими средствами, снятие негативных явлений и тенденций в сфере межнациональных отношений посредством восприятия «чужих» культур, обычаев, своеобразия как достойных, ценностных явлений (Малхозова, 1999).

Этническая идентичность понимается в данной работе как часть социальной идентичности, а именно – представление человека о себе как о члене определенной этнической группы наряду с эмоциональным и ценностным значением, приписываемым этому членству. В рамках концепции социальной идентичности А. Тэшфела индивиду свойственно оценивать себя позитивно. Такая оценка своей этнической группы является естественным социально-психологическим механизмом, обеспечивающим на индивидуальном уровне необходимое личности самоуважение, а на групповом уровне – сохранение этнической культуры и передачу ее последующим поколениям (Лебедева, 1999).

Этническая идентификация понимается как процесс отождествления субъекта со своим этносом, в основе которого лежит принцип сопоставления «Мы-Они». Причем это сопоставление, помимо выявления тождественности, сходства, фиксированного в содержании понятия «Мы», включает представления, указывающие на отличия «себя», «своих» от «других» – «ОНИ». Таким образом, в этническую идентификацию

включается совокупность представлений как об этноинтегрирующих, так и об этнодифференцирующих признаках, проявляющихся при определении человеком связей со своим этносом и при сопоставлении своей этнической общности с «другими». Идентичность представляет собой скорее новую комбинацию старых и новых идентификационных фрагментов (*Эриксон, 1996*).

Гипотеза об организации сознания индивида по типу идентификационной матрицы, как специфической категориальной системы знаний субъекта, была предложена С. Московичи. Основу идентификационной матрицы человека составляет множество принадлежностей или идентичностей: общечеловеческая, половая, религиозная, этническая, профессиональная и др. Распределением информации в идентификационной матрице руководит доминирующая в данный момент идентичность или группа идентичностей (*Moscovici, 1984*). Это означает взгляд на мир под определенным углом зрения. Поэтому та идентичность, которая становится ведущей в данный момент времени, организует свою иерархию и свой порядок. Она имеет свой актив и свои запасники, свои фигуры и свой фон. Именно она определяет значимые параметры сравнения собственной группы с другими группами (*Rosch, 1978*).

Основываясь на положениях концепции Дж. Берри и М. Плизентс (*Berry, Pleasants, 1984*) о психологической природе этнической толерантности и ее роли в регуляции жизнедеятельности социальной группы и на результатах собственных исследований, Н.М. Лебедева пришла к выводу, что позитивная этническая идентичность является основой этнической толерантности (*Лебедева, 1997*). Позитивная этническая идентичность понимается как отнесение себя индивидом к данному этносу на основе позитивной оценки его культуры, способствующей укреплению этнического самосознания группы и сохранению ее целостности как этнокультурного организма.

Поздние исследования этого вопроса (*Лебедева, 1997*) позволили вывести социально-психологический закон связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью: в норме для группового (этнического) сознания характерна тесная внутренняя связь между позитивной групповой (этнической) идентичностью и аутгрупповой (межэтнической) толерантностью. В неблагоприятных социально-исторических условиях данная связь может распасться или становиться

обратной. При возникновении этнической интолерантности в действие вступают механизмы социальной перцепции, направленные на восстановление позитивной этнической идентичности, а вслед за ней и толерантности.

В рамках данного теоретического подхода Ф.М. Малхозовой было осуществлено эмпирическое этнопсихологическое исследование этнической толерантности в Карачаево-Черкессии (Малхозова, 1999). Основой этнической толерантности в Карачаево-Черкессии является социально-психологическая общность, образованная не по этническому, а по региональному признаку. Далее исследование показало, что позитивная этническая идентичность (позитивные автостереотипы и позитивные чувства, связанные с этничностью) способствует формированию этнической толерантности в поликультурном регионе. Негативная этническая идентичность (негативные чувства, связанные с этничностью) и опыт этнической дискриминации способствуют появлению этнической интолерантности и установок на национальный эгоизм и разделение по этническому и религиозному признаку. Также были выявлены факторы, влияющие на этническую толерантность и интолерантность (нетерпимость).

Итак, этническая идентичность должна рассматриваться в рамках общей психосоциальной идентичности человека. Однако этническая идентичность обладает определенными особенностями, что позволяет в исследовательских целях рассматривать ее как относительно обособленную подструктуру.

Этническая идентичность представляет собой целостность когнитивных и эмоциональных компонентов. Указанные компоненты должны характеризоваться с помощью некоторых параметров или измерений. В качестве характеристических параметров в данной работе предлагается рассматривать **валентность** и **определенность** этнической идентичности. Соответственно, **валентность** (позитивность-негативность) этнической идентичности – это знак эмоциональной окрашенности ее аффективного компонента. **Определенность** – это, в первую очередь, степень ясности осознания себя представителем этнической группы, степень полноты знаний, представлений о культурных и психологических особенностях собственной группы.

Главная особенность валентности этнической идентичности состоит в том, что она имеет свой знак и может быть позитивной или негативной. Эмпирическим индикатором валентности этнической

идентичности может быть позитивность–негативность этнических автостереотипов и чувств, связанных с этничностью (*Лебедева, 1993, 1995, 1997*).

Разрабатывая концепцию социальной идентичности, А. Тэшфел указывал на то, что социальная идентичность индивида может быть позитивной или негативной, так как членство в группах связано с позитивной или негативной социальной установкой (*Tajfel, 1982*). В свою очередь этническая идентичность является частью (или разновидностью) социальной идентичности, поэтому она также может иметь определенную валентность, то есть быть позитивной или негативной.

Дж. Берри и М. Плизентс в работе, посвященной этнической толерантности, говорят о том, что только уверенность в своей собственной позитивной идентичности может дать основание для уважения других групп и выражения готовности обмена идеями, установками или участия в совместной деятельности. На основе того факта, что позитивная групповая идентичность приводит к толерантности, а угроза этой идентичности – к нетерпимости, этноцентризму, исследователи приходят к следующему выводу: «не может дальше продолжаться такое положение вещей, при котором выживание определенных групп зависит от уровня их этноцентризма. Реальная уверенность в таком выживании может быть предпосылкой для толерантности, которая может стать антитезой этноцентризму» (*Berry, Pleasants, 1984*).

Дж. Бери, исследуя валентность этнической идентичности, предложил для ее измерения специальную шкалу (*Berry, 1999*). Шкалу составили вопросы, касающиеся отношения индивида к собственной этнической группе, важности членства для него в данной этнической группе, желания оставаться в группе и т.д.

В современных отечественных исследованиях валентность этнической идентичности рассматривается в соотношении с установками к собственной этнической группе или другим этноконтактным группам (*Лебедева, 1997; Солдатова, 1998*).

За рубежом концепт “salience (“выпуклость”, определенность) of ethnic identity” рассматривался во многих теоретических и эмпирических исследованиях (*Miller, Brewer, 1984; Brown, 2000; Taylor, 2002* и др.). Руперт Браун, анализируя недавние исследования в русле «гипотез контакта», пишет, что в большинстве этих работ авторы, предлагая пути налаживания межгрупповых контактов, ориентируются на то, чтобы изменить определенность групповой

идентичности путем ее уменьшения. Это позволило бы, по их мнению, снизить стремление представителей контактирующих групп к категоризации, а следовательно, нивелировало бы негативные межгрупповые установки (*Brown, 2000*).

Браун считает, что, манипулируя определенностью групповых идентичностей в ситуациях контакта, можно достичь изменения обобщенных межгрупповых установок, и выделяет три основных стратегии манипулирования определенностью групповой идентичности: декатегоризация, рекатегоризация и категоризация. Декатегоризация заключается в том, что путем специальных воздействий снижается акцент или значимость групповых идентичностей и это приводит к повышению толерантности межгрупповых установок. Смысл рекатегоризации состоит в том, что какая-либо общая надгрупповая идентичность выпячивается и делается наиболее ясной, что позволяет снизить проблему межгрупповой дифференциации и повышает позитивность межгрупповых установок. Категоризация –попытка создать кооперацию путем поддержания четкой, определенной групповой идентичности взаимодействующих общностей. Последняя стратегия была предложена самим Р. Брауном, который отметил, что есть определенное преимущество в сохранении некоторого минимума определенности групповой идентичности до тех пор, пока это способствует успешному межгрупповому контакту (*Brown, 2000. С. 351*). Это может показаться парадоксальной стратегией, но для снижения аутгрупповых предубеждений поддержание четкости, определенности внутригрупповой идентичности может быть предпочтительным.

В свою очередь канадский исследователь Дональд Тейлор (*Taylor, 2002*) выдвинул собственную теорию «Я-концепции», в которой выделил четыре ключевых компонента – личная идентичность, личное уважение, коллективная идентичность, коллективное уважение. Центральным компонентом в структуре «Я-концепции» Тейлор считает коллективную идентичность, которая является более важным компонентом самоконцепции, чем индивидуальная. При этом автор акцентирует внимание на том, что коллективная идентичность должна быть определенной, последствия отсутствия определенности коллективной идентичности катастрофичны. Этнические меньшинства, с точки зрения Тейлора, очень часто страдают именно от отсутствия определенной коллективной (этнической) идентичности. Несмотря на глобализацию современного мира,

психологически здоровый индивид всегда должен иметь четко определенную коллективную (этническую, культурную) идентичность. Такой индивид готов к осмысленному, позитивному воздействию с физической и социальной средой, а также способен взаимодействовать с изменяющимся и сложным современным миром (*Taylor, 2002*). В данном контексте важно упомянуть взгляды отечественного этносоциолога А.А. Сусоколова, который рассматривал этничность (этническую идентичность) в качестве своего рода «информационного фильтра», позволяющего структурировать и организовать восприятие нашего мира. А.А. Сусоколов считает, что возрастание роли этничности в современном мире связано именно со сложностью больших информационных потоков – люди нуждаются в упорядочивании и структурировании этой информации (*Сусоколов, 1990*). Опираясь на воззрения Д. Тейлора, Р. Брауна, А.А. Сусоколова, можно предположить, что, когда этническая группа начинает утрачивать определенность групповой идентичности в сложном современном мире, она начинает ощущать катастрофические последствия этой утраты (утраты себя, утраты собственного уникального способа структурирования и организации мира). И тогда индивиды начинают стремиться вновь обрести определенность групповой (этнической) идентичности (*Татарко, 2004*).

В ходе эмпирических исследований Н.М. Лебедева с соавторами обратили внимание на специфическую форму утраты представителями этнической группы собственной этнической и культурной идентичности. Обозначить данный феномен традиционным понятием «маргинальность» не представляется возможным (*Лебедева, Татарко, 2005*). Понятие **неопределенности** этнической идентичности по смыслу близко к понятию маргинальности, однако, это – разные измерения этнической идентичности. Индивиды с маргинальной идентичностью имеют двойные «культурные корни», а в случае неопределенной идентичности индивид может быть носителем одной культуры, но при этом не иметь определенной и ясной этнической идентичности. Неопределенная этническая идентичность может появляться в ситуациях, когда индивид не ощущает тождественности со своей этнической группой, слабо соотносит себя с ней (и при этом не соотносит себя ни с какой другой этнической или культурной группой) (*Лебедева, Татарко, 2005. С. 20-21*).

В данной работе под определенностью этнической идентичности понимается степень субъективного осознания индивидом себя в качестве представителя своей этнокультурной общности. Данная характеристика идентичности представляет собой континуум, на одном полюсе которого находится определенность этнической идентичности (четкое осознание индивидом себя как представителя своей этнокультурной общности), на другом полюсе – неопределенность этнической идентичности (низкая степень осознания индивидом себя в качестве члена этнокультурной группы).

Данное измерение этнической идентичности в той или иной форме выделялось или упоминалось и отечественными, и зарубежными авторами, однако эмпирических исследований связи данной характеристики идентичности с толерантностью-интолерантностью межгрупповых установок не было. Данное понятие использовалось Н.М. Лебедевой с соавторами при полевых эмпирических исследованиях на территории России в 2002-2004 г. (*Лебедева, 2002, 2003; Лебедева, Выскочил, 2002; Lebedeva, Viskochil, 2002, 2003; Лебедева, Татарко, 2003, 2005*).

Теоретико-методологический подход к исследованию межкультурного взаимодействия в Северной Башкирии

В зарубежной и отечественной социальной психологии было проведено значительное количество исследований с целью выявления факторов, вызывающих толерантные и интолерантные установки в межэтническом взаимодействии.

Н.М. Лебедева проанализировала и систематизировала зарубежные и отечественные исследования по данной проблеме и составила перечень факторов, которые могут способствовать толерантности и интолерантности в межэтнических отношениях (*Лебедева, 2003*) (табл.2-3).

Таблица 2. Социально-психологические факторы межгрупповой (этнической) толерантности

Детерминанты (факторы) этнической толерантности	Следствия этнической толерантности	Авторы исследований
1. Культурная взаимодополняемость	Этническая толерантность, симбиотическая совместимость	<i>Bart</i> , 1994
2. «Пересекающееся» членство в социальной группе	Этническая толерантность, снижение ингруп. фаворитизма	<i>Deschamps, Doise</i> , 1978
3. Разделение общей идентичности (госуд.)	Этническая толерантность, снижение ингруп. фаворитизма	<i>Gaertner et al</i> , 1994
4. «Безоценочная» дифференциация (у групп разные, но ценные роли)	Этническая толерантность, снижение ингруп. фаворитизма	<i>Thalhofer</i> , 1993
5. Коллективизм (мирное время)	Этническая толерантность, низкая аутгрупповая дискриминация	<i>Wetherell</i> , 1982; <i>Gudykunst, Ting-Toomey</i> , 1988
6. Индивидуализм	Толерантность к разнообразию	<i>Triandis</i> , 1994
7. Соответствие поведения «чужих» стандартам ингрупы	Этническая толерантность, низкая аутгрупповая дискриминация	<i>Brewer, Cambell</i> , 1976
8. Ценность социальной интеграции	Открытость, толерантности к другим, отказ от конкуренции	<i>Bond</i> , 1988
9. Принадлежность к группе большинства	Преобладание личностных норм, ценностей и установок в межкультурном взаимодействии	<i>Savig, Schwartz</i> , 1995
10. Желание единства и принятие культурного разнообразия	Этническая толерантность и общегражданская идентичность	<i>Berry, Kalin</i> , 1995
11. Географическая мобильность	Этническая толерантность	<i>Kalin, Berry</i> , 1980
12. Длительность взаимодействия, частота контактов и степень их близости	Этническая толерантность	<i>Bochner</i> , 1982
13. Этническая мозаичность (поликультурность) территории проживания	Этническая толерантность	<i>Kalin, Berry</i> , 1982
14. Мультикультурализм как общенациональная идея	Этническая толерантность	<i>Kalin, Berry</i> , 1982
15. Установки на кооперацию	Общая идентичность, межгрупповая толерантность	<i>Sherif</i> , 1966
16. Позитивная этническая идентичность, уверенность в выживании культуры	Этническая толерантность, взаимное уважение, готовность к контакту	<i>Berry, Pleasants</i> , 1984, <i>Лебедева</i> , 1993.

Таблица 3. Социально–психологические факторы межгрупповой (этнической) интолерантности

Детерминанты (факторы) этнической толерантности	Следствия этнической интолерантности	Авторы исследований
1. Выраженные этнические границы	Снижение этнической толерантности, интолерантность	<i>Bart</i> , 1994; <i>Дробижева</i> , 1998
2. Жесткость социальной дистанции	Этническая интолерантность, аутистическая дискриминация	<i>Bart</i> , 1994; <i>Дробижева</i> , 1998
3. Коллективизм (ситуация напряженности)	Интолерантность к разнообразию	<i>Wetherell</i> , 1982; <i>Gudykunst</i> , <i>Ting-Toomey</i> , 1988
4. Коллективизм	Усиление социальной идентичности, межгрупповая идентичность	<i>Triandis</i> , 1994
5. Межгрупповое сравнение Ощущение «негативной оценки» другой группы	Межгрупповая интолерантность, конфликт Деиндивидуализация, межгрупповой конфликт	<i>Tajfel</i> , 1978
6. Стереотипизация	Аргументация и оправдание конфликта	<i>Lilli, Rahm</i> , 1988
7. Выраженность социальной идентичности	Непримлемость «чужих»	<i>Gudykunst et al.</i> , 1992
8. Вера в культурное превосходство	Оправдание оскорблений и насилия в отношении аутистических групп	<i>Staub</i> , 1990
9. Принадлежность к группе меньшинства	Неуверенность культуры, незащищенность внутри соц. иерархии, межгрупповая интолерантность в сохранении	<i>Moghaddam, Taylor</i> , 1987
10. Важность социального доминирования	Значимость этнической идентичности, интолерантность	<i>Islam, Hewstone</i> , 1993
11. Групповая «идеология антагонизма»	Понимание мести как «справедливого» взаимодействия	<i>Staub</i> , 1990
12. Нарушение норм ингруппы «чужими»	Негативные установки, этническая интолерантность	<i>Leung</i> , 1988
13. Длительная история конфликтов и мести	Усиление межгрупповых различий, этническая толерантность, конфликт в ситуации социальной конкуренции	<i>DeRidder, Tripathi</i> , 1992; <i>Giles, Janson</i> , 1984; <i>Kim, Smith</i> , 1993
14. Высокий уровень избегания неопределенности (взаимодействие в ситуации без четких правил)	Игнорирование «чужих», как будто бы их не существует	<i>Wish, Deutsch, Kaplan</i> , 1976; <i>Hofstede</i> , 1984
15. Негативные чувства, связанные с групповой принадлежностью	Негативные межгрупповые установки	<i>Dijker</i> , 1987; <i>Standor, et al.</i> , 1991, <i>Лебедева</i> , 1997
16. Ожидания негативных последствий взаимодействия	Межгрупповая тревожность, этническая интолерантность	<i>Stefan, Stefan</i> , 1985
17. Низкий уровень контактов, большие различия в статусе, большая численность групп	Межгрупповая тревожность, этническая интолерантность	<i>Stefan, Stefan</i> , 1985
18. Межгрупповые опасения	Этническая интолерантность	<i>Islam, Hewstone</i> , 1993
19. Неопределенность этнической идентичности	Этническая интолерантность	<i>Лебедева, Татарко</i> , 2002; <i>Лебедева, Выходил</i> , 2002
20. Высокий уровень воспринимаемой дискриминации	Этническая интолерантность	<i>Лебедева, Малхозова</i> , 2002, <i>Лебедева, Татарко</i> , 2002

21. Высокий уровень религиозности	Межгрупповая (этническая и конфессиональная) интолерантность	<i>Лебедева, Татарко, 2002</i>
-----------------------------------	--	--------------------------------

Анализ работ, систематизированных в таблицах 2 и 3, показывает, что большинство социально-психологических факторов этнической толерантности-интолерантности связаны с **особенностями идентификации** членов взаимодействующих групп. Среди такого рода факторов этнической толерантности способствуют:

- 1) «пересекающееся» членство в социальной группе;
- 2) разделение общегосударственной идентичности;
- 3) «безоценочная» дифференциация;
- 4) ценность социальной интеграции;
- 5) желание единства и принятие культурного разнообразия;
- 6) установки на кооперацию;
- 7) позитивная этническая идентичность.

Среди факторов, связанных с особенностями идентификации, этнической интолерантности могут способствовать:

- 1) выраженность социальной (этнической) идентичности;
- 2) принадлежность к группе меньшинства;
- 3) негативные чувства, связанные с этничностью;
- 4) важность социального доминирования и значимость этнической идентичности;
- 5) неопределенность этнической идентичности.

Соответственно групповая (этническая) идентификация рассматривается в большинстве исследований в качестве социально-психологического фактора, детерминирующего толерантность-интолерантность межэтнических установок (цит. по: *Татарко, 2004*). Здесь рассмотрены две основные характеристики этнической идентичности – валентность и неопределенность. Что касается валентности, то и в зарубежной (*Berry, Pleasants, 1984*), и в отечественной (*Лебедева, 1997*) кросс-культурной психологии показана важность позитивной валентности для формирования толерантных межэтнических отношений.

Что касается определенности-неопределенности, то, как указывалось, в зарубежных (преимущественно лабораторных) (*Brown, 2000*) исследованиях отмечалась важность определенности, четкости групповой идентичности для гармоничных межгрупповых отношений. В отечественной этнической психологии в ходе полевых

исследований обнаружена связь между неопределенностью этнической идентичности и интолерантными межэтническими установками (*Лебедева, Татарко, 2002, 2003; Lebedeva, Viskochil, 2003*).

В исследованиях зарубежных и отечественных авторов находило подтверждение предположение о том, что неопределенность этнической идентичности будет преимущественно связана с негативными межгрупповыми установками (*Лебедева, Вискочил, 2002, 2003; Лебедева, Татарко, 2002, 2003*).

Четкая связь между развитием этнической интолерантности и активизацией механизмов социально-психологической защиты в форме процессов внутригрупповой суггестии и внешнегрупповой контрсуггестии была выявлена Н.М. Лебедевой (*Лебедева, 1993; 1997*). Смысл активизации этих защитных механизмов заключается в сохранении группы как единого и целостного субъекта межгруппового взаимодействия, в сохранении ее культурной идентичности и, возможно, культуры в целом.

В исследованиях Н.М. Лебедевой выявлено, что степень активизации механизмов социально-психологической защиты зависит, в основном, от двух факторов:

- от культурной дистанции: чем больше осознаваемые различия между группами, тем больше вероятность активизации защитных механизмов;

- от степени целостности и самостоятельности группы как субъекта межэтнического взаимодействия: реальная или воспринимаемая угроза целостности группы может привести к разрушению позитивной групповой идентификации ее членов и вследствие этого активизировать защитные механизмы.

Г.У. Солдатова отмечает, что угроза позитивной этнической идентичности – это угроза существованию этнической общности, это страх потерять привычную социокультурную нишу, утратить жизненно важное ощущение защищенности. Через стремление к позитивной этнической идентичности индивид повышает как собственную самооценку, так и престиж, статус своей группы. «Реализация потребности в этнической безопасности предполагает создание условий, обеспечивающих сохранение, воспроизводство и свободное развитие данной этнической общности как самостоятельного этнокультурного и духовного целого. Для этого необходим преимущественно такой тип межэтнического взаимодействия, когда участники определяют ситуацию (или других

участников) на основе позитивного образа собственной группы и избегают сравнений по неблагоприятным или несоответствующим ей (по их мнению) характеристикам» (*Солдатова*, 1998. С. 34).

В исследовании Ф.М. Малхозовой в Карачаево-Черкесии были выявлены следующие факторы, влияющие на этническую толерантность-интолерантность: «Установки на этническую толерантность положительно коррелируют со значимостью этнической идентичности, установками на поддержание традиций, позитивным отношением к инокультурным группам. Установки на этническую интолерантность связаны с разностью религий, с убеждением в незыблемости этнических границ, маскулинностью (установками на агрессию)» (*Малхозова*, 1999. С. 125).

Для понимания сути этнокультурных процессов полезно рассматривать поликультурный регион как социальную систему, в которой каждая группа выступает в качестве элемента, а суть процессов интеграции и дифференциации этнических групп понимается как чередование этапов развития системы. С этой точки зрения поликультурные регионы с длительным периодом совместного сосуществования этнических групп представляют собой достаточно сбалансированные системы, в которых интегративные процессы превалируют над процессами дифференциации, и в которых большей частью существуют так называемые надэтнические общности регионального типа, несущие в себе некий «сплав» культурных характеристик населяющих их этнических групп: знание языков, элементов традиционных культур, обычаев и норм поведения. Для таких регионов характерны высокий уровень базовой этнической толерантности и отсутствие серьезных межэтнических конфликтов. Суть дифференцирующих процессов в таких регионах – не в «разбегании» социальных групп и не в их взаимной неприязни, а в создании эффективных групповых границ, позволяющих сохранить групповую индивидуальность, специфичность группового субъекта как выполняющего системно-полезную функцию (*Сушков*, 2000; *Лебедева*, *Татарко*, 2003). Одним из основных социально-психологических факторов, позволяющих сохранить групповую индивидуальность, является этническая идентичность, характеристики которой играют важную роль в формировании этнической толерантности. Именно таким регионом со своей уникальной спецификой этнокультурной идентификации и межэтнического взаимодействия является Северная Башкирия.

В проекте «Социально-психологические факторы этнической толерантности-интолерантности в поликультурных регионах России», задуманном и осуществленном сотрудниками отдела этносоциологии и этнопсихологии Института этнологии и антропологии РАН в рамках Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе», было обнаружено, что в зависимости от характеристик этнической идентичности разные группы выбирают разные варианты стратегий межкультурного взаимодействия в поликультурных регионах России:

- а) группы с преимущественно позитивной и определенной идентичностью: сохранение своей культуры и принятие «чужих»;
- б) группы с преимущественно позитивной и неопределенной идентичностью: поиск и защита своей культурной определенности;
- в) группы с преимущественно негативной и определенной идентичностью: разделение по этническому и конфессиональному признаку и интолерантность;
- г) группы с преимущественно негативной и неопределенной идентичностью: поиск социального включения.

Несмотря на многочисленные различия между этническими группами (культурные особенности, длительность проживания и т.д.) и поликультурными регионами России (включая и исследуемый регион), тем не менее, выявились некоторые сходные особенности групповой адаптации к поликультурности и основных стратегий межкультурного взаимодействия у тех групп, которым свойственны сходные характеристики этнической идентичности.

Это говорит о том, что состояние этнической идентичности представителей разных этнических групп является серьезным детерминирующим фактором установок на межэтническое взаимодействие в поликультурных регионах России.

Специфика этнокультурного взаимодействия Северной Башкирии:

- особенности формирования населения исследуемого региона (длительный, одновременный процесс заселения территории разными по этническому составу группами населения);
- особые социально-экономические условия сосуществования, выражающиеся в пестроте сословных разрядов наряду с этническим многообразием (вотчинники/припущенники и др.);
- различия в конфессиональной и лингвистической принадлежности, ставшие как основной причиной высокого уровня

дистанцированности этих этнических групп, так и важнейшим фактором сохранения этнической идентичности;

– длительный опыт межкультурного взаимодействия.

Эти социально-исторические обстоятельства задали мощный потенциал для культурного и социально-психологического сближения взаимодействующих этнических групп и, как следствие, формирования надэтнической общности в регионе, сформированной не по этническому, а по территориальному признаку.

Анализ основных особенностей межкультурного взаимодействия Северной Башкирии показывает, что в регионе существуют основы для этнической толерантности в виде близости культурных традиций населяющих ее народов, развитости в них культурных механизмов, регулирующих конфликты, межэтнической комплементарности.

В то же время историко-этнографический анализ ситуации в северной части Башкирии предполагает существование в этом регионе групп населения с неопределенной этнической идентичностью. В этой связи хотелось бы согласиться с Ю.В. Бромлеем, который отмечал, что даже в ситуациях формирования у индивида множественной этнической идентичности (*различная этническая принадлежность родителей, недавно произведенная смена этнической принадлежности и проявление иерархичности этнической структуры*) принадлежность выбирается отнюдь не произвольно. Человек, который в одном случае относит себя к украинцам, в другом - к русским, ни к какому третьему этносу (скажем, к турецкому, французскому, японскому и т.п.) никогда себя не причислит (*Бромлей, 1983*). Поэтому в данной работе было сделано предположение, что неопределенная (возможно множественная) этническая идентичность в данном случае обнаружится, прежде всего, среди представителей блискокультурных башкирской и татарской этнических групп.

Кроме того, предполагалось, что характеристики этнической идентичности (определенность–неопределенность, позитивность–негативность), будут влиять на установки межэтнического взаимодействия (позитивность–негативность авто- и гетеростереотипов и т.д.).

На основании теоретического подхода к исследованию этнической идентичности и межэтнического взаимодействия, разработанного в отечественной и западной гуманитарной науке, анализа теоретических и эмпирических исследований межэтнических отношений в поликультурных обществах, в том

числе и в республике Башкирия, выдвигаются гипотезы эмпирического исследования:

1. Основой этнической толерантности в изучаемом поликультурном регионе с длительной историей совместного проживания населяющих его народов будет являться социально-психологическая общность, образованная не по этническому, а по региональному (территориальному) признаку.

2. Позитивная этническая идентичность (позитивные автостереотипы и позитивные чувства, связанные с этничностью) будет способствовать формированию этнической толерантности в поликультурном регионе. Негативная этническая идентичность (негативные чувства, связанные с этничностью и негативные автостереотипы) будет способствовать формированию этнической интолерантности.

3. У представителей исследуемых этнических групп, населяющих север Башкирии, как определенность, так и неопределенность этнической идентичности будет взаимосвязана с толерантными межэтническими установками.

4. Выраженные установки на дифференциацию по этническому и религиозному признаку в поликультурном регионе будут взаимосвязаны с возникновением этнической интолерантности.

ГЛАВА 2 ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И УСТАНОВОК МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕВЕРА БАШКИРИИ

Характеристика объекта исследования

В ходе основного исследования, проходившего весной-летом 2001 и осенью 2002 гг., приняли участие представители четырех основных этнических групп, населяющих северную Башкирию: башкиры, татары, русские и удмурты. Всего было опрошено 380 человек (каждая выборка включала 95 человек). Распределение респондентов по возрасту: башкиры – от 19 до 75 лет, русские – от 18 до 78 лет, татары – от 18 до 75 лет, удмурты – от 18 до 72 лет. Образование респондентов - среднее, среднее специальное и высшее.

Этнический состав населения Республики Башкирия: башкиры – 21,9%, русские – 39,3%, татары – 28,4%, чувашаи – 3,0%, марийцы – 2,7%, украинцы – 1,9%, мордва – 0,8%, удмурты – 0,6%, другие национальности – 1,4%. (Подсчитано по: *Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года*. Уфа, 1990. С. 62-103). Для исследования взяты три наиболее многочисленных народа, а именно башкиры, татары и русские. Выбор именно этих этнических групп обусловлен их численным превосходством – они в совокупности составляют 89,6% населения республики.

На севере Башкирии процентное соотношение этнического состава населения отличается от такового по Башкирии в целом.

Этнический состав (перепись 1989 г.) сельского населения Янаульского района: башкиры – 39,7%, татары – 25,1%, удмурты – 20,8%, марийцы – 10,1%, русские – 3,9%, другие – 0,4%; Аскинского района: башкиры – 42,5%, русские – 29,9%, татары – 26,0%, другие национальности – 1,6%. Особенностью этого региона является то, что здесь находится основная территория расселения удмуртов и марийцев в Башкирии. Учитывая особенности исследуемого региона, в выборку была включена группа удмуртов.

В Табл. 4 представлена характеристика выборки по полу и возрасту (результаты получены в ходе основного исследования весной-летом 2001 года и осенью 2002 гг.).

Таблица 4. Численность и национальный состав обследованных этнических групп. Характеристики выборки (чел.)

Население	Объем выборки	Пол		Возраст		
		Муж.	Жен.	<25	25-55	>55
Башкиры	95	41	54	9	80	6
Татары	95	46	49	4	85	6
Русские	95	48	47	7	83	5
Удмурты	95	55	40	10	78	7

Среди четырех групп опрошенных высшее образование имели: башкир – 20 чел., татар – 22 чел., русских – 15 чел., удмуртов – 11 чел., среднее специальное образование имели: башкир – 39 чел., татар – 43 чел., русских – 31 чел., удмуртов – 17 чел., среднее образование имели: башкир – 34 чел., татар – 29 чел., русских – 44 чел., удмуртов – 55 чел., незаконченное среднее образование имели: башкир – 2 чел., татар – 1 чел., русских – 5 чел., удмуртов – 12 чел.

Предметом данного исследования является изучение взаимосвязи этнической идентификации и установок на межкультурное взаимодействие в исследуемой зоне на севере Башкирии. Социально-психологическая специфика межэтнических контактов складывается из установок членов этнической группы по отношению к своей группе, иным (иноэтничным) группам и из воспринимаемого отношения представителей других групп к группе респондента. Поэтому основные методы, использованные в эмпирическом

исследовании, направлены на актуализацию социально-перцептивных образов в межкультурном взаимодействии. Работа с опросником и используемыми методиками, которые включали, в том числе, и открытые вопросы, требовали от респондента от 50 мин. до 1 ч. 20 мин.

Методы исследования и основные показатели

В данной работе был использован метод социально-психологического опроса и методы этнической и кросс-культурной психологии. Для проведения опроса был разработан специальный опросник (см. Приложение № 1), соответствующий специфике исследуемого региона. В него были включены следующие тематические блоки:

1. Этническая идентичность.

В блок этнической идентичности входило изучение таких вопросов, как ее значимость, валентность (позитивность/негативность), четкость или амбивалентность (двойственность) этнической идентичности, владение родным языком и др.

- Для выявления **места этнической идентификации** в структуре самокатегоризации и ее субъективной значимости использовался модифицированный тест Куна и Макпартленда "Кто я?" (*Kuhn, McPartland, 1954*). Исследовалась представленность категории «этническая принадлежность» в идентификационных матрицах различных этнических групп. Респондентам предлагалось дать пять ответов на вопрос «Кто я?», выбрав по возможности наиболее важные для отвечающего характеристики (см. Приложение №1 – вопрос 1).

- Для изучения **значимости этнической принадлежности** использовалось, следующее утверждение «Считаю, что современному человеку его национальность должна быть безразлична». Свое отношение респондентам предлагалось выразить по пятибалльной шкале от 1 (абсолютно не согласен) до 5 (абсолютно согласен) (Приложение №1 – вопрос 11.4, 11.14, 11.17).

- **Валентность (позитивность – негативность) этнической идентичности** определялась с помощью метода этнических стереотипов Д. Катца и К. Брели (открытый вариант) (*Katz, Braly, 1933*).

Этнический стереотип является разновидностью социального стереотипа. В современной гуманитарной науке понятие социальных стереотипов широко используется и определяется как «упрощенные,

схематизированные образы социальных объектов, характеризующиеся высокой степенью согласованности индивидуальных представлений», а этнические стереотипы, в свою очередь, определяются как «упрощенные образы этнических групп» (Стефаненко, 2000). Также употребляются понятия авто- и гетеростереотипов, где автостереотип – это представление о своей собственной этнической группе, а гетеростереотип – это представление о других этнических группах. Как известно, стереотип имеет несколько компонентов; основной из них – оценочный, который может нести как позитивную, так и негативную нагрузку. На основе оценочных компонентов этнических стереотипов был сформирован ряд показателей, по которым можно судить о валентности этнической идентичности (позитивной или негативной направленности восприятия принадлежности к собственной этнической группе) (Лебедева, 1993):

а) Соотношение позитивных и негативных оценочных компонентов этнических автостереотипов.

Преобладание положительной групповой самооценки говорит о развитом чувстве «мы», об отражении в сознании индивидов как самостоятельного субъекта межгруппового (межэтнического) взаимодействия и взаимовосприятия, о выраженной позитивной групповой идентификации членов группы.

Резкое преобладание позитивных автостереотипов при почти полном отсутствии негативных говорит о «включенности» механизмов социально-психологической защиты, о появлении неадекватности самовосприятия.

Преобладание негативного оценочного компонента служит показателем нарушения позитивной групповой идентификации членов группы, разрушения чувства «мы» по этническому признаку, ослабления внутригрупповой суггестии, возможной смены самоидентификации.

б) Соотношение позитивных и негативных оценочных компонентов этнических гетеростереотипов.

Преобладание негативных гетеростереотипов говорит о действии психологической защиты в виде групповой сплоченности, о стремлении группы сохранить себя как целое, о неадекватности межгруппового восприятия.

Преобладание позитивных гетеростереотипов говорит о наличии положительного образа другого, об этнической толерантности.

Испытуемым предлагалось назвать 5-6 определений, свойственных, по их мнению, представителям оцениваемой ими этнической группы – своей собственной или соседней (Приложение №1 – вопросы 3а, 3б, 3в, 3г). Такой метод – «открытого» получения стереотипов – выбран неслучайно. По мнению автора, он имеет ряд преимуществ перед так называемым «закрытым», или выбором характеристик «с листа», так как при таком методе не накладывается структура этнического сознания, свойственная культуре исследователей, на групповое этническое сознание представителей других (исследуемых) групп. «Открытый» метод позволяет актуализировать активно функционирующий слой этнического сознания, являющийся также продуктом исторического развития данной группы (Лебедева, 1993).

В блоке этнической идентичности проводился анализ соотношения позитивных и негативных оценочных компонентов этнических автостереотипов.

- **Позитивность/негативность этнической идентичности** определялась также с помощью вопроса о чувствах, связанных с этнической принадлежностью. Как известно, важнейшим компонентом этнической идентичности принято считать ее эмоциональную сторону – всю совокупность чувств, испытываемых этнофором по отношению к своей этнической группе и факту своей принадлежности к ней. Для исследования этой стороны этнической идентичности участникам опроса предлагалось выбрать из списка (*гордость; спокойная уверенность; никаких чувств; обида; ущемленность, униженность; другое (укажите, какое именно)*) и отметить те чувства, которые они испытывают, думая о своем народе (Лебедева, 1995).

- Для оценки **четкости (определенности) или неопределенности (двойственности) этнической идентичности** использовался такой показатель, как степень близости и понятности представителей других этнических групп. Эта степень оценивалась с помощью утверждений: «Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу», «Если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность. Какую? Почему?». Требовалось выразить согласие с утверждением в соответствии с 7-балльной шкалой, где 1 – полностью согласен, 7 – максимальная степень несогласия (совершенно не согласен) (Приложение № 1 – вопросы 10а, 10б) (Романова, 1994).

- Для оценки степени идентификации с представителем иной этнической группы респонденту предлагалось ответить, насколько он ощущает себя представителем соседней с ним этнической группы: «В какой мере (полностью; отчасти; не считаю; затрудняюсь ответить) Вы считаете себя представителем следующих национальностей (башкиром, татарин, русским, удмуртом)» (Приложение № 1 – вопросы 4.1, 4.2, 4.3, 4.4).

- Также был рассмотрен этнолингвистический аспект – степень владения родными языками. Дополнительно был использован открытый вопрос: «Какой язык (какие языки) Вы считаете родным?» (Приложение № 1 – вопрос 6).

2. Межкультурное взаимодействие и этническая толерантность.

Толерантность–интолерантность, как главная проблема межкультурного взаимодействия, являлась ключевой социально-психологической характеристикой при конструировании опросника. Степень этнической толерантности оценивалась на основе следующих критериев: установки на этническую толерантность по отношению к представителям соседних народов, уровня «негативизма» в отношении к собственной и другим этническим группам, уровня порога эмоционального реагирования на иноэтничное окружение, степени выраженности агрессивных и враждебных реакций по отношению к другим группам.

Этническая толерантность (терпимость), как явление социальной перцепции, понимается как отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее – наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной (Лебедева, 1993).

- Опросник содержит блок утверждений на выявление этнической толерантности и интолерантности: «Национальная принадлежность всегда будет разъединять людей»; «Я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности»; «Если в семье появится человек другой национальности, то это осложнит взаимопонимание»; «Мне не нравится, что в нашей культуре и языке появилось слишком много чужеродных элементов» и др. Своё отношение респондентам предлагалось выразить по пятибалльной шкале от 1 (абсолютно не согласен) до 5 (абсолютно согласен) (Приложение №1 – вопросы 11.7, 11.10, 11.16, 11.13, 11.3). Также задавался вопрос: «Честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов. Каких и почему?». Требовалось

выразить согласие с утверждением в соответствии с 7-балльной шкалой, где 1 – полностью согласен, 7 – максимальная степень несогласия (совершенно не согласен) и ответить на открытый вопрос (Приложение № 1 – вопрос 10 в).

Кроме опросника, в исследовании использовались широко известные методики этнической и кросс-культурной психологии, нацеленные на выявление межэтнических установок и измерение этнической толерантности/интолерантности:

- Шкала социально-психологической близости (или шкала социальной дистанции Богардуса) (*Bogardus, 1959; Кольцов, 1989*). С ее помощью оценивалась степень социально-психологического принятия представителями этнических групп друг друга.

Понятие социальной дистанции было введено в 1920-е гг. американским социологом Богардусом. Оно характеризует близость (отчужденность) социальных или этнических общностей и отдельных людей. С помощью специальной шкалы оценивается степень социально-психологического принятия людьми друг друга, поэтому ее часто называют шкалой социальной приемлемости. Она показывает степень психологической близости людей, способствующей легкости их взаимодействия. Максимальная социальная дистанция означает, что человек (или этнос) держится обособленно (автономно). Коммуникации в таких случаях символичны и формальны. Минимальная социальная дистанция способствует конкретизации представлений о других людях, поскольку, когда люди хорошо знакомы, они интересуются друг другом и чужой национальной культурой, вовлекаются во взаимодействие, где каждый принимает во внимание оригинальность и индивидуальность другого.

В данном исследовании эта шкала модифицирована адекватно поставленным целям и задачам. Она отражает степень реальной близости представителей взаимодействующих групп, содержит также элементы социально-психологической установки на желаемую степень близости с представителями других групп и в какой-то степени является социально-перцептивным образом культурной дистанции, что имеет значение для данного исследования. Эта шкала градуирована следующим образом: «Я принимаю представителей перечисленных народов (башкир, татар, русских, удмуртов) в качестве:

1. жителя республики;
2. соседа;

3. близкого друга;
4. близкого родственника (через браки детей).

Диапазон шкалы: от 1 (минимальная степень социально-психологической близости) до 4 (максимальная).

Чем выше среднегрупповой показатель по данной шкале, тем ближе чувствуют себя представители данной группы к представителям оцениваемой группы, и напротив – чем ниже данный показатель, тем дальше восприятие представителей соседней группы. Это может свидетельствовать о наличии психологической защиты, социально-перцептивного отдаления, неадекватности межгруппового восприятия.

- Шкала культурной дистанции, специально разработанная для данного опросника по тому же кумулятивному принципу, что и шкала социальной дистанции Богардуса (*Лебедева, 1995*). Эта методика позволяет определить субъективно оцениваемую степень культурной близости респондента с тем или иным народом. В понятие этнокультурной дистанции входят представления о взаиморасположенности (близости-отдаленности) различных этнических групп в когнитивно-эмоциональной сфере их самосознания. Эта шкала градуирована в данном исследовании следующим образом: «С этим народом (башкирами, татарами, русскими, удмуртами) меня роднят:

1. общее место жительства;
2. общее историческое прошлое;
3. язык;
4. религия;
5. обычаи, обряды, традиции;
6. внешний вид;
7. поведение, черты характера;
8. что-то другое (что именно).

Диапазон шкалы: от 1 (минимальная степень культурной близости) до 7 (максимальная). Ответы на открытый вопрос обрабатывались посредством контент-анализа. Чем выше среднегрупповой показатель по данной шкале, тем ближе чувствуют себя представители данной группы к представителям оцениваемой группы; чем ниже такой показатель – тем дальше. Было интересно узнать, каким образом разность и сходство культур исследуемых этнических групп влияет на этноинтегрирующие и этнодифференцирующие процессы в регионе.

- Валентность (позитивность–негативность) этнической идентичности определялась с помощью метода этнических стереотипов Д. Катца и К. Брели (*Katz, Braly, 1933*). В блоке «Межэтническое взаимодействие и этническая толерантность» было проанализировано соотношение позитивных и негативных оценочных компонентов этнических гетеростереотипов.

- Этнолингвистический аспект: степень владения другими языками. Сильная идентификация с другими группами свидетельствует о тенденции к интеграции и бикультурации. Для индивидов с биэтнической идентичностью нередко характерен высокий уровень компетентности как в «этническом», так и в «чужом» языке. Респондентам задавался вопрос о знании языков других этносов изучаемого региона: *«В какой степени (свободно; хорошо; понимаю, но не говорю; совсем не владею) Вы владеете наиболее распространенными языками Башкортостана?»* (Приложение № 1 – вопросы 7.1, 7.2, 7.3, 7.4).

Для построения опросника частично использовался стимульный материал из исследований Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой (*Солдатова, 1998; Рыжова 1995*).

3. Этнокультурные установки.

Этот параграф нацелен на анализ тенденций традиционализма и модернизма, т.е. ориентаций на сохранение этнических (культурных) традиций или на отказ от них в пользу современных общественных преобразований.

- Показателем этнокультурных установок **традиционализм–модернизм** стали следующие суждения: *«Надо стремиться поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа»* (*Солдатова, 1998*); *«Мне не нравится, что в нашей культуре появилось слишком много чужеродных элементов»*; *«Считаю, что приобщение моего народа к мировой цивилизации важнее возрождения национальных традиций»*, оценка которых респондентами производилась по пятибалльной шкале от 1 (абсолютно не согласен) до 5 (абсолютно согласен). Также в этом блоке были исследованы основные аспекты уровня включенности респондента в культуру этнической группы. Так, уровень религиозности был исследован с помощью следующих вопросов: *«Какую религию Вы исповедуете?»* и *«Насколько Вы религиозны?»*

- В исследовании использовались адаптированные вопросы из шкалы измерения установок на **индивидуализм и коллективизм** Г. Триандиса. В качестве эмпирических оснований изучения

выраженности мотива этнической аффилиации применялись три критерия, выделенные им как основа аллоцентрического типа личности. Среди них – подчинение индивидуальных целей групповым, выраженная идентификация со своей этнической группой, восприятия себя как части группы, а группы – как продолжения самого себя. Аллоцентризм-идеоцентризм рассматриваются Г. Триандисом и его коллегами как измерения социокультурной размерности «коллективизм-индивидуализм» на личностном уровне (*Triandis, Leung, Villareal, Clack, 1985*). В соответствии с вышеперечисленными критериями были отобраны четыре пары ценностных суждений по принципу противопоставления ориентации на группу и ориентации на личность.

а) Индикаторы, отражающие высокую потребность в этнической принадлежности («этноаффилиативные тенденции») – (Приложение №1 – вопросы 11.1, 11.3, 11.6, 11.10).

б) Индикаторы, отражающие низкую потребность в этнической принадлежности («анти-этноаффилиативные тенденции») – (Приложение №1 – вопросы 11.2, 11.4, 11.12, 11.14) (*Солдатова, 1998*).

Результаты исследования были обработаны с помощью методов математической статистики (описательной статистики, корреляционного и факторного анализов) в целях выявления устойчивых связей между особенностями этнической идентификации и установками на межэтническое взаимодействие. Также был проведен кросс-культурный анализ результатов исследования четырех этнических групп Северного Башкортостана.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И УСТАНОВОК МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Результаты исследования представлены в виде трех блоков, условно обозначенных как **Этническая идентичность, Межкультурное взаимодействие и этническая толерантность, Этнические установки.**

Результаты исследования этнической идентичности представителей населения севера Башкирии

а) Значимость этнической принадлежности

Для выявления места этнической идентичности в структуре самокатегоризации и ее субъективной значимости был использован тест М. Куна и Т. Макпартленда «Кто я?» (Kuhn, McPartland, 1954), при помощи которого исследовалась субъективная значимость этнической идентичности. Было интересно выяснить, насколько часто респонденты используют этническую категорию в актуальном самоопределении, то есть, при ответе на вопрос теста указывают свою этническую принадлежность.

Таблица 5. Субъективная значимость этнической принадлежности в структуре самоидентификаций (в %)

Ранг значимости этнической принадлежности в самокатегоризации респондентов	Общ. мас.	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
1 ранг	8,5	7,6	8,5	1,9	16,1
2 ранг	1,9	—	—	5,7	1,9
3 ранг	3,8	1,9	2,8	3,8	1,9
4 ранг	2,6	—	2,8	3,8	3,8
Всего:	15,6	9,5	14,2	15,2	23,7
Значимость этнической принадлежности не актуализированна	84,4	90,5	85,8	84,8	76,3

Из Табл. 5. видно, что 15,6% респондентов всего массива указали этническую принадлежность, у 84,4% она вообще не была актуализирована. Выявлены некоторые расхождения в этнических группах: максимальная значимость этнической принадлежности оказалась у удмуртов (16,1% опрошенных), а минимальная – у русских (1,9%).

Таким образом, для русских этническая идентичность оказалась менее значимой, чем для остальных исследуемых групп, у которых характеристики групповой этнической идентичности более выражены. Основываясь на данных Табл. 5, можно говорить о сравнительно низкой значимости этнической принадлежности в целом для всех исследуемых этнических групп.

Низкая значимость этнической идентичности у представителей всех обследованных групп, т.е. восприятие этой

сферы респондентами как не содержащей потенциала проблемности, может быть косвенной иллюстрацией благоприятной обстановки межэтнического общения в данном поликультурном регионе. Однако полное вытеснение этнической идентичности из иерархии самоидентификационных категорий, в частности, из структуры социальной идентичности, грозит личности неблагоприятными последствиями: потерей целостности образа «Я» и разрывом связи с родной культурой. Вследствие этого индивид лишается поддержки крупной и относительно стабильной социальной общности – этнической, – и ему приходится искать ей какую-то замену в виде опоры на гражданскую или космополитическую идентичность (*Шлягина, Данзаева, 1997*). Как будет видно далее, эта стратегия была использована респондентами, хотя она не особенно популярна.

Для более полной картины были построены групповые идентификационные матрицы (*Moscovici, 1984*) всех исследуемых этнических групп на основе данных, полученных с помощью теста М. Куна и Т. Макпартленда «Кто я?» (*Kuhn, McPartland, 1954*). Все самохарактеристики по каждой этнической группе были отнесены к объективным или субъективным. К объективным относятся те самохарактеристики, в которых человек отражает свои разнообразные социальные роли, будь то пол, роль в семье, социальный статус, свою принадлежность к всевозможным социальным группам. Объективные характеристики были разделены на базовые принадлежности (общечеловеческая, личностная, семейная, половая, профессиональная) и этнополитические категории (этническая, гражданская, религиозная, субкультурная). В число субъективных характеристик вошли самоидентификации, которые являются результатами особых жизненных обстоятельств, личностные признаки, позитивные и негативные самооценки (*работяга, труженик, романтик, добряк, неудачник, счастливый, творец* и т.д.). При анализе построенных матриц были выявлены следующие межгрупповые различия в иерархии самоидентификационных категорий (Табл. 6).

Таблица 6. Групповые идентификационные матрицы (отношение общего числа самохарактеристик респондента к общему числу самохарактеристик представителей этнической группы, %).

Категории	Население			
	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Объективные характеристики Категории частной жизни (базовые)				
Человек	10,9	12,6	15,4	12,8
Личность	3,9	4,5	2,5	0,5
Пол	7,4	8,3	9,3	12,8
Семья	40,1	31,4	31,9	26,0
Профессия	3,2	8,9	11,3	9,6
Этнополитические категории				
Национальность	3,2	3,5	2,8	10,6
Религия	—	—	—	—
Субкультура	0,3	—	0,3	—
Гражданин республики	1,1	1,6	1,0	3,3
Гражданин России	0,7	1,6	2,5	3,3
Субъективные характеристики (самооценки и самопредставления)				
Идеологические самооценки	—	2,4	—	0,5
Позитивные и негативные самооценки и ролевые характеристики	28,5	20,8	21,7	18,0
Другие	0,7	4,0	1,0	2,6

Анализ восприятия субъектами самих себя в системе социальных связей и отношений показывает, что число объективных характеристик обычно преобладает над числом субъективных (Солдатова, 1998). Из Табл. 6 можно видеть, что 75% от всего числа самохарактеристик массива составили объективные характеристики. Большинство респондентов, отвечая на вопрос «Кто я?», прежде всего идентифицируют себя с теми объективными позициями, которые они занимают в повседневной жизни. Наиболее часто называемой объективной характеристикой у респондентов является семья (*мать, сын, сестренка* и т.д.), выбор характеристик этой категории у башкир составляет наибольшую долю (40%), а у удмуртов наименьшую (26%).

Этническая принадлежность в целом по выборке занимает шестое место, пропуская вперед семейную, позитивные и негативные самооценки и ролевые характеристики, общечеловеческую, половую и профессиональную принадлежности. Такая тенденция прослеживается у представителей всех четырех исследуемых этнических групп.

Религиозный фактор тесно связан с этничностью, но в структуре самоидентификаций данной выборки религиозная принадлежность не была актуализирована у представителей обследуемых этнических групп, несмотря на то, что исследуемый регион является поликонфессиональным (татары и башкиры исповедуют ислам, русские – православие, большинство удмуртов, населяющих север Башкирии, являются язычниками; остальные удмурты исповедуют православие).

Анализируя этнополитические категории в групповых самохарактеристиках, хотелось бы обратить внимание на то, что, хотя у всего массива этническая компонента слабо выражена, все же она более актуальна, чем гражданская (Табл. 7).

Таблица 7. Этнополитические категории в групповых самохарактеристиках (по отношению к общему числу опрошенных), %

Категории	Население			
	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Этнополитические категории				
Этническая принадлежность	17,4	17,4	14,8	39,2
Субкультура	1,9	—	1,9	—
Гражданин республики	5,9	8,7	5,6	11,7
Гражданин России	3,8	8,7	12,9	11,7

Этническая компонента наиболее выражена у удмуртов (39,2% опрошенных), в равной степени у башкир (17,4%) и татар (17,4%), и наименее выражена у русских (14,8%).

Как следует из Табл. 7, гражданская принадлежность (республиканская и общегосударственная) менее выражена, чем этническая. Также было проанализировано соотношение категорий «гражданин республики» и «гражданин России». У башкир обе категории гражданской принадлежности выражены слабее, чем у представителей других этнических групп, но республиканская принадлежность (5,9%) все же превышает государственную (3,8%). У

татар и удмуртов категории «гражданин республики» и «гражданин России» выражены в равной степени (у татар – 8,7%, у удмуртов – 11,7%). Гражданская принадлежность русских распределилась следующим образом: на долю республиканской принадлежности приходится 5,6%, а на долю общероссийской в два раза больше (12,9%). У башкир, татар и удмуртов этническая принадлежность более выражена, чем гражданская.

Респонденты титульной национальности (в данном случае – башкиры) в большей степени осознают себя гражданами республики и придают меньше значения российскому гражданству. Русские причисляют себя прежде всего к россиянам; нужно также отметить, что среди русских респондентов гражданская и этническая принадлежности выражены практически в равной степени.

Таким образом, русские, не являясь титульным населением республики, стремятся «вынести» свою идентичность за ее пределы, идентифицируя себя скорее как граждан России. Возможно, такой вариант построения гражданской идентичности позволяет русским субъективно повысить статус своей этнической общности.

Анализ иерархии самоидентификаций представителей разных этнических групп позволяет сделать заключение о субъективном восприятии значения этнической идентичности и ее месте в структуре социальной идентичности индивидов. Независимо от этнической принадлежности респондентов можно отметить явный приоритет самоидентификаций с малой социальной общностью, в первую очередь, с семьей, а также индивидуальных характеристик, по сравнению с категориями этнополитического разряда. Невысокая значимость этнической и конфессиональной самоидентификации теоретически может быть либо следствием отсутствия опыта межэтнического и межконфессионального общения, либо отражать достаточно спокойную, бесконфликтную ситуацию межкультурного взаимодействия в регионе. Второй вариант представляется более правдоподобным, т.к. в республике Башкирия, как упоминалось, смешанно проживают представители большого количества этнических общностей, и издавна сложились позитивные традиции межкультурного общения.

Также значимость этнической принадлежности исследовалась с помощью утверждения: *«Считаю, что современному человеку его национальность должна быть безразлична»*, отношение к которому респондентам предлагалось выразить по пятибалльной шкале от 1 (абсолютно не согласен) до 5 (абсолютно согласен) (Табл. 8).

Таблица 8. Значимость этнической принадлежности (в %)

Считаю, что современному человеку его национальность должна быть безразлична	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Согласен	40,8	39,9	38,9	39,9
Не знаю	13,3	14,2	9,5	14,2
Не согласен	45,9	45,9	51,6	45,9

Большинство респондентов среди четырех опрошенных этнических групп северной Башкирии несогласны с этим утверждением. Выраженность этноаффилиативных тенденций предполагает склонность следовать правилам, нормам и целям своей этнической группы. По результатам исследования Г. Триандиса и его коллег, в коллективистских культурах больше аллоцентрических личностей, чем идеоцентрических, как более нуждающихся в групповой поддержке (*Triandis, Leung, Villareal, Clack, 1985*). Полученные в данной работе результаты это подтверждают. Нужно отметить, что респонденты во всех четырех группах ответили на утверждение: «Считаю, что современному человеку его национальность должна быть безразлична» практически в одинаковой пропорции, но среди русских выраженность этноаффилиативных тенденций оказалась несколько выше, чем среди остального населения. Это может свидетельствовать о том, что в условиях инокультурного окружения русские чувствуют себя в некоторой изоляции, отсюда и большая потребность в этнической идентичности.

Анализ результатов исследования позволяет сделать вывод о том, что у представителей всех четырех обследованных этнических групп этническая идентичность выражена незначительно. Это может свидетельствовать об отсутствии гипертрофированной этнической идентичности, а вместе с ней – и об отсутствии выраженной межэтнической напряженности в данном регионе.

6) Валентность этнической идентичности.

Характер чувств, испытываемых по отношению к собственной группе, и их изменение отражают динамику образа группы с точки зрения привлекательности-непривлекательности и влияют на взаимоотношения с другими группами. На основании выраженности

этноаффилиативных тенденций у представителей обследуемых этнических групп фиксировалось, насколько у них выражена позитивность этнической идентичности (Табл. 9).

Таблица 9. Валентность чувств, связанных с этнической принадлежностью (в %)

Какие чувства у Вас вызывает принадлежность к своей нации?	Общ. масса	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Гордость	31,2	28,5	28,5	42,7	23,7
Спокойная уверенность	41,2	32,5	54,1	33,5	44,8
Никаких чувств	14,8	24,7	13,6	5,7	15,4
Обиду	6,4	7,6	1,9	5,7	10,4
Ущемленность, униженность	6,4	5,7	1,9	12,4	5,7

У подавляющего большинства респондентов во всех этнических группах преобладают позитивные чувства – *гордость, спокойная уверенность*. Однако немало и тех, кто указывал негативные чувства, связанные с этнической принадлежностью. Чаще всего негативные эмоции (*обида, ущемленность, униженность*) отмечали русские респонденты – 18,1%. Возможно, у русских негативные чувства, связанные с этнической принадлежностью, отражают переживание ими снижения статуса собственной этнической группы в последнее десятилетие, что связано с общей этнополитической ситуацией в России (*Солдатова, 1998*).

В исследовательских целях в целостной структуре этнической идентичности условно выделяют когнитивный и эмоциональный аспекты (*Стефаненко, 1999*). В частности, составляющими когнитивного компонента можно считать представления о своей и чужой этнических общностях, этнические авто- и гетеростереотипы. Эмоциональный компонент включает всю совокупность чувств, испытываемых этнофором по отношению к его этнической группе и факту своей принадлежности к ней.

Для определения валентности (позитивности/негативности) этнической идентичности использовался метод этнических стереотипов Д. Катца и К. Брели (*Katz, Braly, 1933*). Данные, полученные с помощью этого метода, представлены в Табл. 10.

Таблица 10. Валентность этнических автостереотипов (в %)

Автостереотипы	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Позитивные	63,9	86,8	75,3	64,0
Преимущественно позитивные	9,5	7,6	13,3	4,7
Позитивные и негативные поровну	7,6	—	9,5	18,0
Преимущественно негативные	9,5	—	—	—
Негативные	9,5	5,6	1,9	13,3

В сознании представителей всех четырех обследованных этнических групп превалируют, как следует из Табл. 10, позитивные этнические автостереотипы.

Значительное преобладание позитивных автостереотипов при почти полном отсутствии негативных наблюдается в ответах татар и русских, что может указывать на активизацию механизмов социально-психологической защиты, направленной на сплочение группы и повышение позитивной идентичности ее членов.

Негативные автостереотипы чаще всего выявлялись в ответах башкир (19%) и удмуртов (13,3%), что может свидетельствовать как о критическом восприятии характерных черт представителей своей этнической группы, так и об угрозе утраты позитивной идентификации со своей группой.

При анализе содержательных характеристик автостереотипов установлено, что наиболее часто указываемыми негативными автостереотипами у удмуртов были следующие: *неуверенные (забитые)* (3%), *не поддерживают друг друга* (0,7%), *злые* (0,7%). Наиболее часто указываемые негативные автостереотипы у башкир были *агрессивность* (4,5%), *несамостоятельность* (4,5%), *злость* (1,5%), *фанатичность* (1,5%), *хитрость* (1,5%).

Для большей конкретизации представлений респондентов об особенностях их «национального характера» (психического склада) предлагалось ответить на «открытые» вопросы: «Какие особенности национального характера Вашего народа Вам симпатичны?», «Какие вызывают неприязнь?».

При более детальном анализе ответов респондентов выявлено, что башкиры прежде всего относят к позитивным характеристикам своего народа такие морально-нравственные качества, как *гордость, сплоченность, терпеливость, выносливость, храбрость, честность, открытость, скромность, уважение к другим нациям, умение хранить свои традиции* – 42,6% от числа всех позитивных характеристик. Следующая группа позитивных качеств характеризует отношение народа к труду, это *трудолюбие, аккуратность (чистоплотность)* – 38,2% ответов. Третья группа позитивных характеристик, отмеченных башкирами, составила 19,2% ответов и включает в себя качества, характеризующие межличностное общение: *гостеприимство, доброжелательность, простота, дружелюбие, коммуникабельность и скромность.*

Негативных качеств было отмечено немного. Прежде всего, респонденты отметили качества, связанные со сферой межличностного общения (*жадность, зависть, бестолковость, беспечность, грубость, неаккуратность, трусливость*) – 82% негативных характеристик. Также были отмечены такие негативные характеристики, как пьянство и национализм.

Среди татар 40% в качестве позитивных отметили следующие характеристики межличностного общения: *гостеприимство, доброжелательность, общительность, человечность, доброта, вежливость, приветливость.* Значима группа признаков, характеризующих отношение к труду и деловые качества народа: *трудолюбие, чистоплотность, ответственность, честолюбие, целеустремленность* – 35% ответов. Еще одна группа характеристик объединяет в себе такие качества, как *гордость, скромность, самоуверенность, честность, уважение к старшим* – 25% позитивных характеристик.

Так же, как и башкиры, незначительный процент отрицательных черт своего народа указали татары. Это качества, связанные со сферой межличностного общения, такие как *высокомерие, наглость, лицемерие, горячность, упрямство, самолюбие.*

Удмурты среди позитивных качеств, характерных для представителей удмуртского народа, прежде всего выделили *трудолюбие* (42%). Значима и группа признаков (20,6%), связанных со сферой межличностного общения: *общительность, гостеприимство, скромность, дружелюбие, взаимопомощь, открытость.*

Среди негативных качеств своего народа удмурты указывают признаки, связанные со сферой межличностного общения; прежде всего это *стеснительность, скромность, зависть, нерешительность, простота, скупость*.

Выделенные русскими респондентами позитивные качества представителей своего народа можно сгруппировать в четыре группы. Доброта и связанные с ней качества и характеристики межличностного общения (*доброжелательность, добродушие, душевность, дружелюбие, гостеприимство, радушие, бескорыстность, общительность, приветливость, простота*) составляют 75,3% ответов. Выделилась группа признаков (15,2%), объединяющая позитивные морально-нравственные качества, такие как *благородство, честность, порядочность, стойкость, щедрость, терпеливость, решительность, надежность, верность, искренность, твердость духа*.

Небольшой процент (6,3%) позитивно оцениваемых черт можно отнести к группе деловых и интеллектуальных качеств (*трудолюбие, деловитость, находчивость, ум*). Такие черты, как *душа нараспашку, веселость, бесшабашность*, были объединены в группу качеств под условным названием «Отношение к жизни», всего 3,2%.

Характеристики включают следующие группы негативных качеств:

- косвенно связанные с психологическими особенностями – *пьянство, вредные привычки* – 40%.
- связанные со сферой межличностного общения - *простота, жадность, лицемерие, вспыльчивость, грубость, слабохарактерность, доверчивость, равнодушие* – 34,5%;
- связанные с отношением русских к труду - *лень, безалаберность, беспечность, халатность* – 25,5% негативных характеристик.

Интересно, что такое качество, как *простота*, русские респонденты относят и к позитивным, и к негативным качествам в равной степени. Таким образом, респонденты считают, что самые характерные черты русских – это *доброта и гостеприимство*.

Итак, анализ представлений респондентов о своей этнической общности продемонстрировал наличие критичного отношения к ней независимо от этнической принадлежности респондентов. Однако, относительно высокий процент негативных автостереотипов в выборках башкир и удмуртов в сочетании с переживаниями «обиды и ущемленности», безусловно, настораживает. Это заставляет предположить возможность развития негативной этнической идентичности, которая потенциально таит в себе угрозу этнической

интолерантности или может привести к выбору стратегии ассимиляции в межкультурном взаимодействии, что чревато утратой этнокультурного своеобразия.

в) Этнолингвистический аспект.

Для представителей «классической» отечественной этнологии характерна точка зрения, согласно которой связь языка с этнической общностью «является исторически наиболее ранней, естественной и устойчивой, ибо язык формируется и развивается обычно внутри определенного этноса» (Козлов, 1995). Язык является одним из важнейших этнодифференцирующих признаков. В обыденном сознании часто происходит фактическое отождествление языка и народа: по данным этносоциологических исследований, в 70-80-е гг. прошлого века свыше 70% эстонцев, грузин, узбеков, молдаван определяли свою этническую идентичность по языку (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1999). В опроснике респондентам предлагалось ответить на вопрос «Какой язык (какие языки) Вы считаете родными?». Таким образом, оценивалось знание родного языка и степень интегрированности респондентов в соседнюю этническую культуру. В том, какие языки, кроме собственного, считают родным респонденты, отражается реальная культурная дистанция, а также субъективная социально-культурная дистанция между взаимодействующими этническими группами. Ответы на этот вопрос представлены в Табл. 11.

Таблица 11. Какой язык (какие языки) Вы считаете родными? (в %)

Какой язык (какие языки) Вы считаете родными?	Общ. масса	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Русский	30,4	3,8	6,6	98,1	11,4
Башкирский	1,4	5,7	—	—	—
Татарский	36,5	65,8	81,1	—	—
Удмуртский	20,7	—	—	—	82,9
Русский и татарский	4,9	7,6	10,4	1,9	—
Русский и удмуртский	1,4	—	—	—	5,7
Татарский и башкирский	4,7	17,1	1,9	—	—

Как видно из Табл. 11, 36,5% представителей обследованной выборки считает родным татарский язык, 30,4% – русский язык, 20,7% – удмуртский и всего лишь 1,4% из общего массива считают башкирский язык своим родным языком; 11,0% респондентов из общего массива назвали своими родными два языка: 4,9% – русский и татарский языки, 4,7% – татарский и башкирский, 1,4% – русский и удмуртский.

В данном регионе башкиры разговаривают на местном диалекте татарского языка, поэтому только 5,7% башкир назвали башкирский язык своим родным языком, а 65,8% башкир назвали своим родным татарский язык. Близость культур также определяет то, что 17,1% башкир и 1,9% татар назвали своими родными и башкирский, и татарский языки, которые относятся к одной языковой группе тюркских языков. Возможно, то, что подавляющее большинство башкир считают своим родным татарский язык, может сказываться на двойственности их этнической идентичности.

г) Четкость-амбивалентность (определенность-неопределенность) этнической идентичности.

Для оценки четкости-амбивалентности этнической идентичности использовался такой показатель, как степень близости и понятности представителей других этнических групп, которая оценивалась с помощью утверждений «Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу» и «Если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность». Данные ответов респондентов помещены в Табл. 12.

Таблица 12. Четкость-амбивалентность этнической идентичности

Вариант ответа	Доля ответов в выборке, %			
	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
<i>Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу</i>				
Согласен	28,5	23,7	5,7	31,3
Не знаю	11,4	10,4	7,6	5,7
Не согласен	60,1	65,9	86,7	63,0
<i>Если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность</i>				
Согласен	24,7	21,8	5,7	33,2
Не знаю	5,7	8,5	7,6	5,7

Не согласен	69,6	69,7	86,7	61,1
-------------	------	------	------	------

В целом по выборке большинство опрошиваемых не согласилось с утверждением *«Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу»*. Наиболее четкую этническую идентичность продемонстрировали русские, подавляющее большинство которых (86,7%) не согласилось с данным утверждением. Наиболее неопределенная (амбивалентная) этническая идентичность обнаружена у удмуртов (31,3%) и башкир (28,5%), которые согласились с утверждением. Среди татар 23,7% согласились с тем, что им ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому они принадлежат.

Сходная картина была при анализе ответов респондентов на утверждение *«Если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность»*. Русские (86,7%) не согласились с этим утверждением, как и с предыдущим, тем самым еще раз продемонстрировав четкую этническую идентичность. В целом по выборке сохраняются те же тенденции, что и в ответах, связанных с предыдущим утверждением. Самый высокий уровень амбивалентности отмечен у удмуртов – 33,2%, башкир – 24,7% и татар – 21,8%, согласившихся с утверждением.

Дополнительно всем опрошенным, согласившимся с утверждением *«Если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность»*, предлагалось ответить на вопросы: *«Какую? Почему?»*. При анализе ответов на эти вопросы были получены следующие результаты: респонденты–башкиры чаще всего выбрали татарскую национальность, на вопрос *«Почему?»* отвечали: *«Потому что мой родной язык – татарский»*, *«Одна религия»*, *«Мне близок язык и традиции»*, *«Мы – татары, а записаны башкирами»*, *«Татары мне ближе всего»*. По мнению удмуртов, они выбрали бы русскую национальность, потому что *«все говорят на русском»*, *«везде русский язык и русским легче живется»*, *«красиво говорят»*. Среди респондентов–татар чаще всего упоминалась русская национальность, ответы на вопрос *«Почему?»* были следующие: *«из-за языка»*, *«выбор по нраву»*, *«из-за сострадания»*, один из опрошиваемых выбрал бы башкирскую национальность, *«потому что я живу в Республике Башкортостан»*. Всего 5,5% русских респондентов согласились с тем, что выбрали бы другую национальность, если бы была такая возможность, но никто среди них не дал ответа на вопросы *«Какую?»* и *«Почему?»*.

Амбивалентность этнической идентичности опрошенных респондентов удмуртов, по мнению автора, связана с невысоким статусом удмуртов в данном регионе. В случае же башкир можно говорить о двойственном татаро-башкирском этническом самосознании, вплоть до смены идентичности. Татары, наоборот, из-за боязни размывания этнокультурных границ отдаляются от башкир (см. анализ Табл. 11).

д) Этническая идентификация.

Для оценки степени идентификации с представителем своей и иной этнической группы респонденту предлагалось отметить, насколько он ощущает себя представителем своей и соседней с ним этнической группы. Например, башкирам предлагалось ответить на вопрос: «В какой мере Вы считаете себя представителем следующих национальностей: башкиром, татаринном, русским, удмуртом?» и т.д. В Табл. 13 приведены результаты опроса.

Таблица 13. Этническая идентификация

Этническая идентификация, башкиры (в %)				
Вариант ответа	В какой мере Вы считаете себя			
	Башкиром	Татаринном	Русским	Удмуртом
Не считаю	25,6	21,8	84,8	98,1
Затрудняюсь ответить	1,9	5,7	—	—
Отчасти	53,5	44,0	13,3	1,9
Полностью	19,0	28,5	1,9	—
Этническая идентификация, татары (в %)				
Вариант ответа	В какой мере Вы считаете себя			
	Башкиром	Татаринном	Русским	Удмуртом
Не считаю	65,0	2,8	75,4	90,6
Затрудняюсь ответить	6,6	4,7	6,6	4,7
Отчасти	21,8	19,0	13,3	4,7
Полностью	6,6	73,5	4,7	—
Этническая идентификация, русские (в %)				
Вариант ответа	В какой мере Вы считаете себя			
	Башкиром	Татаринном	Русским	Удмуртом
Не считаю	98,1	100	—	100
Затрудняюсь ответить	—	—	—	—
Отчасти	1,9	—	—	—
Полностью	—	—	100	—
Этническая идентификация, удмурты (в %)				
Вариант ответа	В какой мере Вы считаете себя			

	Башкиром	Татарином	Русским	Удмуртом
Не считаю	94,3	84,8	81,0	5,7
Затрудняюсь ответить	3,8	1,9	—	—
Отчасти	1,9	13,3	13,3	7,6
Полностью	—	—	5,7	86,7

При ответе на данный вопрос самую четкую (практически 100%) этническую идентификацию продемонстрировали русские, лишь 1,9% от всего числа русских респондентов отчасти «считают» себя башкирами. Этническую идентификацию удмуртов (86,7%) и татар (73,5%) также можно охарактеризовать как четкую. Наличие амбивалентной этнической идентичности наблюдается у башкир: «не считают» себя башкирами 25,6% респондентов, полностью «считают» себя башкирами только 19,0% респондентов.

Таким образом, можно говорить о двойственной этнической идентичности башкир, так как 28,5% респондентов башкир полностью «считают» себя татарами. Большинство (53,5%) респондентов-башкир «считают» себя отчасти башкирами, а 44,0% башкир «считают» себя отчасти татарами. Очевидно, сказывается культурная и конфессиональная близость татарского и башкирского этносов, что приводит к размыванию этнических границ между этими народами. Здесь можно отметить только то, что такого рода тенденции у респондентов-башкир более выражены, чем у татар.

Проанализировав данные, помещенные в блок этнической идентичности, мы приходим к выводу, что в целом русские, татары и удмурты продемонстрировали более выраженную, четкую и определенную этническую самоидентификацию по сравнению с башкирами.

В целом проведенный анализ позволяет выявить достаточно четкие этнокультурные ориентиры у представителей обследованных групп – русский и татарский языки и культуры в целом. Так, удмурты отчасти тяготеют к первому полюсу, а башкиры – ко второму. Вероятно, таким образом представители групп, ощущающих некую угрозу собственной этнической идентичности, стремятся сохранить или восстановить позитивную «Я-концепцию», идентифицируясь с группами, обладающими более высоким социальным статусом или более успешно приспособившимися к современным условиям жизни.

Однако утрата позитивной этнической идентичности приводит к активизации механизмов социально-психологической защиты и, таким образом, может стать предпосылкой интолерантности в межэтнических отношениях. С учетом такой опасности,

исследованию этнической толерантности представителей
обследованных этнических общностей посвящен отдельный
параграф.

Результаты исследования этнической толерантности в межкультурном взаимодействии

В этом параграфе представлен анализ ответов на вопросы, относящиеся к проблеме этнической и религиозной толерантности (терпимости) и интолерантности (нетерпимости). Эти проблемы имеют особенное значение для поликультурного региона, которым является Башкирия, поскольку здесь встречаются не только разные культуры, но и разные конфессии.

а) Этноинтегрирующие и этнодифференцирующие факторы

В Табл. 14 представлены данные, демонстрирующие отношение к религии как фактору, объединяющему (интегрирующему) с одними народами и разделяющему (дифференцирующему) с другими.

Таблица 14. Представление о религии как интегрирующем и дифференцирующем факторе

Народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга	Доля ответов в выборке, %			
	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Не согласен	9,5	15,2	9,5	9,5
Не знаю	15,2	13,3	20,9	19,0
Согласен	75,3	71,5	69,6	71,5

Большинство опрошенных представителей всех четырех этнических групп считают, что религия выполняет интегрирующую роль и способствует взаимопониманию народов, исповедующих одну конфессию. Большой процент респондентов, отмечающих дифференцирующую (разделяющую) роль религии, по сравнению с другими опрашиваемыми группами, оказался среди татар (15,2%). Возможно, татары стремятся к выстраиванию групповых границ для сохранения своей идентичности.

Также вызвало интерес, насколько фатальными считают респонденты этнические границы, насколько этническая принадлежность может разделять людей и осложнять их взаимопонимание. Данные по этому вопросу представлены в Табл. 15.

Полученные результаты показывают, что чуть менее половины респондентов (от 47,8 до 50,7%) во всех четырех этнических группах полагают, что этническая принадлежность всегда будет разъединять людей. Чаще всего с таким утверждением соглашаются русские.

Таблица 15. Отношение к национальности как к разделяющему признаку

Вариант ответа	Доля ответов в выборке, %			
	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
<i>Национальная принадлежность всегда будет разъединять людей</i>				
Не согласен	23,7	34,2	33,2	37,0
Не знаю	28,5	17,1	16,1	15,2
Согласен	47,8	48,7	50,7	47,8
<i>Появление в семье человека другой национальности осложняет взаимопонимание</i>				
Не согласен	50,7	50,7	45,6	50,7
Не знаю	16,7	10,1	20,9	21,8
Согласен	32,6	39,2	33,5	27,5
<i>Я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности</i>				
Не согласен	47,8	51,6	29,4	45,2
Не знаю	7,6	4,7	7,6	9,5
Согласен	44,6	43,7	63,0	45,2

В отношении к утверждению «Я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности», респонденты разделились практически поровну. Больше всего респондентов, предпочитающих, чтобы их окружали люди их национальности, оказалось среди русских (63,0%).

Скорее всего, противоречивые на первый взгляд тенденции, отразившиеся в ответах респондентов на вопросы об их отношении к национальности как к дифференцирующему признаку, свидетельствуют о процессах, связанных с желанием избежать этнокультурного смешения. С одной стороны, опрошенные признают, что национальность играет дифференцирующую (разделяющую) роль, и хотят, чтобы их окружали люди их национальности. С другой стороны, они демонстрируют приемлемость межэтнических браков. Исследование проводилось в исторически сформировавшемся поликультурном регионе, населяющие его народы имеют опыт

многовекового сосуществования на одной территории, к тому же населенные пункты остаются преимущественно однородными по этническому составу.

б) Оценка проницаемости культурных границ.

В Табл. 16 представлены данные, отражающие мнения респондентов о том, насколько люди одной культуры могут сохранять и развивать культуру другого народа.

Таблица 16. Оценка проницаемости культурных границ

<i>Думаю, что органично развивать и сохранять национальную культуру могут только люди этой национальности</i>	Доля ответов в выборке, %			
	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Не согласен	24,7	39,9	27,5	25,6
Не знаю	22,8	6,6	16,1	29,4
Согласен	51,9	53,5	56,4	45,0

Среди представителей всех четырех исследуемых этнических групп, населяющих север Башкирии, больший процент респондентов (от 45,0 до 56,4%) согласны с предложенным утверждением, т.е. склонны рассматривать культурные границы как непроницаемые. Нужно отметить, что, как и в предыдущем случае (см. Табл.15), мнения респондентов разделились: половина респондентов согласна с тем, что органично развивать и сохранять национальную культуру могут только люди этой национальности, другая половина не считает культурные границы непроницаемыми.

Изучая этническую толерантность, респондентов просили оценить следующее утверждение: «Честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов». Результаты представлены в Табл. 17.

Большинство респондентов толерантно относятся к представителям других этнических групп, но все-таки около четверти опрошиваемых согласились с тем, что предпочли бы не общаться с представителями некоторых народов. Интересно, что самыми толерантными оказались башкиры, среди которых лишь 15,2% согласны с данным утверждением, а самый высокий процент интолерантно настроенных респондентов – среди опрошенных татар (30,4%) и удмуртов (29,4%).

Таблица 17. Честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов

<i>Честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов</i>	Доля ответов в выборке, %				
	Всего	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Согласен	24,7	15,2	30,4	24,7	29,4
Не знаю	3,8	1,9	2,8	9,5	1,9
Не согласен	71,5	82,9	66,8	65,8	68,7

Респондентам, которые согласились с утверждением «*Честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов*», предлагалось ответить на вопрос «*Каких и почему?*». Нужно сразу отметить, что на этот вопрос респонденты отвечали неохотно, но анализ этих качественных характеристик дал следующие результаты: респонденты–башкиры при ответе на этот вопрос чаще всего упоминали удмуртов (*упрямые, много пьют*). Респонденты–татары чаще всего упоминали башкир (*грубый язык*). Русские респонденты чаще всего упоминали чеченцев (*бандиты, из-за них погибло много наших парней*). Респонденты-удмурты чаще всего называли татар (*слишком наглые, злые, с ними неприятно общаться, мусульмане*) и башкир (*высокомерные, злые, мусульмане*).

Очевидно, что ориентация удмуртов на межэтническое взаимодействие, о которой говорилось по результатам анализа данных, представленных в Табл. 15, распространяется только на конкретную этническую общность – русских.

Таким образом, ответ на этот вопрос подтверждает предположение о тенденции татар к подчеркиванию (или искусственному созданию) неких границ с башкирами, которое было выдвинуто при анализе ответов на вопрос о религиозной близости (Табл. 16).

Также были проанализированы этнические гетеростереотипы представителей четырех обследуемых групп, населяющих Северную Башкирию, и социальная дистанция между этническими группами.

в) Валентность этнических стереотипов.

В Табл. 18 представлены данные по валентности этнических стереотипов основных этнических групп республики (соотношение позитивных и негативных оценочных компонентов этнических авто- и гетеростереотипов).

Таблица 18. Валентность этнических стереотипов (в %)

Оценочные компоненты	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
<i>Этнические стереотипы башкир</i>				
Позитивные	73,4	72,5	37,0	27,5
Нейтральные	7,6	9,5	12,3	19,9
Негативные	19,0	18,0	50,7	52,6
<i>Этнические стереотипы татар</i>				
Позитивные	76,3	94,3	39,6	33,2
Нейтральные	10,4	—	14,2	7,6
Негативные	13,3	5,7	46,2	59,2
<i>Этнические стереотипы русских</i>				
Позитивные	85,8	79,6	88,3	82,0
Нейтральные	8,5	6,6	9,5	10,4
Негативные	5,7	13,8	11,4	7,6
<i>Этнические стереотипы удмуртов</i>				
Позитивные	43,0	56,4	53,5	69,6
Нейтральные	26,6	21,8	15,2	17,1
Негативные	30,4	21,8	31,3	13,3

Преобладание негативных гетеростереотипов указывает на действие механизмов психологической защиты с целью сохранения группы себя как целого, на сопротивление инокультурному влиянию, на неадекватность межгруппового восприятия. Преобладание позитивных гетеростереотипов при позитивной групповой самоидентификации свидетельствует о наличии положительного образа другой группы, об этнической толерантности, об адаптивности в иной культуре. Резкое преобладание позитивных гетеростереотипов при негативной самооценке ингруппы говорит о разрушении данной группы как

самостоятельного субъекта межгруппового взаимодействия (Лебедева, 1993).

Из анализа данных, представленных в Табл. 18, следует, что наиболее благоприятный баланс между позитивными и негативными этническими стереотипами в сознании всех опрошенных представителей этносов Северной Башкирии складывается для русских. Наибольшее количество негативных гетеростереотипов респонденты приписывают башкирам и татарам. Имеются и характерные особенности межгруппового (межэтнического) восприятия: так, наиболее толерантно (по сравнению с другими группами) относятся башкиры к русским и татарам (причем гетеростереотип русских и татар у башкир более позитивен, чем автостереотип); татары, в свою очередь, более толерантно относятся к русским и башкирам, русские – к удмуртам, а удмурты – к русским. Если анализировать обратный уклон, то выясняется, что наиболее негативно удмурты воспринимают татар, а затем башкир; русские же наиболее негативно воспринимают башкир, а затем татар. По мнению автора, в этих образах социальной перцепции отражается некая «статусная иерархия» и особенности отношения представителей разных этнических групп к более позитивно оцениваемым группам и менее позитивно оцениваемым группам. Из анализа гетеростереотипов можно сделать вывод о том, что наименее позитивно оцениваемой группой в регионе являются удмурты, а наиболее позитивно оцениваемой – русские.

г) Шкала социальной дистанции.

Следующим показателем межэтнических установок являются данные, полученные с помощью шкалы социальной дистанции Э. Богардуса (*Bogardus*, 1959), представленные в Табл. 19.

Результаты анализа массива данных показали, что наименьшая социальная дистанция у опрошенных жителей Северной Башкирии – с башкирами, а наибольшая – с русскими (см. Табл. 19а). У башкир наименьшая социальная дистанция с татарами, а наибольшая – с русскими (см. Табл. 19б), у татар наименьшая социальная дистанция с башкирами, а наибольшая – с удмуртами и русскими (см. Табл. 19в). У удмуртов наиболее близкая социальная дистанция с русскими и наименее – с башкирами (см. Табл. 19г), а у русских наименьшая социальная дистанция с татарами, а наибольшая – с удмуртами (см. Табл. 19д).

В данных, полученных с помощью методики социальной дистанции Богардуса, находят отражение как близость–отдаленность культур, так и вышеупомянутая иерархия статусов.

Итак, анализ данных, включенных в блок этнической толерантности, позволяет сделать следующий общий вывод: представители всех четырех этнических групп признают дифференцирующую (разделительную) роль этничности и религии и при этом сохраняют толерантное отношение друг к другу, о чем свидетельствуют преобладание позитивных гетеростереотипов и близкая социальная дистанция между представителями групп.

Таблица 19. Уровень социально-психологической близости

<i>а) Уровень социально-психологической близости общего массива респондентов с представителями исследуемых этнических групп, %</i>				
Степень принятия представителей этнической группы	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Жителя республики	31,3	32,3	39,3	35,5
Соседа	13,3	17,1	14,2	10,4
Близкого друга	12,3	16,1	13,3	19,0
Родственника через браки детей	43,2	34,5	33,2	35,1
<i>б) Уровень социально-психологической близости башкир с представителями исследуемых этнических групп, %</i>				
Жителя республики	34,8	8,6	55,8	28,6
Соседа	—	6,6	11,6	34,3
Близкого друга	7,6	17,0	16,3	8,5
Родственника через браки детей	57,8	68,0	16,3	28,6
<i>в) Уровень социально-психологической близости татар с представителями исследуемых этнических групп, %</i>				
Жителя республики	41,1	15,2	40,3	35,5
Соседа	7,6	10,4	19,9	29,4
Близкого друга	15,2	8,5	19,9	19,0
Родственника через браки детей	36,1	65,9	19,9	16,1
<i>г) Уровень социально-психологической близости русских с представителями исследуемых этнических групп, %</i>				
Жителя республики	56,4	40,3	5,8	55,4
Соседа	11,4	19,9	1,9	23,7
Близкого друга	16,1	19,9	9,5	7,6
Родственника через браки детей	16,1	19,9	82,8	13,3
<i>д) Уровень социально-психологической близости удмуртов с представителями исследуемых этнических групп, %</i>				
Жителя республики	63	39,3	27,5	13,3

Соседа	8,5	18,0	9,5	3,8
Близкого друга	11,4	18,0	32,6	13,3
Родственника через браки детей	17,1	24,7	30,4	69,6

д) Этнолингвистический аспект.

Для индивидов с биэтнической идентичностью характерен высокий уровень компетентности как в «своем» (который он считает родным), так и в «чужом» языке (языке другой этнической группы). Сильная идентификация с другими группами (по языку) свидетельствует о тенденции к интеграции и бикультурации, поэтому рассмотрен этнолингвистический аспект – степень владения другими языками. Респондентам задавался вопрос о знании языков других этносов изучаемого региона: «*В какой степени (свободно; хорошо; понимаю, но не говорю; совсем не владею) Вы владеете наиболее распространенными языками Башкортостана?*». Данные ответов респондентов приведены в Табл. 20.

Таблица 20. В какой степени Вы владеете наиболее распространенными языками Башкортостана?

<i>В какой степени вы владеете башкирским языком?</i>					
Вариант ответа	Общ. масс.	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Свободно	6,5	5,7	8,6	—	9,8
Хорошо	13,8	34,6	8,6	—	11,7
Понимаю, но не говорю	30,8	34,6	58,6	12,0	17,6
Совсем не владею	48,9	25,0	21,7	88,0	60,7
<i>В какой степени вы владеете татарским языком?</i>					
Свободно	39,4	65,3	73,9	—	19,6
Хорошо	20,3	30,7	19,5	2,0	25,4
Понимаю, но не говорю	14,1	2,0	2,1	22,0	31,3
Совсем не владею	26,2	2,0	4,3	76,0	23,5
<i>В какой степени вы владеете русским языком?</i>					
Свободно	71,4	50,0	65,2	100	70,5
Хорошо	28,6	50,0	32,5	—	29,5
Понимаю, но не говорю	—	—	—	—	—

Совсем не владею	—	—	—	—	—
<i>В какой степени вы владеете удмуртским языком?</i>					
Свободно	21,0	—	—	—	84,3
Хорошо	2,9	—	—	—	11,7
Понимаю, но не говорю	1,6	2,0	2,0	—	2,0
Совсем не владею	74,5	98,0	98,0	100	2,0

Удмурты в языковом отношении наиболее интегрированы в регионе, кроме знания удмуртского и русского языков, башкирским языком владеют «свободно» 9,8% и «хорошо» 11,7% удмуртов, татарским языком владеют «свободно» 19,6% и «хорошо» 25,4% удмуртов.

Что касается удмуртского языка, то кроме удмуртов, «понимают, но не говорят на нем» только 2% татар и башкир. Таким образом, удмуртский язык оказался наименее популярным в регионе.

Среди башкир башкирским языком владеет («хорошо» и «свободно») 40,3%, татарским языком владеют 96% башкир. 17,2% татар владеет башкирским языком и 93,4% знают («хорошо» и «свободно») татарский язык.

Наименее интегрированными в языковом отношении оказались русские, так среди русских респондентов кроме русского языка «понимают, но не говорят» на татарском 22,0 % и на башкирском 18,0%, и только 2,0% русских оценили знание татарского языка с помощью оценки «хорошо».

В целом по региону наиболее распространен русский язык, татарским языком владеет («хорошо» и «свободно») 59,7% от всего массива опрошенных. Удмуртским языком владеет 23,9% среди респондентов, и лишь 20,3% опрошенных знают башкирский язык. Эти данные говорят об этнолингвистической специфике данного региона Башкирии.

Таким образом, по результатам качественного и количественного анализа показателей сложившейся этнической идентичности представителей четырех обследованных этнических групп можно отметить следующее.

Безусловно, существует определенная специфика формирования основных компонентов этнической идентичности в зависимости от принадлежности индивида к группе с тем или иным социальным статусом.

В случае угрозы сложившейся этнической идентичности субъект может избрать разные стратегии поведения с целью поддержания позитивной идентичности: снизить субъективную значимость своей этнической идентичности, ориентироваться на идентификацию с другой этнической общностью, обладающей более высоким социальным статусом (ассимиляция), активизировать защитные механизмы внутригрупповой суггестии и внешнегрупповой контрсуггестии, что закономерно приведет к развитию этнической интолерантности. Необходимо отметить, что любая из перечисленных стратегий может работать как на индивидуальном, так и на групповом уровне.

Анализ основных этнокультурных установок представителей населения севера Башкирии

а) Традиционализм/модернизм

Этот блок тесно связан с предыдущим и по смыслу нацелен на анализ тенденций традиционализма и модернизма, т.е. ориентаций на сохранение этнических и культурных традиций или на отказ от них в пользу современных общественных преобразований.

Показателем этнокультурных установок **традиционализм–модернизм** стали следующие суждения: *«Надо стремиться поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа»*; *«Мне не нравится, что в нашей культуре появилось слишком много чужеродных элементов»*; *«Считаю, что приобщение моего народа к мировой цивилизации важнее возрождения национальных традиций»*. В Табл. 21 приведены данные ответов респондентов на вопросы этого блока.

Таблица 21. Этнокультурные установки (в %)

<i>Надо стремиться поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа</i>				
Вариант ответа	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Согласен	84,8	94,3	94,3	82,0
Не знаю	9,5	1,9	1,9	9,5
Не согласен	5,7	3,8	3,8	8,5
<i>Мне не нравится, что в нашей культуре появилось</i>				

<i>слишком много чужеродных элементов</i>				
Согласен	38,0	58,9	64,6	44,0
Не знаю	27,5	5,7	13,0	33,0
Не согласен	34,5	35,4	22,0	23,0
<i>Считаю, что приобщение моего народа к мировой цивилизации важнее возрождения национальных традиций</i>				
Согласен	46,5	56,0	60,8	43,2
Не знаю	39,3	28,8	16,1	32,7
Не согласен	14,2	14,2	24,1	24,1

Большинство респондентов склонны к традиционализму – во всех четырех опрошенных группах показатель признания актуальности обычаев достаточно высок. Анализ ответов на первый вопрос позволяет сделать вывод о том, что русские и татары в большей степени традиционалисты, чем башкиры и удмурты.

При ответах на следующий вопрос респонденты сохранили ту же тенденцию, и большинство из них согласилось с утверждением «*Мне не нравится, что в нашей культуре появилось слишком много чужеродных элементов*». Однако, несмотря на склонность к традиционализму, многие из респондентов выразили позитивное отношение к появлению чужеродных элементов в их культуре. Так, среди татар и башкир процент таких респондентов составил соответственно 35,4 и 35,5%.

При анализе отношения опрошенных к высказыванию: «*Приобщение моего народа к мировой цивилизации важнее возрождения национальных традиций*», обнаружилось, что наиболее ориентированными на модернизм оказались русские и татарские респонденты в данном виде этнокультурных установок. При ответе на данный блок вопросов можно увидеть противоположные тенденции в ответах респондентов: так, русские и татары демонстрируют свою приверженность и к традиционализму, и к модернизму. Респонденты согласны с утверждением «*Надо стремиться поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа*» и в то же время согласны с тем, «*что приобщение моего народа к мировой цивилизации важнее возрождения национальных традиций*» – таким образом, они не склонны противопоставлять свою этническую культуру мировой цивилизации. При этом стремящихся к возрождению своих национальных традиций несколько больше, чем тех, кто ориентирован на приобщение к цивилизации, унифицирующей и стирающей различия. Такие тенденции прослеживаются в ответах и башкир, и удмуртов.

Важным показателем традиционализма-модернизма является отношение к религии и восприятие себя как представителя традиционной конфессии своего народа. Данные ответов на эти вопросы представлены в Табл. 22.

Большой процент респондентов во всех обследованных этнических группах воспринимает себя верующими людьми, т.е. демонстрирует высокую позитивную значимость принадлежности к определенной конфессии.

Большинство опрошенных относит себя к традиционным вероисповеданиям. Башкиры и татары традиционно являются мусульманами, русские – православными. Удмурты, населяющие север Башкирии, придерживаются традиционных языческих верований; 20,1% удмуртов, относящих себя к православной религии, в большинстве своем жены (снохи), которых в последнее время стало популярным привозить из Удмуртии, где православие среди удмуртов распространено в большей степени. 41,3% удмуртов на вопрос «Насколько Вы религиозны?» ответили «Совсем нет»: возможно, таким образом респонденты подчеркивают свою приверженность традиционным верованиям. Также можно отметить то, что в обследуемых районах среди русских практически не встречаются представители старообрядчества, которое является достаточно распространенным явлением в Южном Приуралье. В селе Аскино есть старообрядческая община, но в данную выборку старообрядцы не попали.

Таблица 22. Принадлежность к традиционным конфессиям

<i>Какую религию Вы исповедуете?</i>				
Вариант ответа	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Мусульманство	73,0	65,0	—	1,9
Православие	1,9	—	75,0	20,1
Язычество	—	—	—	51,0
Никакую	24,1	35,0	25,0	27,0
<i>Насколько Вы религиозны?</i>				
Вариант ответа	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Совсем нет	23,2	35,0	27,3	41,3
Средне	73,0	63,1	68,0	53,0
Очень	3,8	1,9	4,7	5,7

В основном респонденты во всех этнических группах отметили средний уровень религиозности. Скорее всего, отсутствие ярко выраженной религиозной компоненты в столь сложном в конфессиональном плане регионе позитивно влияет на уровень толерантности в межэтнических отношениях.

Анализируя данные, которые помещены в блок «Этнокультурные установки», можно сделать следующие выводы: большинство респондентов во всех четырех опрошенных группах склонны к традиционализму; наиболее ориентированными на модернизм оказались респонденты среди русского и татарского населения.

б) Коллективизм–индивидуализм.

Одним из наиболее значительных «культурных синдромов» (*Triandis, 1994*) является индивидуализм-коллективизм. В данном исследовании он измерялся с помощью ряда методов и вопросов. Первым из них стал метод Куна и Макпартленда «Кто я?» (*Kuhn, McPartland, 1954*). Показателем степени выраженности индивидуализма-коллективизма была частота использования респондентами индивидуально-личностных или групповых самохарактеристик. Данные по методу «Кто я?» представлены в Табл. 23.

Таблица 23. Частота использования групповых и индивидуально-личностных характеристик (в %)

Вариант ответа	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
<i>Коллективизм</i>				
Нет групповых характеристик	11,5	8,6	9,2	7,8
1 характеристика	3,8	15,2	7,4	7,8
2 характеристики	5,7	15,2	7,4	13,7
3 характеристики	5,7	6,5	18,5	11,7
4 характеристики	26,9	13,0	18,5	25,4
5 характеристик	30,7	30,4	31,4	17,6
6 характеристик	15,3	10,8	7,4	15,6
<i>Индивидуализм</i>				
Нет индивидуалистических характеристик	28,8	19,5	16,6	27,4
1 характеристика	40,3	36,9	50,0	43,1

2 характеристики	15,3	13,0	12,9	11,7
3 характеристики	5,7	6,5	9,2	9,8
4 характеристики	—	8,6	3,7	3,9
5 характеристик	5,7	8,6	3,7	1,9
6 характеристик	3,8	6,5	3,7	1,9

Как видно из приведенных данных, в самоконцепциях респондентов во всех этнических группах приоритет отдается групповым характеристикам – они в среднем в два раза чаще присутствуют в «Я-образах» респондентов. Это является подтверждением того положения, что культуры Башкирии принадлежат к одному, коллективистскому типу культур, членам которых свойственно преобладание групповой, или «Мы-идентичности», над личностной.

Далее в анкете присутствовали вопросы, диагностирующие индивидуалистические или коллективистские тенденции в установках респондентов разных этнических групп. В частности, в Табл. 24 анализируются этноаффилятивные мотивы личности, т.е. значимость для личности ее групповой (этнической) принадлежности.

Таблица 24. Этноаффилятивные тенденции (в %)

Вариант ответа	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
<i>Интересы народа важнее, чем интересы личности</i>				
Согласен	63,6	54,5	59,3	68,8
Не знаю	19,2	19,5	18,5	15,6
Не согласен	17,2	26,0	22,2	15,6
<i>Перед тем, как сделать что-то важное, я советуюсь с семьей и друзьями</i>				
Согласен	85,1	83,1	90,9	86,1
Не знаю	3,8	3,8	—	5,7
Не согласен	11,1	13,1	9,1	8,2
<i>Обычно я жертвую своими интересами ради интересов коллектива</i>				
Согласен	72,3	75,4	68,0	68,0
Не знаю	12,3	12,3	16,6	17,8
Не согласен	15,4	12,3	15,4	14,2

Таким образом, в сознании большинства респондентов доминируют этноаффилятивные тенденции, т.е. интересы своего

народа, своей этнической группы рассматриваются как более важные, чем интересы отдельной личности. Менее всего этноаффилятивные тенденции выражены в сознании русских и татар.

Следующие вопросы анкеты, относящиеся к данному блоку, также показывают преобладание коллективистских установок в ценностных ориентациях респондентов основных этнических групп севера Башкирии. Уровень этнической аффилиации (коллективизм–индивидуализм) был исследован с помощью ряда утверждений: «Обычно я жертвую своими интересами ради интересов коллектива», «Перед тем, как сделать что-то важное, я советуюсь с семьей и друзьями» и др. Свое отношение респондентам предлагалось выразить по пятибалльной шкале от 1 (абсолютно не согласен) до 5 (абсолютно согласен).

Сильнее всего коллективистские тенденции просматриваются в желании советоваться с семьей и друзьями при принятии решений, что отражает высокую потребность в социальной поддержке у членов коллективистских культур, причем у русских эта тенденция выражена несколько сильнее. Что касается готовности пожертвовать своими интересами ради интересов коллектива, то данная установка сильнее всего выражена у татар и башкир, слабее – у русских и удмуртов, что может свидетельствовать о том, что в русской и удмуртской культуре сильнее выражены тенденции индивидуализма по сравнению с башкирской и татарской культурами Башкирии.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Корреляционный анализ результатов исследования

С помощью корреляционного анализа была сделана попытка выяснить характер взаимосвязи между этнической идентичностью и толерантностью, а также факторы, сопряженные с этой взаимосвязью.

Валентность этнической идентичности в исследовании определялась с помощью метода этнических стереотипов Д. Катца и К. Брели и вопроса «Какие чувства вызывает у Вас принадлежность к своей нации?» (*Katz, Braly, 1933*).

Прежде всего, хотелось выяснить, как валентность этнической идентичности связана с межэтническими установками у представителей обследованных этнических групп башкир, татар, русских и удмуртов.

Таблица 25. Корреляции между валентностью этнических автостереотипов и гетеростереотипов

Позитивные автостереотипы	Позитивные гетеростереотипы	Коэффициент корреляции
Башкиры	Татары	.64***
	Русские	.61***
	Удмурты	.31*
Татары	Башкиры	.32*
	Русские	.60***
	Удмурты	.57***
Русские	Башкиры	.53***
	Татары	.69***
	Удмурты	.26*
Удмурты	Башкиры	.37**
	Татары	.52***
	Русские	.51***

*** – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,001$

** – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,01$

* – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,05$

Наличие достоверных прямых корреляций между направленностью авто- и гетеростереотипов подтверждает тезис о связи позитивной этнической идентичности и этнической толерантности. Согласно данным многочисленных кросс-культурных исследований (*Лебедева, 1997; Berry, Pleasants, 1984; Малхозова, 1999, Левкович, Андрущак, 1995*) позитивная этническая идентичность способствует формированию этнической толерантности. Негативные элементы в структуре этнической идентичности (негативные автостереотипы и негативные чувства, связанные с этнической принадлежностью), а также опыт этнической дискриминации способствуют формированию этнической интолерантности (нетерпимости) (*Лебедева, 1997*).

Таблица 26. Корреляции между валентностью чувств, связанных с этничностью и другими социально-психологическими показателями межкультурного взаимодействия

Чувства, связанные с этничностью	Социально-психологические показатели межэтнического взаимодействия	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты

Позитивные чувства, связанные с этничностью	Установки на внутриэтническую консолидацию	.32*	.48***	—	-.42**
	Позитивные автостереотипы	—	.33*	—	—
	Высокий ранг этничности	—	—	.27*	—

*** – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,001$

** – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,01$

* – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,05$

В Табл. 26 представлены корреляции между валентностью чувств, связанных с этничностью, и другими социально-психологическими показателями межэтнического взаимодействия представителей четырех обследованных этнических групп.

У башкир, татар и удмуртов позитивные чувства, связанные с этничностью, коррелируют с установками на внутриэтническую консолидацию. У татар позитивные чувства, связанные с этничностью, коррелируют также с позитивностью автостереотипов. У русских позитивные чувства, связанные с этничностью, связаны со значимостью этнической принадлежности. У удмуртов же позитивные чувства, связанные с этничностью, отрицательно коррелируют с установками на внутриэтническую консолидацию.

Также было интересно выявить, как значимость этнической принадлежности связана с другими показателями межэтнического взаимодействия.

Таблица 27. Взаимосвязь значимости этнической принадлежности с другими показателями межкультурного взаимодействия

Значимость/незначимость этнической принадлежности	Социально-психологические показатели межэтнического взаимодействия и этнической идентичности	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Незначимость этнической принадлежности	В большей степени «считают» себя русскими	.32*	—	—	—
	Четкость этнической идентичности	—	—	.33*	.30*
	Этническая толерантность	—	—	.30*	.29*
	Индивидуализм	—	—	.28*	—

	Позитивные гетеростереотипы башкир	—	—	—	.29*
	Уменьшение социальной дистанции с башкирами	—	—	—	.31*
	Уменьшение социальной дистанции с татарами	—	—	—	.32*
	Хорошее знание русского языка	—	—	—	.42**
Значимость этнической принадлежности	В большей степени «считают» себя татарами	.37**	—	—	—
	Чувствительность к оскорблениям по национальному признаку	.29*	—	—	—
	Уменьшение культурной дистанции с русскими	—	.37**	—	—
	Дифференциация по религиозному принципу	—	—	.30*	—
	Этническая интолерантность	—	—	—	.35*

* – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,05$

** – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,01$

Из анализа корреляций следует, что незначимость этнической принадлежности у башкир связана с тем, что они в большей степени «считают» себя русскими, а значимость этнической принадлежности у башкир связана с тем, что они «считают» себя татарами и чувствительны к оскорблениям по национальному признаку – *«меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа»*. У русских незначимость этнической принадлежности связана с четкостью этнической идентичности, этнической толерантностью и индивидуализмом, а значимость этнической принадлежности коррелирует с осознанием межконфессиональных различий между народами. У удмуртов менее значимая этническая принадлежность, как и у русских, коррелирует с четкостью этнической идентичности, а также с позитивными гетеростереотипами башкир, уменьшением социальной дистанции с башкирами и татарами, хорошим знанием русского языка и этнической толерантностью. Значимость этнической принадлежности у удмуртов связана с нечеткой этнической идентичностью и этнической толерантностью. У татар значимость этнической принадлежности связана с уменьшением культурной дистанции с русскими.

У русских и удмуртов прослеживается взаимосвязь этнической толерантности и четкости этнической принадлежности с незначимостью этнической принадлежности, а значимость этнической принадлежности взаимосвязана с дифференциацией по религиозному принципу (у русских) и этнической интолерантностью (у удмуртов).

В Табл. 28 приведены данные корреляционного анализа о том, какие социально-психологические факторы могут быть связаны с межэтническими установками представителей всех четырех обследуемых групп на этническую толерантность/интолерантность.

Общая этническая интолерантность у башкир связана с негативными установками на межэтнические браки. У татар этническая интолерантность коррелирует с чувствительностью к оскорблениям по этническому признаку. У русских общая этническая интолерантность связана с увеличением социальной дистанции с башкирами и так же, как у татар, с чувствительностью к оскорблениям по этническому признаку.

Таблица 28. Корреляции установок на этническую толерантность–интолерантность с другими социально-психологическими показателями

Установки на этническую толерантность/ интолерантность	Социально-психологические показатели межэтнического взаимодействия	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Общая этническая интолерантность	Негативные установки на межэтнические браки	.30*	—	—	—
	Увеличение социальной дистанции с башкирами	—	—	.34*	—
	Чувствительность к оскорблениям по национальному признаку	—	.36**	.30*	—
	Амбивалентность этнической идентичности	—	—	—	.53***

* – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,05$

** – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,01$

*** – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,001$

Анализ ответов респондентов на вопросы, оценивающие амбивалентность-четкость этнической идентичности и степень идентификации с представителями иноэтнических групп, позволил отнести башкир к группе, обладающей амбивалентной этнической идентичностью, а русских, татар и удмуртов – к категории этнических групп, обладающих четкой этнической идентичностью. В Табл. 29 приведены коэффициенты корреляции одного из утверждений, оценивающих амбивалентность-четкость этнической идентичности («Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу») с показателями этнической толерантности-интолерантности, а также установками на поддержание своей культуры.

Таблица 29. Взаимосвязь четкости-амбивалентности этнической идентичности и показателей межэтнического взаимодействия

Четкость-амбивалентность этнической идентичности	Показатели межэтнического взаимодействия	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Четкая этническая идентичность	Этническая толерантность	—	.20*	.24*	.22*
	Уменьшение социальной дистанции с башкирами	—	.22*	—	—
	Установки на поддержание своей культуры	—	.30**	.30**	.32**
Амбивалентная этническая идентичность	Уменьшение социальной дистанции с татарами	.37**	—	—	—
	Уменьшение социальной дистанции с русскими	-.38**	—	—	—
	Установки на поддержание своей культуры	.25*	—	—	—

* – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,05$

** – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,01$

Корреляционные связи, приведенные в Табл. 29, позволяют отметить следующее. Четкая этническая идентичность у татар, русских и удмуртов сопряжена с этнической толерантностью. Четкость и уверенность в собственной этнической идентичности, возможно, способствует уменьшению социальной дистанции между татарами и башкирами. У представителей татар, русских и удмуртов прослеживается связь четкости их этнической идентичности с установками на поддержание культуры. Наличие ясной этнической идентичности у русских, удмуртов и татар, видимо, способствует их стремлению к поддержанию и сохранению собственной культуры.

Амбивалентная этническая идентичность башкир связана с аналогичными тенденциями. В Табл. 29 приведены коэффициенты корреляции амбивалентной этнической идентичности башкир с

показателями социальных дистанций с двумя соседними иноэтническими группами. Отрицательная связь позволяет сказать, что амбивалентность этнической идентичности башкир сопряжена с увеличением социальной дистанции с русскими. Положительная связь свидетельствует о том, что амбивалентная этническая идентичность в то же время сопряжена с уменьшением социальной дистанции с татарами.

При этом необходимо отметить, что амбивалентная этническая идентичность башкир так же, как и четкая этническая идентичность татар, русских и удмуртов, сопряжена с установками на поддержание своей культуры. Установки на поддержание культуры детерминируются множеством факторов и, видимо, амбивалентность–четкость этнической идентичности является одним из них.

В процессе социально-психологической адаптации к поликультурной среде группы вырабатывают так называемые стратегии межэтнического взаимодействия (*Лебедева, Татарко, 2002*). Было выделено две таких стратегии: дифференциация по этническому признаку и поддержание своей культуры. Необходимо проанализировать, с какими другими социально-психологическими установками межкультурного взаимодействия они связаны (Табл. 30).

Дифференциация по этническому признаку у башкир коррелирует с негативными установками на межэтнические браки и двойственной этнической идентичностью. У татар, русских и удмуртов дифференциация по этническому признаку коррелирует со значимостью этнической принадлежности. Кроме этого, дифференциация по этническому признаку у удмуртов связана с близкой социальной дистанцией с башкирами и чувствительностью к оскорблению по этническому признаку.

Установка на поддержание собственной культуры у башкир связана с негативными установками на межэтнические браки, амбивалентностью этнической идентичности, значимостью этнической принадлежности и более выраженной религиозной идентичностью. У татар установка на поддержание собственной культуры связана с более выраженной религиозной идентичностью, установками на этническую консолидацию и четкой этнической идентичностью. У русских установка на поддержание собственной культуры коррелирует с чувствительностью к оскорблениям по национальному признаку, а у удмуртов – со значимостью этнической принадлежности.

Таблица 30. Связь стратегий межэтнического взаимодействия с характеристиками идентичности и межэтническими установками

Стратегии межэтнического взаимодействия	Социально-психологические показатели межэтнического взаимодействия	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Дифференциация по этническому признаку	Негативные установки на межэтнические браки	.29*	—	.32*	—
	Амбивалентность этнической идентичности	-.33*	—	—	—
	Значимость этнической принадлежности	—	.47***	.30*	.35**
	Уменьшение социальной дистанции с башкирами	—	—	—	.30*
	Чувствительность к оскорблениям по национальному признаку	—	—	—	.36**
Поддержка своей культуры	Негативные установки на межэтнические браки	.32*	—	.32*	—
	Амбивалентность этнической идентичности	-.33*	—	—	—
	Значимость этнической принадлежности	.38**	—	—	.33*
	Выраженность религиозной идентичности	.40**	.33*	—	—
	Установки на этническую консолидацию	—	.33*	—	—
	Четкая этническая идентичность	—	-.32*	—	—
	Чувствительность к оскорблениям по национальному признаку	—	—	.38**	—

* – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,05$

** – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,01$

*** – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,001$

Также было изучено, как уровень воспринимаемой дискриминации связан с установками в сфере межэтнического взаимодействия (Табл. 31).

Уровень воспринимаемой дискриминации у башкир и удмуртов связан со сближением с русскими (уменьшением социальной дистанции у башкир и уменьшением культурной дистанции у удмуртов). Башкиры также сближаются и с татарами (демонстрируют свободное владение татарским языком и считают татарский язык своим родным языком). У татар и русских уровень воспринимаемой дискриминации, наоборот, коррелирует с отдалением от башкир (увеличением социальной дистанции), а у татар еще и с увеличением культурной дистанции.

Таблица 31. Связь уровня воспринимаемой дискриминации и межкультурных установок

	Социально-психологические показатели межэтнического взаимодействия	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Уровень воспринимаемой дискриминации	Уменьшение социальной дистанции с русскими	.33*	—	—	—
	Уменьшение культурной дистанции с русскими	—	—	—	.28*
	Увеличение социальной дистанции с башкирами	—	-.33*	-.28*	—
	Увеличение культурной дистанции с башкирами	—	—	-.58***	—
	Увеличение социальной дистанции с татарами	—	—	-.41**	—
	Четкая этническая идентичность	—	.32*	—	—
	Выраженность религиозной идентичности	.43**	.33*	.33*	—
	Родным «считают» татарский язык	.34*	—	—	—
	Свободно владеют татарским языком	.32*	—	—	—
	Установки на поддержание собственной культуры	.27*	—	.38**	.41**
	Дифференциация по религиозному принципу	—	—	.45**	.44**
	Дифференциация по этническому признаку	—	—	—	.36**

	Коллективизм	—	—	—	.36**
--	--------------	---	---	---	-------

* – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,05$

** – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,01$

*** – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,001$

Также у татар уровень воспринимаемой дискриминации связан с четкостью этнической идентичности.

Интересно еще и то, что у башкир, татар и русских уровень воспринимаемой дискриминации связан с более выраженной религиозной идентичностью. Уровень воспринимаемой дискриминации у русских коррелирует с дифференциацией по религиозному признаку, у удмуртов – с дифференциацией по религиозному и этническому признакам и коллективизмом.

При этом уровень воспринимаемой дискриминации у башкир, русских и удмуртов связан с установками на поддержание своей культуры.

Также была рассмотрена связь установки на дифференциацию по религиозному признаку с установками в сфере межэтнического взаимодействия.

Таблица 32. Корреляция установки на дифференциацию по религиозному признаку с другими межкультурными установками

Установки на межконфессиональные сходства/различия	Социально-психологические показатели межэтнического взаимодействия	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Дифференциация по религиозному признаку	Позитивные гетеростереотипы татар	.29*	—	—	—
	Дифференциация по этническому признаку	.29*	—	.35*	—
	Установки на поддержание собственной культуры	—	—	.43**	—
	Четкость этнической принадлежности	—	—	—	.34*
	Чувствительность к оскорблениям по этническому признаку	—	—	—	.44**

* – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,05$

** – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,01$

Установки на дифференциацию по религиозному признаку у башкир коррелируют с позитивными гетеростереотипами татар и дифференциацией по этническому признаку. У русских установки на межконфессиональные сходства/различия связаны с дифференциацией по этническому признаку и установками на поддержание собственной культуры. У удмуртов установки на дифференциацию по религиозному признаку коррелируют с четкостью этнической принадлежности и чувствительностью к оскорблениям по этническому признаку.

Одними из важных культурных характеристик являются установки коллективизма-индивидуализма в сознании представителей этнических групп. Их связь с другими показателями этнической идентичности и межэтнического взаимодействия показана в Табл. 33.

Коллективизм у башкир связан с «расширением этничности» (хорошее владение татарским языком), но при этом коррелирует с позитивными чувствами, связанными с этничностью, ростом значимости этнической принадлежности и уменьшением социальной дистанции с татарами. У татар коллективизм взаимосвязан с уменьшением социальной дистанции с русскими и отрицательно коррелирует с установками на внутригрупповую этническую консолидацию. Коллективизм у русских связан с установками на внутригрупповую этническую консолидацию и с ростом значимости этнической принадлежности. У удмуртов коллективизм взаимосвязан с увеличением социальной и культурной дистанции с татарами, ростом значимости этнической принадлежности, при этом отрицательно коррелирует с установками на внутригрупповую этническую консолидацию.

Индивидуализм у башкир отрицательно коррелирует с установками на внутригрупповую этническую консолидацию (поддержание обычаев, традиций и образа жизни своего народа). При этом индивидуализм у башкир связан с более близкой социальной дистанцией с русскими и с позитивной этнической идентичностью и позитивными автостереотипами. У татар индивидуализм позитивно коррелирует с этнической толерантностью в сфере межэтнического взаимодействия, но при этом отрицательно взаимосвязан с ростом этнической значимости. Установки на индивидуализм у русских коррелируют с этнической толерантностью и с ростом этнической значимости. Индивидуализм у удмуртов

взаимосвязан с высоким рангом этнической принадлежности и увеличением социальной и культурной дистанции с татарами.

Таблица 33. Корреляции коллективизма–индивидуализма с другими социально-психологическими показателями межкультурного взаимодействия

Коллективизм–индивидуализм	Социально-психологические показатели межэтнического взаимодействия	Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Коллективизм	Хорошее знание татарского языка	0.42**	—	—	—
	Позитивные чувства, связанные с этничностью	-0.28*	—	—	—
	Значимость этнической принадлежности	0.30*	—	0.34*	0.37**
	Уменьшение социальной дистанции с татарами	0.29*	—	—	—
	Уменьшение социальной дистанции с русскими	—	0.31*	0.27*	—
	Увеличение социальной дистанции с татарами	—	—	—	-0.39**
	Увеличение культурной дистанции с татарами	—	—	—	-0.32*
	Установки на внутригрупповую этническую консолидацию	—	-0.37**	0.34*	-0.47***
Индивидуализм	Позитивные автостереотипы	0.30*	—	—	—
	Установки на внутригрупповую этническую консолидацию	-0.30*	—	—	—
	Уменьшение социальной дистанции с русскими	0.50***	—	—	—
	Позитивная этническая идентичность	0.30	—	—	—
	Этническая толерантность	—	0,39**	0.27*	—
	Значимость этнической принадлежности	—	-0.29*	0.37**	—
	Ранг этничности	—	—	—	0.37**
	Увеличение социальной дистанции с татарами	—	—	—	-0.39**
Увеличение культурной дистанции с татарами	—	—	—	-0.32*	

*– достоверность коэффициента корреляции $p < 0,05$

** – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,01$

*** – достоверность коэффициента корреляции $p < 0,001$

Анализ результатов корреляционного исследования позволяет прийти к следующим выводам:

- Позитивная этническая идентичность (позитивные автостереотипы и позитивные чувства, связанные с этничностью) взаимосвязаны с этнической толерантностью в поликультурном регионе. Негативная этническая идентичность (негативные чувства, связанные с этничностью) связаны с этнической интолерантностью.

- Четкость–амбивалентность этнической идентичности взаимосвязана с показателями этнической толерантности–интолерантности в межэтническом взаимодействии, а так же с установкой на поддержание своей культуры.

- Установки на дифференциацию по этническому признаку позитивно коррелируют со значимостью этнической принадлежности, негативными установками на межэтнические браки, отрицательно коррелируют с амбивалентной этнической идентичностью (у башкир).

- Дифференциация по религиозному признаку связана с дифференциацией по этническому признаку.

Факторный анализ установок межкультурного взаимодействия представителей населения севера Башкирии

В данном исследовании были обнаружены тенденции как толерантности, так и негативизма в отношениях между этническими группами. Подобная амбивалентность социально-психологических установок в межэтническом взаимодействии хорошо иллюстрируется данными факторного анализа, выполненного по методу главных компонент путем вращения корреляционной матрицы по типу «varimax». Обработка данных велась с помощью пакета программ Statistica 5.1 (Statsoft).

Факторный анализ ответов всего массива опрошенных

При анализе психосемантического, или ментального, поля социально-психологических установок на межэтническое взаимодействие выделились 7 основных факторов (у всего массива опрошенных), описывающих 53,5% общей дисперсии.

Первый фактор – вклад 3,24 (10%) – получил название «Татаро-башкирская надэтническая общность». В него вошли следующие переменные:

- близкая социальная дистанция с татарами (0,82);
- близкая социальная дистанция с башкирами (0,73);
- близкая культурная дистанция с татарами (0,71);
- близкая культурная дистанция с башкирами (0,65).

Анализ переменных, вошедших в первый фактор, показал, что, вероятно, в этом регионе существует так называемая надэтническая (татаро-башкирская) общность, образованная не по этническому, а по региональному (территориальному) признаку.

Второй фактор – вклад 2,44 (9,7%) – получил название «Позитивная этническая идентичность и толерантность». В него вошли следующие переменные:

- позитивные гетеростереотипы русских (0,89);
- позитивные гетеростереотипы татар (0,87);
- позитивные гетеростереотипы башкир (0,67);
- позитивные гетеростереотипы удмуртов (0,54).

При анализе переменных, вошедших во второй фактор, было отмечено наличие позитивной этнической идентичности и этнической толерантности, выражающейся в позитивных этнических авто- и гетеростереотипах русских, татар, башкир и удмуртов.

Третий фактор – вклад 2,23 (8,9%) – получил название «Удмурто–русская надэтническая общность». В него вошли следующие переменные:

- близкая социальная дистанция с удмуртами (0,75);
- близкая социальная дистанция с русскими (0,70);
- близкая культурная дистанция с удмуртами (0,74);
- близкая культурная дистанция с русскими (0,57).

Третий фактор, как и первый, свидетельствует о существовании социально-психологической общности, образованной не по этническому, а по региональному (территориальному) признаку, но на этот раз удмурто–русской надэтнической общности.

Четвертый фактор – вклад 2,0 (8,0%) – получил название «Значимость этничности». В него вошли следующие переменные:

- меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа (0,66);
- я испытываю глубокое чувство гордости, когда слышу что-либо о выдающихся достижениях моего народа (0,65);
- народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга (0,59);
- я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности (0,51);

- обычно я жертвую своими интересами ради интересов коллектива (0,43).

Пятый фактор – вклад 1,6 (6,4%) – получил название «Четкость этнической идентичности». В него вошли следующие переменные:

- даже если бы я мог выбирать, то не выбрал бы другую национальность (0,80);

- мне ближе и понятней представители того народа, к которому я принадлежу (0,77).

Переменные, вошедшие в данный фактор, говорят о четкой, определенной и позитивной этнической идентичности респондентов.

Шестой фактор – вклад 1,33 (5,3%) – получил название «Приемлемость межэтнических браков». В него вошли следующие переменные:

- если в семье появится человек другой национальности, то это осложнит взаимопонимание (0,76);

- честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов (-0,56).

Вошедшие в данный фактор переменные показывают, что установки респондентов на внутриэтнические браки связаны с этнической интолерантностью.

Седьмой фактор – вклад 1,30 (5,2%) – получил название «Усталость от национальных проблем». В него вошли следующие переменные:

- негативные чувства, связанные с этнической идентичностью, – обида, ущемленность, униженность (0,57);

- национальная принадлежность всегда будет разъединять людей (0,40).

Переменные седьмого фактора демонстрируют, что негативная этническая идентичность связана с дифференциацией по этническому принципу.

Результаты факторного анализа всего массива респондентов указывают на существование двух так называемых надэтнических общностей, образованных не по этническому, а по региональному (территориальному) признаку – татаро-башкирской и русско-удмуртской. Выявлено также действие двух разнонаправленных тенденций – этнической толерантности и позитивной этнической идентичности (позитивных этнических авто- и гетеростереотипов, четкости, определенности этнической идентичности) и этнической интолерантности и негативной этнической идентичности (установки респондентов на внутриэтнические браки, дифференциация по

этническому признаку, синдром навязанной этничности). Важно отметить, что толерантность тесно связана с позитивной этнической идентичностью, а интолерантность – с негативными компонентами этнической идентичности.

Рассмотрим более детально, что лежит в основе межэтнических установок у представителей отдельных этнических групп севера Башкирии.

Факторный анализ ответов респондентов–башкир

В результате анализа выделено 7 факторов, описывающих 64% общей дисперсии.

Первый фактор – вклад 3,5 (14,1%) – получил название «Негативная этническая идентичность и этническая интолерантность». В него вошли следующие переменные:

- негативные гетеростереотипы татар (-0,92);
- негативные гетеростереотипы русских (-0,90);
- негативные автостереотипы (-0,73);
- негативные гетеростереотипы удмуртов (-0,67);
- я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности (0,48);
- народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга (0,43).

Второй фактор – вклад 2,26 (9,0%) – получил название «Внутригрупповая этническая консолидация». В него вошли следующие переменные:

- увеличение культурной дистанции с русскими (-0,80);
- увеличение культурной дистанции с удмуртами (-0,79);
- я считаю, что судьба моего народа зависит от моих поступков (0,45).

Третий фактор – вклад 2,24 (8,9%) – получил название «Этническая интолерантность». В него вошли следующие переменные:

- если в семье появится человек другой национальности, то это осложнит взаимопонимание (0,70);
- уменьшение культурной дистанции с башкирами (0,66);
- честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов (-0,66).

Четвертый фактор – вклад 2,16 (8,6%) – получил название «Этническая толерантность». В него вошли следующие переменные:

- уменьшение социальной дистанции с русскими (0,80);

- уменьшение социальной дистанции с удмуртами (0,79);
- уменьшение социальной дистанции с башкирами (0,63).

Пятый фактор – вклад 2,14 (8,5%) – получил название «Двойственная этническая идентичность». В него вошли следующие переменные:

- я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу (-0,68);
- если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность (-0,62);
- уменьшение культурной дистанции с татарами (0,64);
- уменьшение социальной дистанции с татарами (0,62).

Шестой фактор – вклад 2,14 (8,5%) – получил название «Синдром навязанной этничности». В него вошли следующие переменные:

- меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа (0,81);
- я испытываю глубокое чувство гордости, когда слышу что-либо о выдающихся достижениях моего народа (0,78);
- я считаю, что судьба моего народа зависит от моих поступков (0,44);
- национальная принадлежность всегда будет разъединять людей (0,44).

Седьмой фактор – вклад 1,61 (6,4%) – получил название «Негативные чувства, связанные с этничностью». В него вошла лишь одна переменная:

- негативные чувства, связанные с этничностью (0,76).

В ментальном поле представителей башкирской этнической группы более выражены негативная этническая идентичность и этническая интолерантность (негативные автостереотипы и негативные гетеростереотипы татар, русских и удмуртов; дифференциация по этническому и религиозному признаку, далекая культурная дистанция с русскими и удмуртами, установки на внутриэтнические браки, амбивалентная этническая идентичность, негативные чувства, связанные с этнической идентичностью).

Этническая толерантность выражена только одним фактором, в котором выделились переменные, говорящие об уменьшении социальной дистанции с русскими, удмуртами и самими башкирами.

О двойственности этнического самосознания башкир позволяет говорить выделенный пятый фактор, в который наряду с переменными, свидетельствующими об амбивалентной этнической идентичности респондентов («Я чувствую, что мне ближе и понятней

представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу»; «Если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность»), вошли такие переменные, как близкая культурная и социальная дистанция с татарами.

Факторный анализ ответов респондентов–татар

В результате факторного анализа выборки татар выделилось 7 основных факторов, описывающих 65,4% общей дисперсии.

Первый фактор – вклад 4,01 (16%) – получил название «Этническая толерантность». В него вошли следующие переменные:

- уменьшение социальной дистанции с русскими (0,86);
- уменьшение социальной дистанции с башкирами (0,79);
- уменьшение социальной дистанции с удмуртами (0,66).
- уменьшение культурной дистанции с русскими (0,74);
- уменьшение культурной дистанции с башкирами (0,73);
- уменьшение культурной дистанции с удмуртами (0,71).

Второй фактор – вклад 3,17 (12,6%) – получил название «Позитивная этническая идентичность и толерантность». В него вошли следующие переменные:

- позитивные гетеростереотипы русских (0,86);
- позитивные гетеростереотипы удмуртов (0,82);
- позитивные гетеростереотипы башкир (0,72);
- позитивные автостереотипы (0,70).

Третий фактор – вклад 2,20 (8,8%) – получил название «Внутригрупповая этническая и конфессиональная консолидация». В него вошли следующие переменные:

- коллективизм (0,74);
- народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга (0,67);
- я считаю, что судьба моего народа зависит от моих поступков (0,61);
- увеличение культурной дистанции с башкирами (-0,44).

Четвертый фактор – вклад 2,10 (8,4%) – получил название «Амбивалентные чувства, связанные с этничностью». В него вошли следующие переменные:

- увеличение культурной дистанции с татарами (-0,82);
- негативные чувства, связанные с этнической принадлежностью (-0,78);

- если в семье появится человек другой национальности, то это осложнит взаимопонимание (0,40);
- я испытываю глубокое чувство гордости, когда слышу что-либо о выдающихся достижениях моего народа (0,32).

Пятый фактор – вклад 1,78 (7,1%) – получил название «Амбивалентная этническая идентичность и избирательная интолерантность». В него вошли следующие переменные:

- если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность (-0,82);
- я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу (-0,65);
- честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов (-0,49).

Шестой фактор – вклад 1,6 (6,6%) – получил название «Ущемленность этнических чувств». В него вошли следующие переменные:

- уменьшение культурной дистанции с татарами (0,84);
- меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа (-0,58).

Седьмой фактор – вклад 1,47 (5,9%) – получил название «Этноцентризм». В него вошли следующие переменные:

- национальная принадлежность всегда будет разъединять людей (-0,79);
- я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности (0,49).

Факторный анализ ответов татар показывает, что в сознании представителей этого этноса присутствуют две разнонаправленные тенденции: на этническую толерантность и позитивную этническую идентичность (близкая социальная и культурная дистанция с русскими, башкирами и удмуртами; позитивные автостереотипы и гетеростереотипы русских, удмуртов и башкир); об этом свидетельствуют два наиболее весомых фактора. Но вместе с этим обнаруживается тенденция амбивалентной этнической идентичности и этнической интолерантности (амбивалентные чувства, связанные с этничностью; амбивалентная этническая идентичность и интолерантность; ущемленность этнических чувств; этноцентризм). В четвертом факторе, (названом «Амбивалентные чувства, связанные с этничностью»), проявились абсолютно противоположные тенденции: увеличение культурной дистанции с татарами и негативные чувства, связанные с этнической принадлежностью, в сочетании с

негативными установками на межэтнические браки и чувством гордости за выдающиеся достижения своего народа. Это может быть связано с неудовлетворенностью татар, проживающих в исследуемом регионе, своим этническим статусом. В третьем факторе, который условно назван «Внутригрупповая этническая и конфессиональная консолидация», сочетаются, с одной стороны, коллективизм, осознание того, что судьба народа зависит от личных поступков, дифференциация по религиозному признаку («*Народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга*»), а с другой стороны – увеличение культурной дистанции с башкирами, которые тоже исповедуют ислам, но, по всей видимости, этот факт не способствует сближению народов. С учетом вышеизложенного можно говорить о наличии еще одной тенденции – отдаления татар от культурно и конфессионально близкого им башкирского этноса.

Факторный анализ ответов респондентов-русских

В результате анализа выделилось 7 основных факторов, описывающих 64.8% дисперсии.

Первый фактор – вклад 4,28 (17,1%) – получил название «Интолерантность и внутригрупповая этническая консолидация». В него вошли следующие переменные:

- увеличение культурной дистанции с башкирами (-0,79);
- увеличение культурной дистанции с татарами (-0,77);
- увеличение социальной дистанции с башкирами (-0,74);
- увеличение культурной дистанции с удмуртами (-0,71);
- увеличение социальной дистанции с татарами (-0,68);
- увеличение социальной дистанции с удмуртами (-0,64);
- даже если бы я мог выбирать, то не выбрал бы другую национальность (0,54);
- я не чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу (0,53).

Второй фактор – вклад 2,32 (9,3%) – получил название «Негативная этническая идентичность и интолерантность». В него вошли следующие переменные:

- негативные гетеростереотипы татар (-0,87);
- негативные автостереотипы (-0,82);
- негативные гетеростереотипы башкир (-0,68).

Третий фактор – вклад 2,25 (9,0%) – получил название «Значимость разделения по этническому и религиозному признаку». В него вошли следующие переменные:

- я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности (0,69);
- обычно я жертвую своими интересами ради интересов коллектива (0,65);
- народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга (0,64).

Четвертый фактор – вклад 1,93 (7,7%) – получил название «Негативная этническая идентичность». В него вошли следующие переменные:

- увеличение культурной дистанции с русскими (-0,73);
- увеличение социальной дистанции с русскими (-0,63);
- национальная принадлежность всегда будет разъединять людей (0,67).

Пятый фактор – вклад 1,93 (7,7%) – получил название «Внутригрупповая этническая консолидация». В него вошли следующие переменные:

- если в семье появится человек другой национальности, то это осложнит взаимопонимание (0,77);
- меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа (0,54);
- уменьшение социальной дистанции с русскими (0,51).

Шестой фактор – вклад 1,83 (7,3%) – получил название «Этническая интолерантность». В него вошли следующие переменные:

- образование (0,67);
- честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов (-0,64);
- негативные гетеростереотипы удмуртов (0,53);
- я считаю, что судьба моего народа зависит от моих поступков (0,53).

Седьмой фактор – вклад 1,69 (6,7%) – получил название «Амбивалентные чувства, связанные с этничностью». В него вошли следующие переменные:

- я испытываю глубокое чувство гордости, когда слышу что-либо о выдающихся достижениях моего народа (0,65);
- если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность (-0,63)

- я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу (-0,59).

Таким образом, в ментальном поле русских преобладают две ведущие тенденции. Во-первых, внутригрупповая этническая консолидация («Если бы я мог выбирать, то не выбрал бы другую национальность»; «Я не чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу»; уменьшение социальной дистанции с русскими; «Меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа»; «Если в семье появится человек другой национальности, то это осложнит взаимопонимание») и как следствие - увеличение культурной и социальной дистанции с башкирами, татарами и удмуртами, а также рост значимости разделения по этническому и религиозному принципу («Я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности; народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга»). Во-вторых, негативная этническая идентичность (негативные автостереотипы; «Народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга») и этническая интолерантность («Честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов»).

В седьмом факторе, названном «Амбивалентные чувства, связанные с этничностью», выделились разнонаправленные переменные: с одной стороны, чувство гордости за выдающиеся достижения своего народа, с другой стороны, наличие негативной этнической идентичности. Скорее всего, это свидетельствует о неудовлетворенности статусом в регионе и стремлении к культурному обособлению.

Факторный анализ ответов респондентов-удмуртов

При анализе ответов удмуртов выделилось 7 основных факторов, описывающих 63,4% дисперсии.

Первый фактор – вклад 3,78 (15,1%) – получил название «Надэтническая региональная общность». В него вошли следующие переменные:

- уменьшение социальной дистанции с татарами (0,83);
- уменьшение социальной дистанции с башкирами (0,81);
- уменьшение культурной дистанции с татарами (0,75);
- уменьшение культурной дистанции с русскими (0,74);
- уменьшение культурной дистанции с башкирами (0,70);

- уменьшение социальной дистанции с русскими (0,54).

Второй фактор – вклад 2,91 (11,6%) – получил название «Позитивная этническая идентичность и толерантность». В него вошли следующие переменные:

- позитивные гетеростереотипы русских (0,89);
- позитивные гетеростереотипы татар (0,83);
- позитивные автостереотипы (0,70);
- позитивные гетеростереотипы башкир (0,64).

Третий фактор – вклад 2,00 (8,0%) – получил название «Негативная этническая идентичность». В него вошли следующие переменные:

- негативные чувства, связанные с этничностью (0,72);
- я не испытываю глубокое чувство гордости, когда слышу что-либо о выдающихся достижениях моего народа (-0,74);
- увеличение социальной дистанции с удмуртами (-0,42).

Четвертый фактор – вклад 1,92 (7,7%) – получил название «Определенность этнической идентичности и этническая толерантность». В него вошли следующие переменные:

- честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов (0,82);
- если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность (0,74).

Пятый фактор – вклад 1,91 (7,6%) – получил название «Амбивалентная этническая идентичность». В него вошли следующие переменные:

- я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности (0,72);
- я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу (-0,63).

Шестой фактор – вклад 1,72 (6,8%) – получил название «Негативная этническая и конфессиональная идентичность». В него вошли следующие переменные:

- обычно я жертвую своими интересами ради интересов коллектива (-0,78);
- меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа (-0,53);
- народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга (-0,46);
- если в семье появится человек другой национальности, то это осложнит взаимопонимание (0,42).

Седьмой фактор – вклад 1,65 (6,6%) – получил название «Синдром навязанной этничности». В него вошли следующие переменные:

- национальная принадлежность всегда будет разъединять людей (0,72);
- меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа (0,50);
- уменьшение культурной дистанции с удмуртами (0,45).

В сознании удмуртов переплетаются две основных тенденции: во-первых, этническая толерантность на фоне позитивной и четкой этнической идентичности (позитивные автостереотипы и позитивные гетеростереотипы русских, татар и башкир; близкая культурная и социальная дистанции с татарами, башкирами и русскими; нежелание менять этническую принадлежность), во-вторых, негативная этническая идентичность (негативные чувства по поводу своей этничности; увеличение социальной дистанции с удмуртами; отсутствие чувства гордости за выдающиеся достижения своего народа) и негативная конфессиональная идентичность (отрицание наличия близости между народами на религиозной основе). Последнее может быть связано с тем, что большинство удмуртов, населяющих данный регион Башкирии, являются язычниками.

Факторный анализ всего массива данных по исследуемому региону показывает наличие тенденции разделения этнических групп на две общности по признаку сходства культур: башкиро-татарскую и русско-удмуртскую (Табл. 34). Наряду с этим выделяются две разнонаправленные тенденции: более выраженной – этнической толерантности и четкости этнической идентичности – и менее выраженной – этнической интолерантности и негативной этнической идентичности. У татар и удмуртов важнейшей тенденцией межэтнического восприятия является существование надэтнической (региональной) общности, у башкир и русских – негативная этническая идентичность и потребность во внутриэтнической консолидации. У башкир и удмуртов важным фактором, определяющим межэтническое восприятие, служит двойственность этнической идентичности, у них позитивная этническая идентичность входит в один фактор с этнической толерантностью, а негативная этническая идентичность – с этнической интолерантностью. У всех респондентов отмечаются попытки культурной интеграции на более высоком, чем этническая принадлежность, уровне: культуры

«группируются» в некие общности по признаку культурной и конфессиональной близости.

Таблица 34. Факторы, выделенные при анализе ответов респондентов, проживающих на

Башкиры	Татары	Русские	Удмурты
Негативная этническая идентичность	Надэтническая (региональная) общность	Внутриэтническая консолидация	Надэтническая (региональная) общность
Внутриэтническая консолидация	Позитивная идентичность и толерантность	Негативная этническая идентичность	Позитивная идентичность и толерантность
Этническая интолерантность	Позитивная этническая идентичность	Негативная этническая идентичность и	Негативная этническая идентичность
Этническая толерантность	Неопределенность идентичности и интолерантность	Бегство от этничности	Этническая и религиозная дифференциация
Двойственность этнической идентичности	Коллективизм	Значимость этнической и религиозной	Четкость этнической идентичности и толерантность
«Синдром навязанной этничности»	Этническая интолерантность	Этническая интолерантность	Ущемленная этничность
Негативная этническая идентичность	Этнонационализм	Ущемленность по этническому признаку	Двойственность этнической идентичности

Весь массив
Башкиро-татарская общность
Позитивная идентичность и толерантность
Значимость этничности
Русско-удмуртская общность
Четкость этнической идентичности
Этническая толерантность
Негативная этническая идентичность

Результаты факторного анализа свидетельствуют о наличии определенных тенденций в сознании респондентов, принадлежащим к четырем этническим группам северо-запада Башкирии.

Первая тенденция – это этническая толерантность, выраженная главным образом в позитивных гетеростереотипах, близкой социальной и культурной дистанции между этническими группами, в сочетании с позитивной этнической идентичностью, нежеланием менять этническую принадлежность.

Вторая тенденция – это этническая интолерантность, выражающаяся в негативных гетеростереотипах, в дифференциации по этническому и религиозному признаку, а также установках на внутриэтнические браки. Данная тенденция основывается, по мнению автора, на негативных компонентах этнической идентичности, ее негативности и амбивалентности, которые проявились в той или иной степени во всех четырех этнических группах. Нужно также отметить, что при более детальном рассмотрении межэтнических установок отдельных этнических групп северо-запада Башкирии общий фон оказался менее толерантным, чем при анализе результатов факторного анализа в целом по массиву.

Важно то, что в сознании представителей всех обследованных групп населения обнаруживаются тенденции межэтнической интеграции и дифференциации, которые находят свое выражение в установках на этническую толерантность и интолерантность. Видимо, в этих процессах отражаются внутренняя логика этнических и социально-психологических процессов: сохранение этнической и культурной индивидуальности, развитие культур посредством культурных взаимодействия, с одной стороны, и сохранение и развитие надэтнических межкультурных образований как основы стабильного и мирного сосуществования на одной территории – с другой (*Лебедева, Хотинец, Вискочил, Гаюрова, 2003. С. 195*).

ВЫВОДЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И УСТАНОВОК МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СЕВЕРНОЙ БАШКИРИИ

Результаты исследования взаимосвязи характеристик этнической идентичности и установок межкультурного взаимодействия представителей четырех обследованных этнических групп северной части Башкирии позволяют прийти к следующим выводам:

1. Основой этнической толерантности в изученном поликультурном регионе Северной Башкирии является социально-психологическая общность, образованная не по этническому, а по региональному (территориальному) признаку.

2. Результаты данного исследования указывают на существование в регионе двух социально-психологических общностей, основанных на близости культур – татаро-башкирской и русско-удмуртской.

3. Этническая идентичность не занимает ведущего места в структуре социальной идентичности у всех опрошенных респондентов. В современном мире при расширении диапазона групп, с которыми индивид может идентифицироваться (семейная, профессиональная, дружеская и т.п.), значимость этнической идентичности действительно снижается. Однако она может резко возрастать при наличии угрозы позитивному восприятию своей этнической общности и проблем в межэтнических отношениях. Согласно результатам исследования, опрошенные представители этнических общностей воспринимают этнокультурную ситуацию в регионе как относительно благоприятную.

4. Представителям разных этнических групп свойственна разная степень выраженности этнической самоидентификации. Так, русские, татары и удмурты продемонстрировали более выраженную, четкую и определенную этническую самоидентификацию по сравнению с башкирами. Башкиры одновременно демонстрируют неопределенность этнической идентичности и сближение с татарами – язык, близкие социальная и культурная дистанция. Это свидетельствует о двойственной (башкиро-татарской) этнической идентичности башкир.

5. Позитивная этническая идентичность (позитивные автостереотипы и позитивные чувства, связанные с этничностью) представителей всех четырех обследованных групп взаимосвязана с толерантными межэтническими установками.

6. Согласно результатам данного исследования, как определенность, так и неопределенность этнической идентичности взаимосвязаны с толерантными межэтническими установками: у представителей русских, татар и удмуртов определенность этнической идентичности взаимосвязана с общей этнической толерантностью; у башкир – неопределенность этнической идентичности взаимосвязана с близкой социальной дистанцией с этноконтактными группами (татарами и русскими).

7. Установки на этническую толерантность позитивно коррелируют со значимостью этнической идентичности, установками на поддержание традиций, позитивными гетеростереотипами у представителей всех этнических групп.

8. Установки на этническую интолерантность связаны с негативными установками на межэтнические браки, с чувствительностью к оскорблениям по этническому признаку и установками на дифференциацию по религиозному и этническому признаку.

9. Во всех обследованных группах респонденты продемонстрировали две стратегии межэтнического взаимодействия: установки на дифференциацию по этническому признаку и установки на поддержание своей культуры.

10. Для понимания сути этнокультурных процессов полезно рассматривать поликультурный регион как социальную систему, в которой каждая группа выступает в качестве элемента системы, а суть процессов интеграции и дифференциации этнических групп понимается как чередование этапов развития системы. С этой точки зрения поликультурные регионы с длительным периодом совместного сосуществования этнических групп представляют собой достаточно сбалансированные системы, в которых интегративные процессы превалируют над процессами дифференциации, и в которых большей частью существуют так называемые надэтнические общности регионального типа, несущие в себе некий «сплав» культурных характеристик населяющих их этнических групп: знание языков, элементов традиционных культур, обычаев и норм поведения. Для таких регионов характерны высокий уровень базовой этнической толерантности и отсутствие серьезных

межэтнических конфликтов. Суть дифференцирующих процессов в таких регионах – не в «разбегании» социальных групп и не в их взаимной неприязни, а в создании эффективных групповых границ, позволяющих сохранить групповую индивидуальность, специфичность группового субъекта как выполняющего системно-полезную функцию (*Сушков, 2000; Лебедева, Татарко, 2003*). Одним из основных социально-психологических факторов, позволяющих сохранить групповую индивидуальность, является этническая идентичность, характеристики которой играют важную роль в формировании этнической толерантности. Именно таким регионом со своей уникальной спецификой этнокультурной идентификации и межэтнического взаимодействия является Северная Башкирия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом можно говорить о благоприятном фоне этнического взаимодействия в исследуемом регионе. На это указывает ряд позитивных социально-психологических характеристик, которые свидетельствуют об общей толерантности представителей всех четырех обследованных групп, населяющих Северную Башкирию. Основа такого толерантного межэтнического взаимодействия носит, безусловно, исторический характер, и на данном этапе можно констатировать, что, преодолев суровые испытания политическими и социально-экономическими изменениями и кризисами, происходящими в нашей стране в течение последних десятилетий, межэтническое взаимодействие не утратило своей толерантности.

Толерантная атмосфера в северной части Башкирии еще раз подтверждает тезис о том, что основой этнической толерантности является социально-психологическая или надэтническая общность, образованная не по этническому, а по региональному (территориальному) принципу (*Лебедева, Малхозова, 2002*). Анализ результатов данного исследования выявил существование двух надэтнических общностей в регионе – татаро-башкирской и русско-удмуртской. В то же время результаты исследования свидетельствуют о достаточно высоком уровне этнической интолерантности у представителей всех четырех этнических групп. Хотелось бы отметить, что природа этнической интолерантности в данном случае не означает враждебное отношение к соседствующим этносам, а скорее выражается в стремлении сохранить свою этнокультурную определенность, не допустить полной этнокультурной ассимиляции.

По поводу этнической идентичности башкир и татар, населяющих северо-запад Башкирии, можно согласиться с мнением этнографов А.В. Черных и А.А. Плюхина, исследовавших этническое самосознание тулвинских башкир и татар и отмечавших его двойственность и многоуровневость (*Черных, Плюхин, 2001. С. 140–141*). Эти исследователи предполагают несколько возможных вариантов развития группы в перспективе (современная этнокультурная ситуация, по их мнению, будет сохраняться еще длительное время). Первый вариант – консолидация, объединение на основе башкирского этнического самосознания, с опорой на

историческое прошлое и официальное башкирское самоопределение. Второй вариант – консолидация на основе татарского самосознания, главными факторами которой выступает язык и ориентация культурной и образовательной политики на Казань. Третий, наиболее интересный и приемлемый вариант – сохранение и осознание себя отдельной этнокультурной общностью, отличной от других групп, – как татар, так и башкир. Однако приоритет этого направления требует проведения политики, направленной на сохранение самобытности группы во всех ее проявлениях: на уровне языка, материальной и духовной культуры.

В пользу последнего и, видимо, самого верного выхода из сложившейся ситуации А.Р. Ганеева пишет, что «тесное соседство, многовековые связи, этногенетическое и конфессиональное единство не могли не наложить отпечаток на культуру башкир и татар в данном регионе, создавая компоненты общности. Они очевидны в материальной и духовной культуре обоих народов». По ее мнению, это обстоятельство делает невозможным проведение четких этнокультурных границ между татарами и башкирами. Высокий процент межнациональных башкирско-татарских браков зачастую вообще снимает вопрос об этнической принадлежности, который в глазах населения приобретает сугубо ретроспективно-историческое значение (*Ганеева, 1992*).

В связи с этой проблемой актуально звучат слова В.А. Тишкова из его последней монографии «Реквием по этносу»: «Почему татаро-башкиры северо-западной Башкирии не могут считаться Культурой, а должны метаться между агитаторами двух других исторически недавно признанных (*татары* в современном смысле, а не как все тюрки, как это было еще сто лет тому назад) культур? Почему мы признаем состоявшийся когда-то в давнем прошлом культурный генезис из различных элементов и взаимодействий и отказываемся констатировать, что аналогичный процесс происходит в современном мире?» (*Тишков, 2003. С. 254*).

В заключение следует сказать, что, разумеется, данное исследование не дает исчерпывающих и однозначных ответов на вопрос о том, при каких условиях существование представителей разных этнических групп в поликультурном регионе будет носить толерантный характер, однако сделаны определенные шаги на пути научного анализа вопроса. Многие из результатов остались за рамками данной работы, многое еще предстоит осмыслить и понять, однако ясно главное – без научного изучения проблем такого рода

нельзя надеяться на мирное и достойное существование нашей многонациональной страны и всех народов, ее населяющих.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агеев*, 1990 – Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1990. 240 с.
2. *Александренков*, 1996 – Александренков Э.Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 13-23.
3. *Алишев*, 1990 – Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XX в. М., 1990.
4. *Арутюнов*, 1989 – Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 243 с.
5. *Арутюнов*, 1983 – Арутюнов С.А. Об условности понятия этнопсихология // Советская этнография. 1983. № 2. С. 82-84.
6. *Арутюнов*, 1989 – Арутюнов С.А. Фантом безэтничности // Расы и народы. М.: Наука, 1989. Вып. 19. С. 22-24.
7. *Арутюнов*, 1995 – Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность (отклик на статью С.В. Чешко) // Этнографическое обозрение. № 5. 1995. С. 7-11.
8. *Арутюнов*, 1993 – Арутюнов С.А. Этногенез, его формы и закономерности // Этнополис. 1993. 1. С. 87-99.
9. *Арутюнян, Дробижева, Кондратьев, Сусоколов*, 1984 – Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984. 256 с.
10. *Арутюнян, Дробижева, Сусоколов*, 1999 – Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. 1999. 271 с.
11. *Асфандияров*, 1994 – Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана. Справочник. Кн. 5. Уфа, 1994. 256 с.
12. *Асфандияров*, 1997 – Асфандияров А.З. Страницы истории Башкирии // История и культура Башкортостана. М., 1997.
13. *Афлетунов*, 1960 – Афлетунов А. Языковые особенности татар западной и юго-западной части БАССР: автореф. дисс... канд. филологич. наук. Казань, 1960.

14. *Ахмаров*, 1907 – Ахмаров Г.Н. Тептяри и их происхождение // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1907. Т. 23. Вып. 5. С. 342-345.
15. *Баишев*, 1955 – Баишев Т.Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955.
16. *Баишев*, 1996 – Баишев Ф. Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова. Уфа, 1996.
17. *Башкирский краеведческий сборник*, 1926 – Башкирский краеведческий сборник. Материалы Общества по изучению Башкирии под ред. Ш.Х. Сюнчелей. 1926. Уфа. N 1.
18. *Белик*, 1993 – Белик А.А. Психологическая антропология: история и теория. М. 1993. 555 с.
19. *Бергдольт*, 1997 – Бергдольт Ф. Мировоззрение турецкого историка Ахмеда Заки Валиди Тогана на основе его мемуаров // Башкирское национальное движение 1917-1920 гг. и А. Валиди: Зарубежные исследования / Составление и вступительная статья И.В. Кучумова. Уфа, 1997. С. 144-249.
20. *Бикбулатов*, 1989 – Бикбулатов Н.В. Есть повод для раздумий: Проблемы социально-культурного и этнического развития нации // Сов. Башкирия. 1989. 11 января.
21. *Бороноев, Павленко*, 1994 – Бороноев А.О., Павленко В.Н. Этническая психология. СПб., 1994.
22. *Бромлей*, 1983 – Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
23. *Винер*, 1998 – Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 3-26.
24. *Вишневский*, 1960 – Вишневский Б.Н. Следы угров на Западном Урале // Ученые зап. Пермского гос. ун-та. Т. 12. Вып. 1. Пермь, 1960. С. 255-270.
25. *Воробьев*, 1946 – Воробьев Н.И. Происхождение казанских татар по данным этнографии // Сов. этнография. 1946. № 3. С. 75-87.
26. *Воробьев, Хисамутдинов, Юсупов*, 1962 – Воробьев Н.И., Хисамутдинов Г.М., Юсупов Г.В. Историко-этнографические исследования населения Северо-западной Башкирии. // Советская этнография. 1962. № 6. С. 124-130.
27. *Высочил, Лебедева*, 2002 – Высочил А.А., Лебедева Н.М. Кросс-культурное исследование психологических показателей этнокультурной адаптированности и этнической толерантности в Башкортостане. // Идентичность и толерантность: Сб.ст. / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 191-213.

28. *Высочил, Лебедева*, 2002 – Высочил А.А., Лебедева Н.М. Кросс-культурное исследование этнической идентичности и этнической толерантности в поликультурном регионе (на примере северного Башкортостана) // Прикладная психология. 2002. №2. С. 33-44.
29. *Галкина*, 1993 – Галкина Е.М. Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей (по материалам этносоциологического исследования в г. Москве). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1993.
30. *Ганнеева*, 1992 – Ганнеева А.Р. Проблемы этнокультурного взаимодействия башкир и татар в северо-западной Башкирии (состояние изученности) // Этнос и его подразделения. Часть 2. Москва, 1992. С. 58-69.
31. *Гарипов*, 1959 – Гарипов Т.М. Об изучении разговорной речи западных башкир (К постановке проблемы)// Башкирский диалектологический сборник. Уфа, 1959. С. 285-289.
32. *Гарипов*, 1972 – Гарипов Т.М. Процесс языкового взаимодействия в Башкирии // Языковые контакты в Башкирии. Уфа, 1972. С. 38-39.
33. *Гриценко*, 2002 – Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. 252 с.
34. *Губогло, Сафин*, 2000 – Губогло М.Н., Сафин Ф.Г. принудительный лингвизм. М., 2000. 316 с.
35. *Давлетбаев*, 1986 – Давлетбаев Б.С. Тептяри и их землепользование // Малоизученные источники по истории Башкирии. Уфа, 1986. С. 78-158.
36. *Давлетшина*, 2001 – Давлетшина З.М. Татарское население Башкортостана. Этнодемографическое исследование. Уфа, 2001. 201 с.
37. *Дробижина*, 1994 – Дробижина Л.М. Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М., 1994. С. 16-47.
38. *Дробижина, Аклаев, Коротева, Солдатова*, 1996 – Дробижина Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х годов. М., 1996. 382 с.
39. *Дубова, Комарова, Ямсков*, 1998 – Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. Русские, башкиры и татары южных районов Пермской области (демографическая и социально-

- экономическая характеристика) // Этнические проблемы регионов России. Пермская область. М., 1998.
40. *Дубова, Комарова, Ямсков*, 1995 – Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1995. №81.
 41. *Ерусланов*, 1895 – Ерусланов П. Родственный союз по понятиям восточных черемис // Этнографическое обозрение. 1895. № 2. С. 35-49.
 42. *Заки Валиди Тоган*, 1994 – Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Кн. I. Уфа, 1994.
 43. *Закиев*, 1986 – Закиев М.З. Из истории татар и татарского языка // Сафиуллина С.Ф., Галиуллина К.Р. Русско-татарский разговорник. Казань, 1986. С. 285-289.
 44. *Зеньковский*, 1997 – Зеньковский С.А. Пантюркизм и ислам в России // Башкирское национальное движение 1917-1920 гг. и А. Валиди: Зарубежные исследования / Составление и вступительная статья И.В. Кучумова. 1997. С. 67-134.
 45. *Исхаков*, 1985 – Исхаков Д.М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX в. // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 36-65.
 46. *Исхаков*, 1993 – Исхаков Д.М. Историческая демография татарского народа (XVIII – начало XX в.). Казань, 1993.
 47. *Исхаков*, 1985 – Исхаков Д.М. К вопросу об этнической ситуации на северо-западе Башкирской АССР: современные тенденции // Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР. (Тез. докл. и сообщений). Устинов, 1985. С. 19-23.
 48. *Исхаков Д.М. О некоторых особенностях этнического взаимодействия татар и башкир в XVIII-XIX вв. Опыт этностатистического анализа* // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978-1979 гг. / Тез. докл. Уфа, 1980. С. 67-69.
 49. *Исхаков*, 1980 – Исхаков Д.М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII – XIX вв. // Сов. Этнография. 1980. № 4. С. 25–39.
 50. *Исхаков*, 1993 – Исхаков Д.М. Татары. Наб. Челны, 1993.

51. *Исхаков*, 1979 – Исхаков Д.М. Тепляри. Опыт этностатистического изучения // Советская этнография. 1979. № 4. С. 29-42.
52. *Исхаков*, 1993 – Исхаков Д.М. Этническая история // Татары и Татарстан. Казань, 1993. С. 6-32.
53. *Исхаков*, 2000 – Исхаков Д.М. Этническое развитие Волго-Уральских татар в XV – начале XX вв. Дисс... докт. ист. наук. М., 2000.
54. *Карр*, 1997 – Карр Э.Х. Несколько заметок о советской Башкирии // Башкирское национальное движение 1917-1920 гг. и А. Валиди: Зарубежные исследования / Составление и вступительная статья И.В. Кучумова. Уфа: Гилем, 1997. С. 36-66.
55. *Катанов*, 1901 – Катанов Н. Отчет о поездке, совершенной с 20 мая по 20 августа 1888 г. в Белебеевский уезд Уфимской губернии (окончание) // Ученые записки Императорского Казанского Университета. Год LXVIII. Кн. 3. Март 1901. Унив. летопись. С. 1-76.
56. *Козлов*, 1974 – Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1974 № 2. С. 24-38.
57. *Козлов*, 1995 – Козлов В.И., Проблематика «этничности» // Этнографическое обозрение. 1995, № 4, С. 39-55.
58. *Козлова*, 2004 – Козлова М.А., Взаимосвязь этнической идентичности, толерантности и личностной зрелости (на примере молодежных групп обских угров и русских). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.
59. *Комиссаров*, 1926 – Комиссаров Г.И. Население Башреспублики в историко-этнографическом отношении // Башкирский краеведческий сборник. № 1. Уфа, 1926. С. 17-30.
60. *Коростелев*, 1994 – Коростелев А.Д. Динамика этнического состава сельских поселений Башкортостана (К проблеме татаро-башкирской межэтнической напряженности) // Конфликтная этничность и этнические конфликты. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 67-92.
61. *Коростелев*, 2002 – Коростелев А.Д. Парадоксы этнической идентичности // Идентичность и толерантность / Отв. ред. Н.М. Лебедева. М., 2002. С. 86–110.
62. *Коростелев*, 2003 – Коростелев А.Д. Перечитывая Бромлей // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960-1990-

- е годы // С.Я. Козлов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. С. 317-321.
63. *Кузеев, Шитова*, 1963 – Кузеев Р.Г., Шитова С.Н. Башкиры: Историко-этнографический очерк. Уфа, 1963. 151 с.
 64. *Кузеев*, 1974 – Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974. 571 с.
 65. *Кузеев*, 1978 – Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. 263 с.
 66. *Кузеев*, 1992 – Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. 345 с.
 67. *Кузеев, Бабенко, Моисеева*, 1987 – Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я., Моисеева Н.Н. Этнографические процессы и этнические группы в новое и новейшее время // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С. 19-20.
 68. *Кузеев, Ганеева*, 1989 – Кузеев Р.Г., Ганеева Р.А. Северо-западные башкиры: состояние изученности, задачи исследования // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Уфа, 1989, С. 170-176.
 69. *Кульшарипов*, 2002 – Кульшарипов М.М. Трагическая демография. Уфа, 2002. 28 с.
 70. *Кушнер*, 1951 – Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951. 280 с.
 71. *Лебедева*, 1989 – Лебедева Н.М. Особенности социальной перцепции в процессе этнокультурной адаптации этнопеределенческих групп. Дисс. канд. псих. наук. М., 1989. 207 с.
 72. *Лебедева*, 1993 – Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993. 195 с.
 73. *Лебедева*, 1995 – Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. М., 1995. 285 с.
 74. *Лебедева*, 1997 – Лебедева Н.М. Социально-психологическая аккультурация этнических групп. Дисс. докт. псих. наук. М., 1997.
 75. *Лебедева*, 1998 – Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Старый сад, 1998. 315 с.
 76. *Лебедева*, 1999 – Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. Т. 20. №3. 1999. С. 48-58.

77. *Лебедева*, 1999 – Лебедева Н.М. Социально-психологические критерии устойчивости этнокультурных групп // Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999. С. 174-200.
78. *Лебедева*, 2002 – Лебедева Н.М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность/ Под. ред. Н.М. Лебедевой. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2002. С.10-34.
79. *Лебедева*, 2002 – Лебедева Н.М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России // Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2002. С. 7-26.
80. *Лебедева*, 2003 – Лебедева Н.М. Социально-психологические и индивидуально-личностные факторы этнической толерантности-интолерантности в межкультурном диалоге // Межкультурный Диалог. Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / Под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, Н.М. Лебедевой. М.: Изд-во РУДН, 2003. С. 204-255.
81. *Лебедева*, 2002 – Лебедева Н.М. Татарко А.Н. Кросс-культурный анализ социально-психологических факторов этнической толерантности и типичные стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко М.: Изд-во ИЭА РАН, 2002. С. 252-285.
82. *Лебедева, Татарко*, 2003 – Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Психологический журнал. Т. 24. №5. 2003. С. 31-45.
83. *Лебедева, Татарко*, 2005 – Лебедева Н.М. Татарко А.Н. Социально-психологические факторы этнической толерантности и интолерантности (по материалам Южного федерального округа) // Толерантность в межкультурном диалоге / Отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М., 2005. С. 160-196.

84. *Лебедева, Татарко, 2005* – Лебедева Н.М. Татарко А.Н. Теоретико-методологический подход к исследованию этнической толерантности в поликультурных регионах России // Толерантность в межкультурном диалоге / Отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М., 2005. С. 10-41.
85. *Лебедева, Малхозова, 2002* – Лебедева Н.М., Малхозова Ф.М., Социально-психологические исследования этнической толерантности в Карачаево-Черкесии // Идентичность и толерантность / Под. ред. Н.М. Лебедевой. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2002. С. 152-168.
86. *Лебедева, Хотинец, Выскочил, Гаюрова, 2003* – Лебедева Н.М., Хотинец В.Ю., Выскочил А.А., Гаюрова Ю.А. Психологические исследования этнической толерантности. УрМИОН. Екатеринбург, 2003. 240 с.
87. *Левкович, Андрущак, 1995* – Левкович В.П., Андрущак И.Б. Этноцентризм как социально-психологический феномен. // Психологический журнал. 1995, № 2. С. 70-81.
88. *Любавский, Ф. 364* – Любавский М.К. Очерки по истории башкирского землевладения и землепользования в XVII, XVIII и XIX веках. - Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. Ф. 364. Кар. 6. Оп. 1. Л. 18.
89. *Мажитов, 1968* – Мажитов Н.А. Бахмутинская культура: Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М., 1968.
90. *Мартынова, 2003* – Мартынова М.Ю. Нормы и правила межличностного общения в культуре народов России // Межкультурный диалог: Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / Под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, Н.М. Лебедевой. М.: Изд-во РУДН, 2003. С. 97–135.
91. *Махмутова, 1962* – Махмутова Л.Т. О татарских говорах северо-западных районов БАССР (по материалам экспедиций 1954-1957 гг.) // Материалы по татарской диалектологии. Т. 2. Казань, 1962. С. 57-86.
92. *Миржанова, 1976* – Миржанова С.Ф. Этнолингвистические процессы на северо-западе БАССР// Развитие языков и культур в их взаимосвязи и взаимодействии. Уфа, 1976. 235 с.
93. *Миржанова, 1979* – Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. М., 1979.

94. *Мостовенко, 1928* – Мостовенко П.Н. О больших ошибках в "Малой Башкирии" (К одному из первых наших опытов в национальном вопросе) // Пролетарская революция. 1928. № 5 (76). С. 103-137.
95. *Населенные пункты Башкортостана, 2002* – Населенные пункты Башкортостана. Ч. III. Башреспублика, 1926. Уфа, 2002. 400 с.
96. *Науменко, 1994* – Науменко Л.И. Исследование представлений об этнической идентификации белорусов, русских и представителей других национальностей в Беларуси // Восточная Европа: политический и социокультурный выбор. Мат-лы междунар. научно-практич. конф. Минск, 1994. С. 119-121.
97. *Науменко, 1997* – Науменко Л.И. Этническая идентичность. Проблемы трансформаций в пост-советский период // Этническая психология и общество / Под. Ред. Н.М. Лебедевой. – М.: Старый сад, 1997. С. 77-88.
98. *Павленко, 1997* – Павленко В.Н. Разновидности кризиса социальной идентичности в Украине // Этническая психология и общество/ Под. Ред. Н.М. Лебедевой. – М.: Старый сад, 1997. С. 88-96.
99. *Памятная книжка Уфимской губернии, 1873* – Памятная книжка Уфимской губернии. 1873. Ч. III.
100. *Первая Всеобщая перепись..., 1904* – Первая Всеобщая перепись населения России 1897 г. Т. 45. Тетрадь II. Уфимская губерния. СПб., 1904.
101. *Раимов, 1952* – Раимов Р.М. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 524 с.
102. *Рамазанова, 1986* – Рамазанова Д.М. К вопросу об истории формирования татарских говоров северо-западной Башкирии // Исследования по лексике и грамматике татарского языка. Казань, 1986. С. 70-79.
103. *Рахматуллин, 1988* – Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII-XVIII вв. М., 1988. 188 с.
104. *Роднов, 1996* – Роднов М.И. Численность тюркского крестьянства Уфимской губернии в начале XX в. // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 121-131.
105. *Роднов, 1997* – Роднов М.И. Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. 122 с.

106. *Роднов*, 2002 – Роднов М.И. Этническая толерантность в крестьянской среде Южного Урала в начале XX в. (на примере Уфимской губернии). Тезисы доклада Конгресса «Толерантность и ненасилие в современной цивилизации» Екатеринбург, 15–17 августа 2002 г. (рукопись).
107. *Роднов*, 2002 – Роднов М. И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. 314 с.
108. *Роднов, Васильева*, 1997 - Роднов М. И., Васильева О. В. История Николо-Берёзовки. Уфа, 1997. С. 156–157.
109. *Руденко*, 1955 – Руденко С.И.. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 392 с.
110. *Рыбаков*, 1900 – Рыбаков С. Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии. СПб., 1900.
111. *Рыбаков*, 1897 – Рыбаков С.Г. Музыка и песни Уральских мусульман. СПб., 1897.
112. *Рыбаков*, 2001 – Рыбаков С.Е. Философия этноса. М., 2001. 360 с.
113. *Рыжова*, 1995 – Рыжова С.В. Некоторые аспекты национального самосознания русских в республиках Российской Федерации (по материалам эмпирического исследования) // Суверенитет и этническое самосознание: идеология практик. М., 1995. С. 267-281.
114. *Рыжова*, 1997 – Рыжова С.В. Психологическая составляющая этнонационализма (опыт эмпирического исследования) // Этническая психология и общество / Под. Ред. Н.М. Лебедевой. – М.: Старый сад, 1997. С. 173-182.
115. *Рычков*, 1999 – Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. 312 с.
116. *Савва*, 1997 – Савва М.В. Этнический статус: Конфликтологический анализ социального феномена. Краснодар: Изд-во КубанГУ, 1997. 172 с.
117. *Сафин*, 2000 – Сафин Ф.Г. Этноязыковые процессы в Башкортостане в XX столетии. М., 2000. 292 с.
118. *Сборник статистических сведений...*, 1899 – Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 5. Бирский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1897г. Издание Уфимской Губернской Земской Управы. Под. Ред. С.Н. Велецкого, заведующего статистическим отделом земской управы. Уфа, 1899.

119. *Солдатова*, 1995 – Солдатова Г.У. Психологический потенциал сдерживания межэтнической напряженности в республиках России // Суверенитет и этническое самосознание: идеология практик. М., 1995. С. 282-299.
120. *Солдатова*, 1998 – Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 389 с.
121. *Списки населенных мест...*, 1875 – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. Т. 31. Пермская губерния. СПб, 1875.
122. *Станкевич*, 1912 – Станкевич К. Ф. Современное положение кумысного промысла в Уфимской губернии и меры к его урегулированию. Уфа, 1912.
123. *Стефаненко*, 1999 – Стефаненко Т.Г. Социальная психология этнической идентичности. Автореф. дис... док. псих. наук. М., 1999.
124. *Стефаненко*, 2000 – Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2000. 320 с.
125. *Стефаненко*, 2003 – Стефаненко Т.Г. Язык, этническая идентичность и межэтническое взаимодействие // Межкультурный диалог: Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / Под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, Н.М. Лебедевой. М.: Изд-во РУДН, 2003. С. 175–203.
126. *Стефаненко, Шлягина, Ениколопов*, 1993 – Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Методы этнопсихологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1993. 80 с.
127. *Султан-Галеев*, 1998 – Султан-Галеев М. Методы антирелигиозной пропаганды среди мусульман // Избранные труды. Казань, 1998.
128. *Тарасов*, 1984 – Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984.
129. *Татары*, 2001 – Татары. М., 2001.
130. *Титова, Козлов*, 2003 – Титова Т.А., Козлов В.Е., Межэтническая толерантность и психологическая напряженность в современном татарстанском обществе // Расы и народы, Вып. 29, 2003. С. 221-234.
131. *Тишков*, 1997 – Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3, С. 3-21.

132. *Тишков*, 2003 – Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003. 544 с.
133. *Токарев*, 1964 – Токарев С.А. Проблемы типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964, № 11.
134. *Томашевская*, 2002 – Томашевская Н.Н. От социального пространства к социальному времени. Опыт этнической истории башкирского этноса в новое время. Уфа. 2002. 240 с.
135. *Тулвинские татары и башкиры*, 2004 – Тулвинские татары и башкиры: Этнографические очерки и тексты./ Черных А.В. (отв. ред.), Урстемирова Л.И. (отв. ред. татарского текста). Пермь, 2004. 456 с.
136. *Фирсов*, 1869 – Фирсов Н.А. Иностранческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация Закамских земель в это время. Казань: В университетской типографии, 1869.
137. *Флоринский*, 1874 – Флоринский В.М. Башкирия и башкиры: Путевые заметки // Вестник Европы. 1874. Т. 6. С. 723-765.
138. *Халиков*, 1989 – Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989.
139. *Халиков*, 1971 – А.Х., Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья.// Археология и этнография Башкирии. Т.4. Уфа, 1971. С. 30-37.
140. *Хотинец*, 2000 – Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб, 2000. 240 с.
141. *Христолюбова, Миннихметова*, 1992 – Христолюбова Л.С., Миннихметова Т.Г. К изучению удмуртов Башкирии // Этнос и его подразделения. М., 1992. С. 138-139.
142. *ЦГА Республики Башкортостан*, ф. 472 – ЦГА Республики Башкортостан, ф. 472, оп. 1, ед. хр. 549-553 (Бирский кантон); ед.хр. 565-569 (Уфимский кантон); ед. хр. 545-548 (Белебеевский кантон).
143. *Чебоксаров*, 1967 – Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологизации этнических общностей в трудах советских ученых // Советская этнография. 1967. № 4.
144. *Черных*, 1997 – Черных А.В. Этнические особенности русских башкирского пограничья // Пермский край: прошлое и настоящее: (К 200-летию образования Перм. Губ.): материалы междунар. науч. – практ. Конф., Пермь, 28-29 мая 1997г. Пермь, 1997. 211 с.
145. *Черных А.В., Плюхин*, 2001 – Черных А.В., Плюхин А.А. Этническое самосознание тулвинских башкир и татар в конце

- XIX – начале XX вв. // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона: Материалы межрегиональной научной конференции. Уфа, 2001. С. 140-141.
146. *Чешко*, 1994 – Чешко С.В. Человек и этничность. // Этнографическое обозрение. 1994. №6. С. 35-49.
147. *Чичерина*, 1906 – Чичерина С.В. Положение просвещения у поволжских инородцев // Известия Императорского Русского географического общества. 1906. Т. 42. Вып. 2-3. С. 591-649.
148. *Юлдашев*, 1959 – Юлдашев А.А. К проблеме формирования башкирского национального языка // Вопросы башкирской филологии. М., 1959. С. 118-119.
149. *Якупов*, 1996 – Якупов Р.И. Проблема тептярей в историко-этнографической литературе XVIII – XX вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 1996.
150. *Якупов*, 1992 – Якупов Р.И. Тептяри сословие или этнос? // Этнос и его подразделения. М., 1992. С. 167-168.
151. *Якупов*, 2001 – Якупов Р.И. Тептяри: историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности. Москва: Старый сад, 2001. 270 с.
152. *Янгузин*, 1987 – Янгузин Р.З. Численность и расселение удмуртов в Башкирии в конце XVIII – начале XX вв. // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Тезисы докладов. Ижевск, 1987. Т. II. С. 214.
153. *Янгузин*, 1989 – Янгузин Р.З. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989.
154. *Янгузин*, 2002 – Янгузин Р.З. Этнография башкир. Уфа, 2002. 192 с.
155. *Barth*, 1994 – Barth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity. // The Anthropology of Ethnicity. Beyond «Ethnic Groups and Boundaries»/ Eds.: H. Vermeulen, C. Govers. Amsterdam, Het Spinhuis. 1994. P. 11-32.
156. *Berry*, 1984 – Berry J.W. Multicultural policy in Canada: A social psychological analysis. Canadian Journal of Behavioural Science. 1984. 16. P. 353-370.
157. *Berry, Kalin*, 1995 – Berry J.W., Kalin R. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey. Canadian Journal of Behavioural Science. 1995, 27 (3), P. 301-320.
158. *Berry, Kalin*, 1979 – Berry J.W., Kalin R. Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society. International Journal of Intercultural Relations. 1979. 3. P. 99-112.

159. *Berry, Kalin*, 1977 – Berry J.W., Kalin R., Taylor D. Multiculturalism and ethnic attitudes in Canada. Ottawa: Supply and Services Canada. 1977.
160. *Berry, Pleasants*, 1984 – Berry J.W., Pleasants M. Ethnic tolerance in plural societies. Paper given at the International Conference on Authoritarianism and Dogmatism. Potsdam, N.J. Wiley. 1984.
161. *Berry, Poortinga, Segall, Dasen*, 1992 – Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambridge University Press, 1992.
162. *Bochner*, 1982 – Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction / Oxford: Pergamon. 1982.
163. *Bogardus*, 1959 – Bogardus E.S. Social Distance. Ohio, 1959.
164. *Brown*, 2000 – Brown R. Group processes. Dynamics within and between groups. Blackwell Publishers, 2000.
165. *Brewer, Campbell*, 1976 – Brewer M., Campbell D.T. Ethnocentrism and intergroup attitudes: East African evidence. New York: Sage/Halsted. 1976.
166. *Duckitt*, 1994 – Duckitt J. The social psychology of prejudice. Westport, Conn.: Praeger. 1994.
167. *Eidheim*, 1969 – Eidheim H. When Ethnic Identity is a Social Stigma // Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference. Oslo-Bergen-Tromsø, 1969.
168. *Epstein*, 1978 – Epstein A.L., Ethnos and Identity: Three Studies in Ethnicity. London, 1978.
169. *Furnham, Bochner*, 1986 – Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. L. & N.Y. 1986.
170. *Giles, Johnson*, 1984 -- Giles H., Johnson P. The role of language in ethnic group relations. // Intergroup behavior. Oxford, 1984.
171. *Hofstede*, 1984 – Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-related Values. Beverly Hills, CA: Sage. 1984.
172. *Horowitz*, 1985 – Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. Berkeley; Los Angeles; London. 1985.
173. *Katz, Braly*, 1933 – Katz D., Braly K. Racial stereotypes in one hundred college students. // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. 28. P. 280-290.
174. *Kluckhohn, Strodbeck*, 1961 – Kluckhohn F., Strodbeck F. Variations in value orientations. N.Y.: Row, Peterson. 1961.

175. *Kuhn, McPartland*, 1954 – Kuhn M., McPartland T. An Empirical Investigation of Self-attitudes. // *American Sociological Review*. 1954. 1. P. 68-76.
176. *Le Vine, Campbell*, 1972 – Le Vine R., Campbell D.T. *Ethnocentrism: Theories of conflict, attitudes and group behavior*. New York: Wiley. 1972.
177. *Lebedeva, Viskochil*, 2002 – Lebedeva N., Viskochil A. Relation between ethnic identity and interethnic attitudes in North Bashkortostan // XVI Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology. Indonesia, Yogyakarta, 15-19 July, 2002. P. 35.
178. *Lebedeva, Viskochil*, 2003 – Lebedeva N., Viskochil A. The Interethnic Attitudes in the North of Bashkir's Republic // "Cultures in Interaction" International Association for Cross-Cultural Psychology. Sixth European Regional Congress. Budapest, Hungary, July 12-16, 2003. P. 177-178.
179. *Lewis, Rowland, Clem*, 1975 – Lewis R., Rowland R., Clem R. Modernization, Population Change and Nationality in Soviet Central Asia and Kazakhstan. // *Canadian Slavonic Papers*. 1975. P. 2-3.
180. *Moscovici*, 1984 – Moscovici S. *The Phenomena of Social Representation*. // *Social Representations*. Cambridge. 1984.
181. *Nagata*, 1974 – Nagata J. What is a Malay? // *American Ethnologist*. 1974. N 1.
182. *Rosaldo*, 1984 – Rosaldo M.Z. *Toward an Anthropology of Self and feeling* // *Culture Theory* / Ed. By R.A. Schweder, R. Levine. Cambridge, 1984. P. 137-154
183. *Taylor*, 2002 – Taylor D. *The Quest for Identity. From minority groups to Generation Xers*. Praeger, 2002.
184. *Taigfil*, 1978 – Taigfil H. *Social categorization, social identity and social comparison / Differentiation between social groups*. London, 1978.
185. *Tajfel*, 1982 – Tajfel H. *Social identity and intergroup relations*. Cambridge and Paris, 1982.
186. *Tajfel, Turner*, 1986 – Tajfel H., Turner J.C. An intergroup theory of intergroup behavior. In S. Worchel and G. Austin (Eds.). *Psychology of intergroup Relations*. Monterey, Calif.: Brooks/Cole. 1986. P. 7-24.
187. *Triandis, Leung, Villareal, Clack*, 1985 – Triandis H., Leung K., Villareal M., Clack F. Allocentric versus idiocentric tendencies. // *Journal of Research in Personality*. 1985. N 19. P. 395-415.

188. *Triandis, 1994* – Triandis H.C. Culture and social behavior. N.Y. etc.: McGraw-Hill. 1994.
189. *Turner, 1978* – Turner J.C. Social categorization and social discrimination in the minimal group paradigm // H. Tajfil (ed). Differentiation between social groups: studies in the social psychology of intergroup relations. L., 1978.
190. *Verdery, 1988* – Verdery K. Ethnicity, Nationalism, and State-Making: Ethnic Groups and Boundaries: Past and Future // The Anthropology of Ethnicity / Beyond «Ethnic Groups and Boundaries» / Eds.: H. Vermeulen, C. Govers. Amsterdam, 1988. P.149-168.
191. *Williams, 1989* – Williams B.F. A Class Act: Anthropology and the Race to Nation Across Ethnic Terrain // Annual Review of Anthropology. 18. 1989.

Приложение №1

Уважаемый друг! Просим Вас принять участие в исследовании, изучающем особенности межкультурного общения в Вашем регионе. Пожалуйста, следуйте инструкциям и не пропускайте ни одного вопроса.

1. Попробуйте, пожалуйста, 5-6 раз ответить на вопрос «Кто Я?»

1. _____ 3. _____ 5. _____
2. _____ 4. _____ 6. _____

2. Какие чувства вызывает у Вас принадлежность к своей нации? (Подчеркнуть)

1) гордость 4) обиду
2) спокойную уверенность 5) ущемлённость, униженность
3) никаких чувств 6) другое (укажите, какое именно) _____

3. Назовите 4-5 характерных черт, свойственных

а) башкирам б) татарам в) русским г) удмуртам

_____	_____	_____	_____
_____	_____	_____	_____
_____	_____	_____	_____
_____	_____	_____	_____

4. В какой мере Вы считаете себя представителем следующих национальностей (отметьте «+»):

№		Полностью	Отчасти	Не считаю	Затрудняюсь ответить
1	Башкиром				
2	Татарин				
3	Русским				
4	Удмуртом				

5. Я принимаю представителей перечисленных народов в качестве (поставьте да «+», нет «-»):

№		Башкир	Татар	Удмуртов	Русских
1	Жителя республики				
2	Соседа				
3	Близкого друга				
4	Близкого родственника (через браки детей)				

6. Какой язык (какие языки) Вы считаете родным? _____

7. В какой степени Вы владеете наиболее распространенными языками Башкортостана:

№		Свободно	Хорошо	Понимаю, но не говорю	Совсем не владею
1	Башкирским				
2	Татарским				
3	Удмуртским				
4	Русским				

8. Выберите один или несколько из предложенных вариантов ответов.

№	С этим народом меня роднят:	Башкирами	Татарами	Удмуртами	Русскими
1.	Общее место жительства				
2.	Общее историческое прошлое				
3.	Язык				
4.	Религия				
5.	Обычаи, обряды, традиции				
6.	Внешний вид				
7.	Поведение, черты характера				
8.	Что-то другое (что именно)				

9. Какие особенности национального характера Вашего народа Вам симпатичны?

Какие вызывают неприязнь?

10. Пожалуйста, оцените приведенные здесь высказывания по шкале от 1 (полностью согласен) до 7 (совершенно не согласен).

а) Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу. 1-----2-----3-----4-----5-----6-----7

б) Если бы я мог выбирать, то выбрал бы какую-нибудь другую национальность.

1-----2-----3-----4-----5-----6-----7

Какую и почему?

в) Честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов.

1-----2-----3-----4-----5-----6-----7

Каких и почему?

11. Внимательно прочитайте следующие утверждения и отметьте степень Вашего согласия с ними в соответствии со шкалой: 1 – абсолютно не согласен, 2 - отчасти не согласен, 3. – не знаю, 4 – вполне согласен, 5 – абсолютно согласен

№		1	2	3	4	5
1	Надо стремиться поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа					
2	В своих поступках следует руководствоваться личными интересами, а не национальными					
3	Народам, исповедующим одну религию, легче понять друг друга					
4	Современному человеку его национальность должна быть безразлична					
5	Обычно я жертвую своими интересами ради интересов коллектива					
6	Интересы народа должны быть важнее, чем проблемы и интересы отдельной личности					
7	Национальная принадлежность всегда будет разъединять людей					
8	Мне важно получить признание моих заслуг за хорошо сделанную работу					
9	Перед тем, как сделать что-то важное, я советуюсь с семьей и друзьями					
10	Если в семье появится человек другой национальности, то это осложнит взаимопонимание					
11	Думаю, что органично развивать и сохранять национальную культуру могут только люди этой национальности					
12	Считаю, что приобщение моего народа к мировой цивилизации важнее возрождения национальных традиций					
13	Я предпочитаю, чтобы меня окружали люди моей национальности					
14	Не думаю, что мой народ чем-то отличается от других					
15	Я считаю, что судьба моего народа зависит от моих поступков					
16	Мне не нравится, что в нашей культуре и языке появилось слишком много чужеродных элементов					
17	Я обращаю внимание на национальность человека, с которым знакомлюсь					
18	Меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа					
19	Я испытываю глубокое чувство гордости, когда слышу что-либо о выдающихся достижениях моего народа					

Отметьте, пожалуйста,

Ваш пол _____ Возраст _____ Образование _____ Национальность _____

Национальность Ваших родителей: Отца _____ Матери _____

Национальность трех Ваших лучших друзей _____

Какую религию Вы исповедуете? _____

Насколько Вы религиозны: очень _____ средне _____ совсем нет _____

Люди каких национальностей работают вместе с Вами? _____

Укажите место вашего рождения _____

Если прибыли сюда, то откуда _____ как давно _____

Содержание

Предисловие	3
Введение	8
Глава 1. Теоретико-методологический подход к исследованию этнической идентичности и межэтнических отношений	11
Исторический анализ особенностей межкультурного взаимодействия в Северной Башкирии.....	11
Исторические особенности заселения региона башкирским населением.....	12
Переселение в регион татарского населения. Мишари и тептяри....	15
Основные этапы заселения региона удмуртским населением.....	20
Формирование восточнославянского населения региона.....	21
Особенности межкультурного взаимодействия в Северной Башкирии.....	22
Историческая ретроспектива возникновения исследуемых деревень Янаульского и Аскинского районов.....	29
Особенности формирования этнической идентичности населения севера Башкирия.....	35
Динамика численности населения севера Башкирии.....	35
Формирование этнической идентичности населения севера Башкирии.....	44
Двойственная этническая идентичность как характерная особенность исследуемого региона.....	54
Этническое самосознание – этничность – этническая идентичность: общее и особенное.....	60
Проблема соотношения понятий «этническое самосознание, этничность, этническая идентичность» в гуманитарных науках.....	60
Структура и виды этнической идентичности в поликультурном обществе.....	66
Основные факторы этнической толерантности в межкультурном взаимодействии.....	79
Теоретический анализ факторов, влияющих на межкультурное взаимодействие в поликультурном регионе.....	79
Взаимосвязь этнической идентичности и толерантности в межкультурном взаимодействии.....	87

Теоретико-методологический подход к исследованию межкультурного взаимодействия в Северной Башкирии. Гипотезы полевого эмпирического исследования.....	94
Глава 2. Эмпирическое исследование этнической идентичности и установок межкультурного взаимодействия севера Башкирии.....	103
Характеристика объекта исследования.....	103
Методы исследования и основные показатели.....	104
Результаты исследования этнической идентичности и установок межкультурного взаимодействия.....	112
Результаты исследования этнической идентичности представителей населения севера Башкирии.....	112
Результаты исследования этнической толерантности в межкультурном взаимодействии.....	127
Анализ основных этнокультурных установок представителей населения севера Башкирии.....	136
Взаимосвязь этнической идентичности и этнической толерантности.....	141
Корреляционный анализ результатов исследования.....	141
Факторный анализ установок межкультурного взаимодействия представителей населения севера Башкирии.....	154
Выводы по результатам эмпирического исследования этнической идентичности и установок межкультурного взаимодействия в Северной Башкирии.....	167
Заключение.....	170
Библиография.....	172
Приложение.....	187